

приисковом поселке на реке Чауж. Из поселка Павловского лесные дороги вывели меня в долину реки Чауж. Удивительное открылось место: река, пруд, дачные домики в окружении гор...

Павловский прииск находился в верховье реки, назван в честь заводовладельца Павла Николаевича Демидова, открыт в 1840 году разведочной партией по распоряжению смотрителя приисков Ивана Белова.

В советское время на прииске для добычи платины в 1931 году была установлена драга № 42. Начальником был Николай Коробков. Прииск переименовали в «Красный Октябрь», тогда на нем проживало 153 человека. Поселок состоял из нескольких домов и существовал до 1958 года.

Приехал на бывшую станцию Бобровка, где сохранились несколько жилых домиков, куда еще приезжают огородники. Неподалеку находится знаменитое месторождение «Бобровское», открытое в 1855 году. Здесь, на правом берегу реки Малая Бобровка, добывали известный во всем мире демантоид «уральский гранат».

Еще в 1920-е годы на Черноисточинском заводе работала гранильная мастерская. Ею заведовал И.Н. Носов, счетоводом был некто З.С. Булыгин. Гранильщик-ювелир из Черноисточинска И.Г. Промышленников в середине прошлого века сам добывал хризолиты на реке Бобровке, а потом за гранильным станком придавал им ювелирную форму. Работал он по договору со свердловской фабрикой «Уральские самоцветы». У него сохранилось благодарственное письмо.

Сейчас около горы Соловьевой работает предприятие «Нейва». В книге «Зеленые горы, пестрый

Шурф на р. Малой Бобровке

народ» авторы А. Черноскутов и Ю. Шинкаренко пишут: «Отдых, сопряженный с поисками демантоидов, всегда интересен и плодотворен. Не бывает, чтобы посещающие Малую Бобровку туристы уходили отсюда без добычи».

В Бобровке разговорились с геологом Владимиром. После учебы он приехал сюда на практику да и остался здесь. Сидим в небольшой избушке, вскипятили чайник на газу – электроэнергии нет с 1995 года, от батареек тихо говорит радиоприемник. Говорим о камнях-самоцветах. Демантоид относится ко второй группе драгоценных камней. Основные его размеры от 1,5 до 5 миллиметров, 6 – 7 мм большая

Служащие Павловского прииска. Начало XX в.
Фото из Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

редкость. Чтобы добыть демантоиды, копают шурфы. Работа сезонная, но работают и зимой. Бывает, что встречаются старинные крепи.

Рядом с бывшей станцией «Бобровка» на реке Малая Бобровка – отвалы горной породы. По лесной тропке пробираюсь туда. В редколесье слышатся голоса, стук кайла, лай собаки. Виден дым костра, показались недавно вырытые шурфы и кучи отработанной породы. Долина реки вся изрыта, бугры насыпей, заросших травой и деревьями столетней давности. Навстречу идет пожилой человек, в руках котелок с водой. Он – бывший шахтер ВГОКа, сейчас на пенсии. Не хочется расставаться с камнями, все-таки родная стихия, вся жизнь среди камней прошла.

А вот молодой мужчина несет два полных ведра с глинистой породой и ставит их в большую лужу. Анатолий работает на заводе в Тагиле. В баночке несколько зеленоватых камешков – это немного. Работа не из легких, но берет азарт добывать камень. Показал, как идет промывка на грохотах. Сначала встряхивают верхний грохот, потом нижний. Бывает, сразу несколько штук находят, а бывает, и одна пустая порода идет, значит, в сторону от жилы отошли.

Добытые демантоиды – «камушники» - везут в Екатеринбург на ярмарку по продаже драгоценных камней. Тагильский краевед Сергей Панкратов, назвал бобровские хризолиты «зеленым золотом»...

В Черноисточинск возвращался от железнодорожной станции «Урал». Впереди, на фоне синих гор, показалось село Захаровка. Далее дорога привела в поселок Уралец. Основанием поселку послужило открытие главным смотрителем Нижнетагильских заводов Г. Беловым прииска на реке Мартьяне в 1836 году. Он назван в честь заводовладелицы Авроры Карловны Шернваль, жены П. Демидова.

Уральский тракт пересекает две реки – Большую и Малую Березовки. Мне эти места хорошо знакомы. Множество лесных тропинок и дорог петляют вокруг покосов.

Река Большая Березовка берет начало между гор Голой и Лазарев Камень и впадает в Черноисточинский пруд. Слева в нее впадает речка Лазарев ключ. Мы ее называли Дуплянка. Здесь был наш покос.

Ширина Березовок всего два-три метра. А какие несметные богатства хранили эти реки!

Начиная с 1823 по 1852 годы в Нижнетагильском заводском окру-

ге ежегодно добывали 20 – 30 пудов золота! После 1850-х добыча постепенно снижается.

Березовский золотой прииск открыл в 1825 году штейгер Емельян Растигилов. Золото и платину добывали по речкам Большой и Малой Березовкам. В основном преобладало золото. В 1827 году на прииске работало 36 человек, промывали золотоносные пески. С левой стороны реки Малой Березовки возвышается гора Чаужная, на которой добывали и железную руду. Следы заброшенного рудника можно увидеть и сейчас. Рядом находится родник «Металлург».

Все перечисленные населенные пункты с этого года административно принадлежат Нижнему Тагилу.

Снова пересекаю речку Чауж и Ушковскую канаву. Впереди, на пригорке, замаячили белые купола православной церкви, окруженной со всех сторон строениями. Здесь некогда жили и работали не только демидовские мастеровые Черноисточинского завода, но и старатели.

Река Чауж

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

февраль 2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Далекое – близкое

А. ПИЧУГИН

Ф. СОЛОМОНОВИЧ

Возвращение из Леты

А. КОЗЫРЕВ

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Краеведческая копилка

А. ДМИТРИЕВ

Прогулки в прошлое

Р. ФИЛИППОВ

Человек и природа

М. ФОНОТОВ

Легенды и были

В. ТРУСОВ

Пушкиниана

Н. ШАРНИНА

АЗАЛИТА

Законы Вселенной

М. ГЕЛПРИН

Повод для улыбки

Я. ВОЛЬПОВ

Координаты чудес

Н. ИВОЛГА

СВЕЧА ГОРЕЛА

Молодые имена

М. ШЕЛЕПОВА

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Путешествия по Южному Уралу

Е. ШИПУЛИНА

Маршруты «Серебряного кольца»

Т. ЧЕРЕМИСИНА

Дети в походе

Т. и А. ЛЫХИНЫ

На страже Родины

И. КУЗНЕЦОВА

Камни Урала

В. АВДОНИН

По следам
демидовских старателей..... 2 пол. обложки

Ивдельлаг 4

Унтер-офицер экспедиционного корпуса..... 10

Писательницы России 11

Любимовское дело 12

Славный город Шадринск 14

Цинния не помнящая родства. Флора
в глобализации 21

Шунут-богатырь и другие 22

«Веленью божию, о муза,
будь послушна» 25

Пожелтевшая афиша 26

Роза Ивановна 26

Новоуткинские таланты 27

«Счастливым сын Пиров» 27

Дождаться своих 28

Как не жениться на принцессе 36

Чистота – залог 44

Cote d'Azur 47

Нугуш 60

Полевской 70

Зимний Гамаюн 74

Как это происходит 75

Горный хрусталь – воплощение красоты
природы 78

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго, С.А.Надь.
Худ. редактор, верстка – А.А. Жильцова.
Художники – А. Митрофанова,
Я. Ахметшина.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Т.В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки – М.Ю. Фирсов.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Издатель – СООО «Трудовой коллектив редакции
журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бутров, ректор УрГУ.

ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»
Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Туренева, 13.
тел. (343) 295-61-27, (343) 295-61-28
Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-
следия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
вом на подготовку и название журнала. Рукописи принимаются
отпечатанными не менее 12 пп, по 60 знаков в строке, 28–30
строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
подписана автором. Обязательна принятая информация
об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале,
на сайте журнала, корректуру и редакционную правки. В
первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответ-
ственность за предоставление материалов и иллюстраций,
обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
правлении электронных сообщений обязательно заполнить
поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
обязательна.

Материалы рубрики «Добрые полунчики «Уральского
следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
чать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-
ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего за-
рубежья

– Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

• ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37

• ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40

• ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73

• ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43

• ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81

• ул. Победы, 38, тел. 330-16-82

• пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21

• ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46

• ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

Ивдельлаг

Памяти дорогого внука Сергея посвящаю этот материал

*Велика земля моя! Сколько бурь, огня и пепла
пронеслось над тобой. Сколько пережил и
будет еще переживать твой великий народ?..
Не от того ли, что народ твой молчалив и терпелив?..*

М.Анисимкова. «Плач гагары».

Введение

Начиная с конца 30-х и начала 40-х годов в СССР действовала разветвленная сеть исправительно-трудовых лагерей, интегрированных в экономику страны. Значительная их часть была размещена на Урале.

Общая численность заключенных «лесных» лагерей на Урале на 5 декабря 1942 г. составляла 76855 человек, а на 1 мая 1943 г. – 51946. Это соответствовало 43,3 и 36% от общей численности осужденных Управления лагерей лесной промышленности НКВД по СССР.

По результатам изучения документальных материалов органами государственной безопасности установлено, что в период 1930 – 1953 годов по возбужденным органами ОГПУ, НКВД, НКГБ-МГБ-2578592 уголовным делам было подвергнуто репрессиям 3778234 человека, из них приговорено к высшей мере наказания (расстрелу) 786098 человек. Среди лиц, подвергнутых репрессиям, осуждено судебными органами 1299828 человек (в том числе к расстрелу – 129550 человек), несудебными органами (различными двойками, тройками, особыми совещаниями и даже списками) – 2478406 человек (в том числе к расстрелу – 656548 человек).

А теперь отвлекусь от темы.

В марте 1930 г. в Ивдельском районе Свердловской области сложилась угрожающая ситуация с переселенцами, прибывшими после «раскулачивания». «Привезенные» 5108 человек, кое-как были разме-

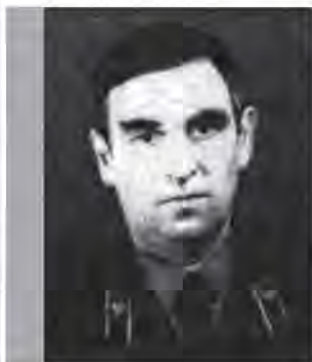
щены на лесочастках Камураллеса и других лесозаготовительных организаций, в то время работавших в районе. Их руководители наотрез отказывались снабжать продуктами питания нетрудоспособную часть «кулацких» спецссыльных. По докладу прокуратуры (Уральской областной) от 2 апреля 1930 г., категория больных, инвалидов и стариков в возрасте от 80 до 85 лет составляла до 75%. Детей, конвоируемых в лютую зиму 1930 г., было до 40%.

Ссыльные говорили: «Не видать нам больше своей страны, широких полей, пропадем мы здесь голодной смертью и замерзнем. Живем в переполненных бараках, которые каждую ночь загораются...». Летом начался страшный голод.

Учитывая малонаселенность нашего региона и сложность переселения в него людей из других областей, а также то, что страна располагала дешевой и бесправной рабочей силой (из числа уголовных элементов и осужденных по 58-й статье, а также спецпереселенцев), и было решено создать в этих местах, «не столь отдаленных», исправительно-трудовые учреждения.

Уполномоченный НКВД СССР Алмазов 25 августа 1937 г. подписал приказ №1 о приеме имущества Ивдельского леспромхоза «Свердлес» в систему ГУЛАГа.

Так было положено начало Ивдельлагу, колоссальной «тюремной машине», островку тогдашнего ГУЛАГа, с дислокацией на территории Ивдельского района, Управление и подразделения лагеря были

Феликс Яковлевич Соломонович родился 3 августа 1936 г. на Украине. Пенсионер МВД с 1993 г. Подполковник в отставке, работал в Учреждении более тридцати лет. Прошел путь от мастера ЦРММ до начальника отдела сплава и сбыта. Награжден орденом «Знак Почета» и семью медалями, знаком «За отличную службу в МВД», имеет несколько грамот и поощрений Министерства внутренних дел. Увлекается историей, сбором почтовых марок и медно-никелевых монет Российской Федерации. Большой любитель спорта, судья республиканской категории и ветеран спорта России. Автор монографии о спорте в гор. Ивделе и многих исторических очерков, напечатанных в городской газете «Северная звезда». Очерк Ф. Соломоновича публикуется в журнальном варианте.

Фото В. Байдукова

расположены в северо-восточной части Свердловской области.

Приведу воспоминания заключенного тех лет о совместном содержании «политических» и «блатных». Они гласили: «груб и жесток начальник, лжив воспитатель, бессовестный врач – это все пустяки по сравнению с растлевающей силой блатного мира. Это не люди! Влияние их на лагерную жизнь безгранично, всесторонне. Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного и нужного никто отсюда не вынесет. В нем заключенный обучается мести, лжи, мелким и большим подлостям. Каждая прожитая в зоне минута – отравленная минута».

В то время в зонах Ивдельлага сидели известные воры в законе Мишаня Фиксатый и Костя Золотой, фальшивомонетчик Стрючков и другие.

При организации Ивдельлага в нем содержались в основном осужденные по статье 58-10 (пропаганда и агитация, призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания).

По распоряжению высшего начальства лиц, осужденных по этой статье, нельзя было допускать ни к каким работам, кроме пилы и топора, кайла и тачки, хотя среди них было множество высококлассных специалистов различного профиля. Несмотря на этот приказ, некоторые начальники подразделений, назначали их на «привилегированные» должности,

Карта Ивдельлага

пока это не выявляли приезжающие комиссии или прокуратура.

Заклученные по политической статье содержались в зонах совместно с осужденными по другим статьям Уголовного кодекса, число которых из года в год в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) увеличивалось.

Период становления

Наступил момент интенсивного развития лесодобывающей и деревообрабатывающей промышленности в нашем регионе.

Управление ивдельских лагерей НКВД СССР сокращено называлось Ивдельлагом (с почтовыми индексами п/я Н-231, 232 и 240), с 18 июля 1968 года – Учреждением Н-240, а потом УЩ-349/И, ОИУ-2 и т.д.

С образованием Управления село и поселки, а впоследствии город областного подчинения начали активно развиваться. Население стало возрастать.

Колонии Учреждения, как видно из предлагаемой схемы, были расположены практически по всему району, опутав его, как паутина, с севера на юг и с запада на восток в отдельных местах на расстоянии свыше трехсот километров. Штаб созданного лагеря расположился в трех небольших домах по ул. Данилова (возле здания старой аптеки, а потом городской библиотеки, сейчас там разбит сквер).

Главной целью при создании Учреждения было исправление и перевоспитание заключенных физическим трудом на заготовке, вывозке и переработке леса, его поставке народному хозяйству в требуемых объемах, строительстве.

В период становления Ивдельлагу пришлось столкнуться с огромными трудностями. Во-первых, необходимо было построить значительное количество жилья, коммунально-бытовых и социальных объектов не только в селе Никито-Ивдель, но и во всех вновь создаваемых подразделениях, не говоря уже о жилых и производственных зонах. Во-вторых, срочно вести дорожное строительство не только к селу, но и к создаваемым колониям.

Для решения всех этих вопросов в структуре Управления были созданы отделы: лесной, дорожно-строительный, плано-организационный, учетно-распределительный, культурно-воспитательный и финансовый, а также – снабжения и санитарный.

Всего в 1937 г. было организовано 19 подразделений, объединенных в 4 отделения: Юртищенское – 4 лагпункта (Толтия, Юртище, Горцуновка и Каменка), Собянинское – 6 подразделений (Талица, Шипичное, Пристань, Собянино, Толокнянка и Северное), Лангурское – 5 колоний и подкомандировок (Орья, Лангур, 4 и 5 лагпункты, Чернаярка, 308 квартал, Степановка), Самское – (пересыльный пункт и сельскохозяйственный ОЛП), а также отдельный лагерьный пункт «Палкино» и конвойный ОЛП.

Состав отделений неоднократно изменялся, так как шли поиски наиболее рациональной системы управления колониями и их производственной деятельности.

В Ивдель из гор. Свердловска по железной дороге им. Кагановича осужденные доставлялись до станции Сама на пересылку, так называемый «10 километр». От нее на открытых железнодорожных платформах по железной дороге отправлялись до конечного разъезда, на «39 км», и далее пешим ходом или в лучшем случае на переполненных грузовиках добирались до поселка «Северный» и оттуда всех распределяли по лагпунктам и ОЛПам (отдельный лагерьный пункт). В основном до постоянного места содержания добирались пешим порядком, так как машины ходили только до лагпункта Толокнянка. Часто бывало, что от Самы до Екатерининки сразу шли пешком.

В 1938 г. после реорганизации, уже в пяти отделениях, стало 25 колоний.

Число осужденных колебалось от 16 до 24 тысяч. По годам это выглядело следующим образом:

1938 г.	- 16,2 тыс. чел.	1970 г.	- 13,4 тыс. чел.
1940	- 23,5	1980	- 11,8
1945	- 16,5	1990	- 8,9
1950	- 21,6	2000	- 5,6
1955	- 15,9	2005	- 5,3
1960	- 12,9	2008	- 4,7

Значительное уменьшение контингента произошло в 1940-45 годах из-за отправки заключенных на фронт, а также высокой смертности.

Создаваемое Учреждение должно было внести свою огромную лепту в развитие региона: закончить ветку железной дороги от Самы до Ивделя, потом -- до Першино и Каменки, начать строительство марганцевого рудника, резко увеличить объемы лесозаготовок.

Учитывая значительные трудности с размещением создаваемого Учреждения и подразделений, отсутствие необходимых дорог, 22 февраля 1938 г. начальник Ивдельлага С.А. Тарасюк издает приказ, в котором перечисляет объекты первоочередного строительства по всем подразделениям. Например: двух казарм, сорока жилых домов, больницы. Началось строительство жилья в «Городке» (основное место дислокации Управления в последующие годы), клуба им. Дзержинского, столовой «Дружба».

Содержание осужденных

Условия содержания заключенных не соответствовали никаким нормам и положениям и были экстремальными. Нахождение в лагере было трудно совместимо с человеческой жизнью. Жили в сырых, холодных, порой не отапливаемых помещениях барачного типа. Они в лучшем случае делались рублеными, а то просто дощатые, сколоченные на скорую руку, с многоярусными нарами, зачастую сделанными из неошкуренного кругляка. Спали на голых нарах в верхней, рабочей, одежде. Порой даже не умывались из-за отсутствия достаточного количества воды. Для питья часто использовалась снеговая вода. Систематически не хватало постельного белья.

Нормы питания устанавливались в соответствии с выполнением утвержденных жестких производственных заданий. Хлеба на лесозаготовках выдавалось 800 грамм – при выполнении плана на 100% и 1200 при выполнении на 150%, плюс два раза в день баланда, в лучшем случае, а то и один раз, и без второго. При невыполнении задания норма снижалась до 400 – 500 грамм. За отказ от работы ожидал карцер и штрафной паек. Короче говоря, в лагере было три вида пайков «котлового довольствия» заключенных: стахановский, ударный и производственный, кроме штрафных, следственных и этапных. Пайки, как видно из сказанного выше, отличались друг от друга количеством хлеба и качеством блюд.

И.С. Эндебера, бывший партийный работник, осужденный по статье 58-10, в своих воспоминаниях пишет, что на «Пристань» (один из лагунктов на берегу реки Лозьвы) кормили два раза в день утром и вечером болтушкой из ржаной муки.

Особенно тяжелое положение сложилось в 1942 – 1943 гг., когда зачастую не удавалось обеспечить котловое довольствие продуктами, предусмотренными нормами. В рационе питания систематически недоставало овощей и картофеля, в том числе и квашеной капусты. Широко практиковалась замена недостающих продуктов по нормам лагерного питания (овощей, мяса, рыбы) мукой и горохом, а зачастую овсянкой.

Еще один бывший заключенный, Э. Тер-Погосян, делит осужденных на три категории. Первая – сытые, в нее входили: коменданты, повара, кладовщики и им подобные. Вторая – полуголодные, имеющие кроме лагерного пайка посылки из дома и доступ к овсу. Третья – голодные, к ним относилось абсолютное большинство.

Катастрофически не хватало одежды, обеспеченность составляла не более 30%. Летом она представляла собой нижнее белье, хлопчатобумажные черные брюки и гимнастерку, грубые ботинки и фуфайку. Зимой дополнительно выдавались: ватные брюки и телогрейка, при наличии бушлат, шапка (непонятно из чего) и бахилы (высокие до колен чулки, простроченные из ваты, как и телогрейка) и «чуни», по-простому лапти, из бересты или ивняка. Из-за недостатка нормальной обуви обувка в основном была «гулаговская» – из транспортной ленты или автомобильных покрышек, последнюю называли ЧТЗ (Челябинский тракторный завод) и т.д. и т.п. В достаточном количестве не было даже рукавиц. Зачастую невывод на работы из-за «разутости и раздетости» составлял до 10 процентов от общего списочного состава подразделения.

Несколько позже открывается центральная пошивочная мастерская (ЦПМ), расположенная в 13 км от Управления, возле станции Лосиное. В мастерской начали выполнять любые пошивочные и сапожные заказы, необходимые для подразделений. Позднее мастерская была переведена в Ивдель и расположилась в 2-этажном доме (недалеко от почты) по ули-

Фото В. Байдукова

Карцер в Ушме

це Октябрьская набережная, а потом перебралась в дом № 37 по ул. Трошева. Правда, никаких заказов для колоний она уже не выполняла, а работала только для начальствующего состава. Пошивочные и сапожные мастерские были непосредственно в каждой колонии.

Особенно сложной была обстановка зимой, когда ко всем болячкам добавлялись частые и довольно сильные обморожения, особенно в лютую зиму 1941 – 42 годов. Только при температуре ниже 30 – 35 градусов, в зависимости от ветра (термометров, конечно, никто не видел), активировался день. Заключенные имели свою шкалу оценки температуры воздуха, без градусника. Стоит морозный туман – 40 градусов ниже нуля. Воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать не трудно – 45. Дыхание с шумом и одышка – 50. Ну, а если плевков замерзает на лету – 55 и выше. А такие температуры в те годы в Ивделе, и особенно в северных поселках, были довольно часто.

Более половины контингента болели простудными заболеваниями, воспалением легких. Свирепствовал авитаминоз, дистрофия, цинга, дизентерия, другие желудочно-кишечные заболевания и т.п. В бараках можно было слышать постоянные хрипы, храпы, кашель и стоны, бредовые разговоры.

В период организации подразделения лагеря никаких специально оборудованных больниц или изоляторов (в то время они назывались лазаретами) еще не было, остро не хватало медикаментов. Все это вело к массовым заболеваниям. При освобождении

по болезни заключенные, что случалось довольно редко, находились в общем бараке, где постоянно проживали. Надо отметить, что у них сразу же сокращалась дневная пайка.

Среди заключенных, отбывающих сроки наказания, была очень высокая смертность.

Сегодня, за прошедшие более семьдесят лет, большинства могил можно и не найти, так как на них даже простых столбиков с отметками не устанавливалось и все заросло кустарниками и мелколесьем. Да и поселков, где прошли захоронения: Толокнянка, Юртище, Яхтель, Тошемка, Талица, Котля, Бор, Маловодный, Горцуновка, Толтия и других, где находились колонии, давно уже нет. Даже головные поселки: Вижай, Хорпия, Понил, Шипичное, ранее центры больших лагерных отделений, имевших развитую инфраструктуру и все социально-бытовые учреждения и не одну сотню жителей, становятся небольшими населенными пунктами.

Не приходится говорить и о порядке похорон, которые, по воспоминаниям бывших узников, проводились комендантом колонии один-два раза в неделю. Они не соответствовали никаким нормальным ритуалам, сложившимся веками. В основном это были братские захоронения, в общем рве. В приказе начальника ГУЛАГа НКВД Наседкина, разосланном в 1943 г., указывалось: «...Настоящим устанавливается нижеследующий порядок погребения заключенных: 1. Наряду с захоронением каждого трупа в отдельности разрешить погребение в общих могилах, по несколько трупов, вместе. 2. Допускать захоронение трупов без гробов и без белья». Что еще можно сказать?...

Спецконтингент лагеря делился на четыре группы: А – способные к среднему и тяжелому труду, Б – способные выполнять только легкие работы, В – больные, инвалиды, Г – отказывающиеся от любых работ, не идущие ни на какие формы сотрудничества с администрацией и ХЛО (хозяйственная лагерная обслуга). По всем группам были установлены строгие нормативы, за выполнение которых руководители подразделений несли строжайшую персональную ответственность. Особый контроль был за рабочей группой А. Руководство ИТЛ и колоний старались любыми способами не понижать состав этой группы ниже 60% от общей численности колонии. Следует отметить, что из представителей групп Б и В мало кто дожил до конца войны.

Лесозаготовки

В течение 1937 – 1939 годов лесосырьевая база разрабатывалась только в четырех местах: на участке строящейся железной дороги Сама – Лангур – Ивдель 1; в восьмом отделении, где были Лангурский, 3, 5, 133 лесоучастки; в первом отделении, куда входили: Большая Толтия, Лаксия, Юртище, Горцуновка, и втором отделении с подразделениями в Собянино, Талице, Толокнянке, Утенино, Пристань, Селезневке и Юркино. Такая дислокация установи-

лась после реорганизации отделений, уже в течение 1938 г.

Применение труда осужденных позволило увеличить объём лесозаготовок в 8 – 10 раз, так как работы велись круглогодично. Рабочий день с началом войны был увеличен до 10, а затем постепенно до 12 – 16 часов. Нормы выработки повысились до 20%... Рабочий день обычно заканчивался не после окончания основных работ. Еще необходимо было собрать и сдать инструмент, построиться и пройти проверку и только после этого попасть в жилую зону. Правда, были введены выходные дни, но они предоставлялись только по решению начальника и обычно в дождливые летом или морозные дни зимой. Заключенные говорили: «В лагере убивает работа, поэтому всякий, кто хвалит лагерный труд, – подлец или дурак».

Следует отметить, что при заготовке леса в Талицком, Вижайском, Пристанском, Юртищенском, Лаксийском, Лангурском да и в других лесоучастках на заготовках практически отсутствовала всякая механизация.

Основными орудиями труда были поперечная пила и топор, а тяговая сила – лошади. Хочу остановиться на лошадях. В середине сороковых годов в ИТЛ поступила большая партия немецких анемичных (малокровных) лошадей с фронта. Они дислоцировались в Юртищенском подразделении. Это были в основном огромные тяжеловозы, которые работали на трелевке и лесовывозке, давая значительные объемы. Но они в любой момент могли упасть и умереть.

При образовании Ивдельлага было выделено несколько автомашин ЗИС-5 и ЗИС-13 и тракторов КТ-12 (газо-генераторные, типа ТДТ-40), ЧТЗ-60, но с началом войны большая их часть была отправлена на фронт. Первыми в Союзе на тракторах Челябинского завода, поездом по ледяной дороге, начали вывозить лес в Лаксийском ОЛПе, их поддерживали лангурцы. Начала внедряться лучковая пила – «стахановка».

Валка леса обычно велась бригадой из тридцати человек. Она разбивалась на звенья по два человека. Инструмент: поперечные, а потом лучковые пилы и топоры выдавались только на разводе.

После заготовки и разделки лес на тележках вывозился к рекам, где штабелевался и готовился для сплава. Летом это делалось по кругло-лежневой дороге, как бы по рельсам (10 – 12 см бревна укладывались в лунки нетолстых шпал и крепились квадратными нагелями). Зимой по «ледянке». Делались деревянные борты, а вместо тележек использовались сани. Названными способами перевозилось одно-разово 3 – 5 кубм.

В 1938 г. было заготовлено и вывезено 1,2 млн. кубм древесины, в т.ч. автомашинами – 38 тыс. и тракторами – 215. Основная тяжесть вывозки леса ложилась на конную тягу. Следует отметить, что содержание лошадей было крайне сложным. Их было

в колониях уже достаточно много, а корма приходилось доставлять на довольно значительные расстояния (из пос. Лача, Митяево, Сама, Всеволодского, Ваграны и т.д.).

Началась отгрузка лесопродукции в вагонах по железной дороге в другие регионы страны.

Заключенным за перевыполнение производственных заданий и активное участие в трудовом соревновании начали выдаваться премии в размере 20 рублей или продуктовые посылки. План первого квартала по заготовке древесины в целом по Учреждению был выполнен лишь на 80%, несмотря на это многие осужденные их получали. Одним из первых был премирован осужденный рекордист Г.И. Кабанов. На непродолжительное время, в 1948 г., вводились зачеты (рабочие на прямых работах дополнительно получали по 0,5 дня, а мастера и бригадиры по 0,25). Все эти поощрения вводились для стимулирования очень нелегкого труда.

Строительство

Форсировалось строительство железнодорожных веток Сама–Лангур–Ивдель и Першино–Палкино, первого здания управления (на берегу р. Ивдель у ЦРММ) и жилых поселков, домов в «Городке».

В течение двух лет были построены: здания Управления, больницы, штаба ВОХР, парокотельной, а также водопровод, ЦРММ, электростанция, более 20 жилых домов, столовая «Дружба» и клуб им. Дзержинского, а также многие другие необходимые объекты в подразделениях. Был оборудован аэродром, на нем базировалось два самолета У-2 и Р-5, принадлежащие Управлению. Во время войны и сразу после нее на них летали супруги Тесловы, а сменил их Н.В. Кузьмин

Дом культуры в пос. Полуночном

В 1939 г. было закончено строительство железной дороги Лангур – Ивдель 1 (раннее этот путь преодолевался за двое и более суток) и Палкино – Першино (1940 г), началось строительство ж.д. ветки Ивдель 1 – Каменка (в будущем – Полуночное).

Жилые дома в пос. Полуночном

Развивалась сеть лежневых дорог, особенно на север: Юртище–Ивдель и Пристань–Каменка–Ивдель. Несмотря на значительные затраты (более 10 тыс. руб. на один км), дороги охватили Ивдель и все населенные пункты. Так в городе лежневые дороги начали снимать только в конце пятидесятых годов. Строились аэродромы в пос. Вижай и Понил.

Позже, силами осужденных велось промышленное, гражданское и жилищное строительство не только в самом Ивдельлаге, но и в микрорайонах города, для других предприятий. Для них были построены новое здание бани, дома, гаражи.

Строительные работы не ограничивались только территорией Ивдельского района. На коллектив ИТУ (исправительно трудовое учреждение) была возложена задача строительства Североуральского бокситового рудника, Богословского алюминиевого и Лобвинского гидролизного заводов. В 1942 году эти подразделения были переданы другим, вновь созданным организациям ИТУ МВД СССР.

В 1939 – 1940 гг. лесопильные заводы, после ввода в строй Першинского двухрамного цеха, вышли на рубеж выпуска 137 тыс. кубометров пиломатериалов в год. При пуске же эвакуированного Медвежьегорского трехрамного лесозавода объемы возросли до 150 тыс. кубометров. В дальнейшем деревообрабатывающее производство, кроме увеличения объемов на Першинском ДОКе, получило развитие практически во всех подразделениях лесоправления.

Не могу не сказать об архитекторе Н.А. Всеволодском (как утверждают, его предки стояли у истоков пос. Никито-Ивделя). Он по иронии судьбы, а не по своей воле тоже попал в наш край, почти на десять лет. В пос. Полуночное благодаря его таланту и трудолюбию были созданы в стиле русского деревянного зодчества многие жилые дома, объекты соцкультбыта и коммунального назначения. Сегодня уже нет Дома культуры им. Жданова, воздвигнутого по его проекту из недолговечных шлакоблоков и простоявшего почти шестьдесят лет, но мы помним это величественное здание, радовавшее глаз своей архитектурой и внутренним устройством.

(Продолжение следует).

Анатолий КОЗЫРЕВ,
фото предоставлено автором

Унтер-офицер экспедиционного корпуса

В советское время в учебниках истории о Первой мировой войне можно было прочесть лишь скудные общие строки. Еще были живы участники той войны, но они по понятным причинам предпочитали о ней не рассказывать.

Мой дед Иван Павлович Белкин из города Верхотурья Свердловской области тоже был немногословен. Никто и не предполагал, что он когда-то воевал с немцами. Служил у Буденного – да, шрам сабельный остался на память, а вот чтобы воевать с кайзеровской Германией...

В комнате у деда висела затрепанная карта Российской империи, вся утыканная флажками. Последний флажок был на полях карты.

«Места не хватило», – сказал как-то дед в ответ на мой вопрос. Но, скупой на слова, все же рассказал одну историю из своей удивительной жизни.

В солдаты его забрали в одиннадцатом году – за три года до начала империалистической. К тому времени Иван Белкин уже имел звание унтера и на полях Бельгии стал полным георгиевским кавалером. А служить деду довелось в Русском экспедиционном

корпусе, который наш государь император направил в помощь дружественной Франции. Под бельгийским городом Ипр дед чудом остался жив после немецкой газовой атаки, но горчичного газа все же хлебнул, и в старости порой его душил кашель.

Он в деталях помнил, как гуляли они по Елисейским полям, как молодые франуженки угощали их жареными каштанами, непривычным для русских мужиков кофе и казавшимся кислым вином. Париж был необыкновенным, но чужим. Хотелось домой, к жене, с которой не прожил и года до службы, к верхотурским златоглавым храмам, рябине, что посадил под окном. Домой хотелось до боли.

Война окончилась, и русское правительство забыло про экспедиционный корпус: перестали присылать деньги и провиант, обмундирование поистрепалось, и русские солдаты нанимались к зажиточным крестьянам на сельхозработы, благо работать мужики умели. Правительство Франции тоже сначала подкармливало русских союзников, но долго содержать корпус было накладно, и тогда нашли выход. Желающим предложили принять французское гражданство и работать в трудовой армии во Франции или ехать в Алжир, который был тогда французской колонией – строить железную дорогу. Где находился этот самый Алжир, русские мужики не имели понятия, поэтому многие самостоятельно отправились в Россию.

Иван Белкин тоже собрался домой. «Доберусь как-нибудь», – подумал он. Перед дорогой отправились на рынок за подарками родным – у каждого имелась

И.П.Белкин. 1911 г.

на этот случай заначка, и у Ивана в сапоге лежало несколько золотых монет. Купил жене красивую шаль с кистями. Потом зашли в кабачок, где хозяин поставил русским бесплатную выпивку. Что было потом, Иван помнил смутно. Очнулся в трюме парохода, вышел на палубу, а кругом море. С грехом пополам понял слова матроса, что пароход идет в Северную Африку, в Алжир, и что русские сами согласились туда ехать. Ничего изменить было уже нельзя.

Работа на строительстве была невыносимо тяжелой, люди падали от солнечных ударов, болели малярией... Кормили русских скверно: финики, сливки и изредка гнилое мясо антилоп. Арабы считали европейцев людьми второго сорта, часто возникали жестокие драки. Как-то раз хозяин послал русских в порт за шпалами, и там у них родилась мысль о побеге; у причала как раз стоял французский пароход, идущий в Россию. Обнаружили беглецов только далеко в море, пожалели матросы русских, высадили в Одессе.

Начал Иван Белкин пробираться на Урал. Путь не близкий, опасный, поскольку на Украине в то время то махновцы брали верх, то другие атаманы. Однако попал бывший унтер-офицер к красным, георгиевские кресты зашил в сапог, а сапоги были до того изношенные – никто не позарится. Тем и спас свою жизнь.

Красный командир предложил крепкому, коренастому унтеру вступить в буденновскую конницу.

Ничего не оставалось, как одеть форму и буденновку со звездой, хотя и не испытывал унтер никакого уважения и любви к новой власти. Красные нещадно грабили селян, забирали последние продукты себе на пропитание, расстреливали несогласных без всяких разбирательств.

В одном из боев его ранило, попал в лазарет, а там нашли и болезнь легких, которая образовалась после горчичного газа. Списали как негодного к несению воинской службы.

Приехал домой к жене, которая давно считала его погибшим. Работать уже не смог, стал обувку шить на дому, ремонтировать сапоги, тем и кормились. Правда, еще коровенка помогала. Свои кресты георгиевские положил в жестянку из-под чая, завернул в тряпицу и спрятал под половицу в малухе. С тех пор не вытаскивал ни разу. Не сказал даже жене, отходя в иной мир.

К чести французов надо сказать, что все русские воины экспедиционного корпуса, погибшие на полях Франции и даже Бельгии, были привезены в Париж и захоронены на русском кладбище – все от нижних чинов до старших офицеров. Вероятно, есть захоронения русских и в Алжире.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГЕРШАУ Мария Карловна

(См. Васильева М.)

ГЕРШЕНЗОН Мария Борисовна (урожд. Гольденвейзер; 1873 – 1940), писательница.

Жена философа М.О.Гершензона. Авт. шуточных характеристик друзей-недрузгов и пародий в рукописном журн. «Бульвары и переулки» (См. Герцык Е. Воспоминания. М., 1996. С.182; Бердяева Л. Профессия: жена философа. М., 2002. С.15; Проскурина В. Течение Гольфстрима; Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998). Авт. кн. «Тройственный образ совершенства» М., 1922-1923. «Письма к брату: Избранные места» (Вступ. ст. и прим. М.Цявловского). 1927.

ГЕРШЕНЗОН-ЧЕГОДАЕВА Н.М., авт. воспоминаний.

Дочь философа М.О.Гершензона. Оставила мемуары «Первые шаги жизненного пути: Воспоминания дочери Михаила Гершензона» (М., 2000).

ГЕРЬЕ Елена Владимировна (1868 – 1943), переводчица.

ГБЛ. Ф.70. 3482 ед.хр.

ГЕРЬЕ Софья Владимировна (1880 – 1956), переводчица, теософка.

Дочь историка и основателя Высших женских курсов в Москве В.И.Герье. Не закончив Курсов, уехала за границу и сначала во Флоренции, а затем в Генуе в 1913 г. получила университетское образование. После революции осталась жить в СССР. Переводила в основном с италянского языка. Была подругой писательницы Евг. Герцык (см.). Об архиве Герье и его семьи см. "Записки отд. рукописей ГБЛ", вып. 21 (1959); см. также восп. М.Н.Жемчужниковой. – "Минувшее". Вып. 6. М., 1992. С.41.

ГЗОВСКАЯ Ольга Владимировна (1884 – 1962), авт. воспоминаний.

Актриса театра и кино, снималась в немом кино. Читала В.И.Ленину стихи Маяковского в 1919 г. Адресатка А.Блока (см. его письма к ней; Блок А.А. Собр. Соч. в 8 т. Т.8. М.-Л., 1963. С. 461-462). Авт. мемуаров "Пути и перепутья". Опубликованы также ее воспоминания о Ф.И.Шаляпине, М.Ф.Андреевой, В.И.Качалове, О.Л.Книппер-Чеховой, М.П.Лилиной, актрисе, жене К.С.Станиславского. Все они собраны в кн. "Ольга Владимировна Гзовская" (М., 1976). Кроме того, в кн. Г.В.Шварца "Из вражеского плена" (Пг., 1915) напечатаны воспоминания Г. о пребывании во время войны в Германии. В газ. «Руль» (1925. 6 марта) – воспоминания об актрисе Г.Н.Федотовой. Авт. ст. "Режиссер – друг актера" в кн. "Яков Протазанов" – 2-е изд. М., 1957. С.324-339.

ИДРДВ. Т. 4. Ч.4. Указ. имен. (здесь г.р. 1889); РРЭВД. 3 (здесь г.р. тоже 1889)

ГИАЦИНТОВА Софья Владимировна (1895 – 1982), авт. воспоминаний.

Актриса, народная артистка СССР, режиссер. В нее был безнадежно влюблен поэт С.М.Соловьев и даже покушался на самоубийство. Г. авт. книги воспоминаний «С памятью наедине». М., 1985. Оставила воспоминания о Е.Б.Вахтангове (в кн. "Беседы о Вахтангове". М.-Л., 1940), О.Л.Книппер-Чеховой (в кн. "О.Л.Книппер-Чехова". М., 1972), К.С.Станиславском (в кн. "Станиславский". М., 1963 и в журн. "Театр. жизнь", 1963. № 2). Ей посв. альбом стихотв. С.Соловьева (РГАЛИ. Ф. 205. Оп. 1. Ед.хр.382). Автобиография Г. напечатана в кн. "Актеры и режиссеры" М., 1928 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ. имен.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 23

Любимовское дело

К когорте выдающихся предпринимателей нашего края следует без колебаний отнести И.И.Любимова, человека широко мыслящего, душевно отзывчивого, трудившегося на хозяйственном и общественном поприще. Азы коммерции Иван Любимов, согласно фамильной традиции, постигал на камских плесах. Унаследовав несколько родительских пароходов, Иван Иванович открыл весной 1877 г., наряду с грузовым пассажирское сообщение между Пермью и Нижнем Новгородом. Люди обеспеченные и деловые, ценившие время, могли воспользоваться комфортабельными американскими скороходами. Народ скромного достатка разбирали бидеты на обыкновенные «посудины».

Грузо-пассажирские перевозки давали хорошую прибыль, да слишком уж «бесстыжие» цены заламывали судоремонтники. В целях экономии и повышения конкурентоспособности флотилии Любимов купил у обрусевшего англичанина Э.Тета пароходный завод, основанный еще в середине прошлого столетия и крайне устаревший. Дальновидный хозяин расширил и заново оснастил предприятие, выполнявшее заказы не только на речные, но и на морские суда для Каспия.

Знаток транспорта и нужд горнозаводской промышленности, отправлявший «железные караваны» по Чусовой и Белой к удаленным рынкам сбыта единственный раз в году – вешним половодьем, Любимов одним из первых ходатайствовал о строительстве в крае железных дорог. И не только бросил клич, но и способствовал решению назревшей проблемы. Скрупулезными расчетами Любимов доказывал необходимость прокладки вспомогательной Луньевской ветви – к угольным месторождениям и сооружения прямой колеи Пермь-Кунгур-Екатеринбург, с выходом ее в богатое продовольствием Южное Зауралье.

Несмотря на то, что МПС сочло более удобными «воротами» в Сибирь Челябинск, а кратчайшая линия Пермь-Екатеринбург вошла в строй на три десятилетия позднее, чем УГЖД, голос Любимова все же был услышан. В 1879 г. появилась топливная Луньевская железнодорожная артерия. С началом ее функционирования Иван Иванович взял в аренду часть Губахинских копей. Добываемый в них уголь сжигался в топках пароходов, а излишки сбывались путейскому ведомству.

На этапе становления «постмануфактурной» индустрии Россия остро почувствовала неразвитость прикладной химической науки, в частности производства соды, незаменимой в осветлении нефтепродуктов, выделке кож, тканей, мыла, стекла и т.п. Потребность в соде возрастала и удовлетворение ее за счет импорта становилось для страны обременительным. Между тем издавна арендуемое Любимовым Березниковское соляное месторождение заключало в себе превосходное сырье для получения дефицитного химиката.

Необозримость внутреннего рынка побудила Ивана Ивановича основать близ соляных промыслов химический завод. Площадка для него была выбрана как нельзя более удачно: на левом берегу Камы, у рассольных скважин минимальной глубины. В связи с дороговизной и неэффективностью господствовавшей технологии Леблана Любимов ориентировался на так называемый «аммиачный способ» приготовления соды, изобретенный в 60-х гг. бельгийцем Эрнстом Сольвэ.

Он пошел на контакт с братьями Сольвэ, предложив им организовать совместное предприятие. Дальновидные бельгийцы согласились и внесли на счета товарищества «И.Любимов и К°» причитающуюся с них долю в 500 тыс. франков (125 тыс. руб.).

Гигантское по тогдашним масштабам предприятие окупилось бы, наверное, спустя лет 15–20, не сэкономя владелец на его оборудовании, большую часть которого изготовили на любимовских заводах мастеровитые пермяки. Бельгийская сторона поставила лишь важнейшие агрегаты, оговорив при этом неразглашение «ноу-хау...». Рожденный в 1883 г., Березниковский содовый завод достиг вскоре проектной отметки (9 тонн кальцинированной соды), а через три года превзошел ее в полтора раза. Внушительные темпы, увы, мало отразились на затратах. Транспортировка аммиачной воды из Петербурга настолько увеличивала себестоимость продукции, что иностранная сода оказалась дешевле! Затоваривание причиняло товариществу убытки...

Исследователи советской эпохи обвиняли в финансовых неурядицах зарубежных партнеров Любимова, якобы ни за что материально не отвечавших и преследовавших цель разорения нежелательного конкурента. В действительности же бездоходность содового производства явилась неприятным сюрпризом и для бельгийцев, видевших альтернативу банкротству в комбинировании предприятия, т.е. в минимальной его зависимости от внешней среды. Касса паевого товарищества не позволяла, однако, «замкнуть» многоступенчатый, капиталоемкий производственный цикл. Нужны были дополнительные средства, раздобыть которые совладельцы надеялись путем акционирования убыточного завода.

В феврале 1887 г. произошла реорганизация товарищества «Любимов и К°» в акционерное общество «Любимов, Сольвэ и К°» (Lubimoff, Solway & C°). Учредительский капитал АО в 6 млн. руб. обеспечивался выпуском 6 тысяч именных акций стоимостью по 1 тыс. рублей. В правление компании с штаб-квартирой в Москве вошли бельгийские и русские представители. Главенствовали, само собой, И.Любимов и наследник Эрнеста – А.Сольвэ. Пост директора-распорядителя фирмы занял близкий Любимову Владимир Орлов.

Технической стороной предприятия ведал бельгийский инженер Ганон, приложивший немало усилий для его укрупнения и переоснащения. Под его контролем дооборудовались цеха, совершенствовалась «капризная» технология. Вскрыв с течением времени недостатки известкового способа приготовления каустической соды, администрация перешла на более высокопроизводительный – ферритный. Новшество оправдывалось как технико-экономическими параметрами, так и огромным спросом на каустик в эру господства паровых двигателей. Посредством его теплоэнергетики удаляли накипь в паровых котлах...

Несмотря на возросшие масштабы производства Березниковский химический завод оказался не в состоянии насытить рынок страны. Тогда на базе соседствовавших залежей мела, угля и Бахмутского месторождения каменной соли компания в 1892 г. построила еще один содовый завод – Донецкий, в Екатеринославской губернии. В следующем году она завладела столичным предприятием, специализировавшимся на аммиачной воде и, наконец, приобрела «для полного комплекта» аналогичный уральскому, только поменьше, завод М.Пранга под Барнаулом.

В итоге АО «Любимов, Сольвэ и К°» абсолютно возобладало на содовом рынке, поделив сферы влияния с «Обществом Южно-Русских заводов» из Славянска. Тем не менее лидер отрасли воздерживался от «раскрутки» цен. И не напрасно, ибо в случае их взвинчивания правительство тотчас пускало в ход экономические или административные рычаги воздействия: снижало пошлины на импортную продукцию, ужесточало законодательство и без того раздражавшее любителей погреть руки от спекуляции отчетливо выраженной антимонопольной направленностью.

Реализация соды была доверена торговому дому «Вогау и К°», везде имевшему агентства и комиссионерства. Услуга Вогау оплачивалась изрядным количеством акций компании. А чтобы контролировать действия германского по происхождению, обрусевшего клана, его главу пригласили в одно из директорских кресел.

Неизбежная на монополистической стадии капитализма концентрация производства и сбыта (образование картеля, затем синдиката сопровождалась расширением сырьевой базы, повышением фондовооруженности, освоением ходовой продукции. Истощение околповерхностных соляных пластов повлекло за собой бурение скважин глубиной до 200 метров. Неподалеку от станции Всеволодо-Вильва был обустроен карьер известняка с запасом на долгие годы. На смену устаревшей периодической кальцинации бикарбоната натрия пришла непрерывная. В 1908 г. завод подвергся всеохватной реконструкции. Главный корпус, вследствие замены деревянных опор и перекрытий металлическими, стал просторнее, выше. Паровые приводы уступили место электрическим.

На предприятии, функционировавшем в две смены продолжительностью 12 часов (с перерывами на завтрак и обед) трудилось более 700 рабочих – муж-

чин и около 80 служащих – русских и бельгийцев. Сносные заработки, недорогое жилье, бесплатное обучение детей сводили на нет весьма распространенную в уральской промышленности текучесть кадров. Стабильная прибыль обеспечивала вкладчикам фирмы весомый дивиденд: 150–160 рублей на акцию.

В связи с загазованностью окружающего пространства заводской поселок вырос на противоположном берегу Камы. Его центральные кварталы, по свидетельству иностранцев, напоминали архитектурным обликом малые европейские города. Хотя комфортабельные особняки предназначались не рядовой массе, добротные дома строились и для квалифицированных рабочих. Администрация компании возвела на свои средства в поселке «высшее начальное училище», больницу, общественную баню, клуб, где демонстрировались кинофильмы, ставились любительские спектакли, отмечались сплавивавшие коллектив праздники... Березниковцам преклонного возраста или утратившим трудоспособность, согласно российскому законодательству, выплачивалась пенсия. Не случайно даже леворадикальная печать указывала на любимовский содовый как на еще довольно редкий в крае «оазис» социального благополучия и цивилизованных взаимоотношений предпринимателей с рабочими.

Акции компании, котировавшиеся на биржах Москвы и Брюсселя, пользовались устойчивым спросом. Выпустив в обращение дополнительное количество ценных бумаг, правление АО увеличило в 1913 г. основной капитал с 6 до 10 млн. рублей. Импералистическая война нарушила ритмичность производства, хотя и не дезорганизовала его, так как Березниковский содовый был отнесен к категории оборонных предприятий. Запрещение деятельности в России фирм, собственниками которых являлись поданные неприятельских держав, т.е. немцы и австрийцы, привело к ликвидации торгового дома «Вогау и К°». Во избежание развала отлаженного сбытового аппарата конторы, торговавшие содой и сопутствующими продуктами русско-бельгийская компания подчинила себе.

Несмотря на общеизвестные минусы, война двинула вперед научно-технический прогресс, инициировала политическую активность россиян. Видя, что стратегические ресурсы Германии и Австро-Венгрии на исходе, Николай II поручил созданному при правительстве Экономическому совету разработку программы послевоенного развития страны, с учетом требований думского большинства и влиятельных оппозиционных партий. Характерно, что ключевым в программе являлся пункт о всемерном привлечении в народное хозяйство зарубежных инвестиций. Готовилось к модернизации, вобравшей новейшие технологические достижения, и руководство Березниковского содового. Но октябрь 1917 г. круто изменил судьбу предприятия и его владельцев.

Славный город Шадринск

Рудольф ФИЛИППОВ

За годы работы на междугородных кабельных линиях связи пришлось проехать и побывать во многих городах, селах, деревнях, кишлаках и различных уголках нашей Родины. Некоторые из них проезжал и больше туда не возвращался, в некоторые возвращался, а потом долгие годы не было туда дороги. Но среди городов и сел были такие, в которых приходилось бывать неоднократно и полюбить их. Вот, например, Шадринск. Первый раз я был в нем в 1966 году. И потом довелось побывать не однажды. Поэтому мне хочется рассказать об этом замечательном городе.

Шадринск основан в 1662 году как Шадринская слобода. Основателем явился Юшко Мелечкин, правда, в других источниках называется Юшко Соловьев. Думаю, что это одна и та же личность. В толстом энциклопедическом справочнике, изданном в 1985 году, о Шадринске сказано лаконично: «Шадринск, г. (с 1737) в Курганской области, ж.д. ст., 83 т.ж. (1981). Машиностроение и металлообработка, пищ., легкая пром-сть. Пед. ин-т. Театр». До обидного мало, даже меньше, чем о скульпторе И.Д. Шадре, уроженце это-

го города, сменившем фамилию Иванов на Шадр. К справочным данным энциклопедии добавлю, что в Шадринске имеется богатейшая публичная библиотека, краеведческий музей, 6 филиалов высших учебных заведений, 5 колледжей, 15 общеобразовательных школ, музыкальная, художественная и спортивная школы.

В те далекие времена три поселения были форпостами становления государства в Зауралье — Тобольск, Шадринск и Далматово, последнее почему-то некоторые авторы незаслуженно называют заштатным. В Сибири в то время правительством было создано девять русских поселений, обеспечивающих поток ратных людей и добровольцев, охочих людей, желающих обосноваться на новых землях. К таким пунктам относились Тюмень (1586 г.), Пелым (1593 г.), Тара (1594 г.), Верхотурье (1598 г.), Туринск (1600 г.), Томск (1604 г.), Кузнецк (1615 г.), Енисейск (1619 г.).

Но у нас речь о Шадринске и о его роли в этом великом проникновении на восток. Предполагают, что

Рудольф Филиппов — автор двух мемуарных книг: «Печора, Нарьян-Мар и мы» (2005), «Прощание с медными жилами» (2007), родившихся в результате многолетней работы на междугородных кабельных линиях и наблюдений, знакомств, размышлений. Очерк «Славный город Шадринск» — гимн урало-сибирскому старожилу — тоже родился в пути. В «Уральском следопыте» Р. Филиппов публикуется впервые.

название «Шадринск» происходит от татарского слова «шедра» – поляна, селение на поляне. Думаю, более правдоподобна другая версия названия города, если проследить историю заселения края, но об этом несколько позже. Территория Шадринского района когда-то была заселена финскими племенами (по Л.Н. Гумилеву, в III веке новой эры они покинули эти места), о чем свидетельствуют многочисленные захоронения в виде курганов, которые мало исследованы, и содержимое этих курганов постепенно изымалось последующими поколениями жителей этих местностей. Но память о живших когда-то здесь племенах частично сохранилась: местное население называло эти племена чудь. Они покинули эти места в связи с изменением климатических условий. А кто не хотел покидать, вырывали землянки, подрубали опоры и вместе со скарбом оставались в земле. Об этом существуют легенды, и, может быть, поэтому иногда чудь зовут чудаками.

Это была «чудь белоглазая» – скифы, которые ушли на север и проживали на пространствах от Чудского озера до Полярного Урала. Храбрые, верные воины, они объединились со славянскими племенами и создавали Ладогу, Киевскую Русь, Великий Новгород, Московское государство. М.В. Ломоносов писал: «Старобытные в России обыватели, славяне и чудь, по преданиям наших летописателей известны... Обои народы одержали великое участие в обширном сем земель пространстве. Славянское владение возросло с течением времени. Многие области, которые в самодержавство первых князей чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку.

Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от словенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо много сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется.

Соединение двух сих народов подтверждается согласием в избрании на общее владение князей варяжских, которые с роды своими и множеством подданных переселились и, соединив их, утвердили самодержавство».

То есть в северо-западных областях Древней Руси произошло объединение славян и чуди в единую нацию.

В более поздние времена территорию Шадринского уезда заселяли башкиры – потомки ногайских татар, прибывших из прикаспийских и донецких степей и поселившихся конце XII века в районах Уральских гор. На этих же землях проживали мещеряки, потомки финно-угорского племени, родственного мордве; во времена Киевской Руси они жили на Оке и притоках Дона. От них осталось название – Мещерский край, оставшиеся там мещеряки превратились в

Воскресенская церковь. 1879 г.

русских. Мещеряки, переместившиеся в Казанское ханство, после его покорения Иваном Грозным частично ушли на башкирские земли. Перед революцией на Урале и в Предуралье их насчитывалось до 150 тысяч человек. Крещенные мещеряки стали русскими, мусульмане стали башкирами. Остались только фамилии Мещеряковы и Мишарины. Среди казанцев они выделялись как мишари.

Южную часть уезда когда-то заселяли калмыки. О чем свидетельствует название поселка Бродокалмак, расположенного по реке Тече, которое можно перевести как «калмыцкий брод». Мне несколько раз приходилось проезжать этот довольно крупный населенный пункт. Беспокойное и воинственное племя черных калмыков своими набегами на казахов способствовало добровольному вхождению в состав Русского государства двух казахских жузов. Вообще калмыки появились из монгольских степей, из Джунгарии, где своими набегами внушали такой ужас на соседей-китайцев и киргиз-кайсаков, что те, объединившись, разгромили Джунгарию и приступили к уничтожению калмыков. Тогда они приняли русское подданство. Их пропустили через Оренбургскую линию в сторону Волги. Часть из них превратилась в оренбургских казаков, часть крестилась и вошла в Ставропольское казачье войско.

После роспуска Оренбургского казачьего войска и образования автономной республики большинство калмыков переехало на территорию, получившую название Калмыкия. Так завершился грандиозный

Дом А.П. Ночвина. 1914 г.

бросок на запад калмыков, начавшийся в начале XVII века из степей Монголии в низовья Волги. Это единственный в Европе ареал обитания народности, говорящей на монгольском языке и исповедующей одну из великих мировых религий – буддизм.

Северная часть уезда в районе Далматово, Будки была заселена татарами тюменского князя Илигея, который около 1640 года подарил земли основателю монастыря Далмату. Татары заселились на этих землях значительно позднее чудских племен. Заселение Зауралья русскими началось в первой половине XVII века. Сначала в окрестностях Далматовского монастыря на монастырских землях, чему способствовало богатство и плодородие земель, достаточное количество водных ресурсов, хорошие пастбища и обилие рыбных запасов в многочисленных озерах и реках этого края.

Основная масса переселенцев прибыла из районов северо-запада России. Это были жители Вологды, Великого Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска, Холмогор, Каргополя, Мезени и других мест. Есть много признаков, подтверждающих их активное участие в освоении земель Зауралья. Возьмем хотя бы фамилии. Например, Вологжанины, Устюжанины, Мезенцевы, Шестаковы, Паршуковы, Поповы (самая распространенная фамилия в Архангельской области), Буторины, Стрекаловских, Шадрины. И еще можно привести много других, имеющих распространение на северо-западе России и в Зауралье.

Кстати, Шадринск, скорее всего, имеет название от фамилии Шадрин (диалектное «шадра» – «рябь на лице от оспы»). Об этом же пишет авторитетный шадринский краевед И.М. Гаев. Шадриных на севере много, особенно в Онежском и Щенкурском районах. На Байкале фамилия трансформировалась и бытует как Шадринцев – сын шадринца. В Сибири много фамилий, оканчивающихся на –их, –ых. Долгих, Черных, Ильиных, Фоминых, Больших, Беспячих, Кузьминых и др. Распространено мнение, что это сибирская фамилия, но, возможно, эти фамилии пришли с Сухоны из района Великого Устюга и Шенкурского района, а второй их поток пришел из воронежского Черноземья через Самару.

Возьмем замечательный диалектический словарь «Говор крестьян Шадринского уезда...», составленный в 1895 году жителем Шадринска Николаем Петровичем Ночвиным. Сам я – уроженец севера европейской части России и люблю этот край. Воспитывался среди северян, а моя мама дружила, наверное, с одной из последних сказительниц Севера Маремьяной Романовной Голубковой, автором нескольких книг. В юности мне приходилось неоднократно встречаться с доктором филологических наук, знаменитым археографом Владимиром Ивановичем Малышевым, нашедшим рукопись «Жития протоппа Аввакума». Благодаря ему я еще больше полюбил свой край.

Вот почему я с удовольствием знакомился со словарем Н.П. Ночвина. Сколько там слов, знакомых с

детства! Возьмем слово «кулига» — оно имеет несколько близких друг другу значений. Клин земли, участок, не вошедший в табельный надел, ровное чистое место, небольшой покос, пожня, стоящая особняком среди леса, или пашня и так далее. Старики на севере всегда требовали от молодых косарей окашивать кулиги. Там трава гуще, и сена будет больше. В словаре Ночвина «кулига» — небольшое отдельное поле, чем-либо засеянное. Слово «баять» — говорить, было в лексиконе шадринцев и северян. «Взаболь» — действительно, вправду. Это слово чаще использовалось в форме вопроса. В просьбе подтвердить сказанное. «Досельный» — бывший в прежнее время. Например, досельная рукопись, старая книга. «Лагун» — деревянная кадка вместимостью в полведра и более. В них обычно готовили брагу и пиво.

Обратимся к топонимии. В Зауралье есть названия Крутиха, Шутиха, Шумиха, Ерамчиха и так далее, в Вологодской области — речка Шутиха, и в Вятской тоже есть. В общем, названия на -иха есть здесь и там. Перекликаются также названия населенных пунктов: Каргополье — Каргополь, Мезенка — Мезень, Колмогорцево — Холмогоры. Все эти совпадения мне, когда-то впервые попавшему в Зауралье, казались несколько удивительными и загадочными.

По данным И.М. Гаева, основной поток заселения Зауралья проходил с 1650 по 1770 годы. Началось с обустройства сухопутных дорог и завоза ямщиков на Сибирский тракт. По данным историков, численность ямщиков в первой четверти XVII века составляла 2000 человек. Проводились целые кампании

по сбору желающих и перевозке их на места нового проживания. Прибывшим в большом количестве переселенцам правительство предоставляло значительные льготы. Они освобождались на несколько лет от всяких податей и повинностей. Но заселение территории не проходило безболезненно. Русские поселения подвергались набегам башкир, кучумовичей, калмыков и других степных жителей, поэтому они были обнесены ограждениями и обеспечены от казны пищалями и пороховым запасом. На каждую слободу назначалось от 20 до 40 беломестных казаков. Беломестные казаки — крестьяне, несущие военную службу за освобождение от налогов или получавшие государево жалованье. На реке Исети создается оборонительная линия от набегов. Ялutorовский острог, Исетский острог, Шадринская слобода, Далматовский монастырь, Катайский острог были звеньями этой оборонительной линии.

Заселение Шадринского района проходило чисто русским населением. Поморы и большая часть жителей северо-западных районов России не испытывала ни крепостного, ни татарского ига. Это были отважные, свободные, лишенные предрассудков, предприимчивые люди, предки которых пришли из Великого Новгорода и осваивали районы Крайнего Севера. Из их среды вышли неутомимые и любознательные землепроходцы, которые прошли побережье Северного Ледовитого океана. Проникли и освоили великие сибирские реки.

Кто когда-нибудь проезжал по железной дороге до Хабаровска, Владивостока, тот может представить

Гостинный двор купца Ижболдина. 1880-е годы

Земская управа. 1875 г.

всю грандиозность и величие этих пространств и расстояний, а заодно поразится и восхитится подвигу строителей этой великой железной дороги. Строительство Транссиба началось в 1891 году с Челябинска на Курган, Новосибирск, Омск и далее. Создать такое мог только русский народ. Начав освоение пространств северной Сибири, россияне одновременно приступили к освоению земель за Уралом. Земля здесь плодородна, а климатические условия их устраивали. Таким образом, потомки ранее живших в этих местах «чуди белоглазой» и славян через много сотен лет вернулись на свою прародину. Так удивительным образом замкнулся цикл перемещения преобразованного народа.

Началось интенсивное освоение земель Зауралья, сельскохозяйственная продукция начала поступать на рынок Сибири, которая крайне нуждалась в поставках зерна, продуктах скотоводства — мясе, сале, коже. Продукция шла во вновь осваиваемые районы, откуда, в свою очередь, шли меха, моржовая кость и другая продукция. Обеспечивалась оснастка великих русских экспедиций, в том числе экспедиции Витуса Беринга.

Жители Зауралья жили достаточно обеспеченно. Вот что пишет священник П. Кыштымов в статье «Этнографические сведения о жителях Пермской губернии, Шадринского уезда, Песчанского сельского общества, Верхтеченской волости» в 1861 году. «На каждую семью средним числом приходится рогатого скота 8, лошадей 10, овец 8, коз 2, свиней 4, домашних птиц: куриц по 6 пар, уток и гусей по 1 паре...»

В районе было достаточно развитое огородничество, звериные и рыбные промыслы.

На рубеже XIX и XX веков Шадринск и Шадринский уезд представляли собой мощный сельскохозяйственный торгово-промышленный район. В связи с многочисленными ходатайствами по строительству железной дороги Екатеринбург — Шадринск — Курган III Государственная Дума постановила провести технико-экономическое исследование районов прокладки железнодорожной линии с целью определения оптимального варианта. Для этой цели была создана группа статистов во главе с Л.К. Чермаком, которая должна была провести обследование района. Отчет группы был опубликован в 1909 году. Не буду подробно излагать этот впечатляющий отчет, коснусь только тех моментов, которые показывают экономическую значимость этого района.

В состав района входили: г. Шадринск, волости Баклановская, Барневская, Бутуринская, Белоярская, Водениковская, Иванищевская, Каргопольская, Кизылбаевская, Кондинская, Красномыльская, Крестовская, Кривская, Макаровская, Мехонская, Ольховская, Осиповская, Сухринская, Усть-Миасская. Население уезда — 152 тысячи человек.

Шадринск и Зауралье занимали исключительное положение в товарообороте между Сибирью и Европейской Россией. Здесь перекрещивались торговые пути между Россией и Сибирью. Через крупнейшие ярмарки: Крестовскую, Ивановскую и Ирбитскую проходили почти все товары Европейской России, идущие в Сибирь, и в то же время шел обратный поток

товаров из Сибири в западные районы России. Перевалочным пунктом этого гигантского потока товаров являлся Шадринск. Здесь проходила переработка и сортировка товаров. Но значение города и района обуславливалось не только этим. Этот район являлся крупнейшим хлебобобовым центром, питавшим горнозаводское население Северного Урала и не только этого района. Шадринский район слыл крупнейшим производителем зерна. В 1906 году было закуплено свыше 4337 тысяч пудов зерна, а в 1907 году около 3475 тысяч пудов. Из этого количества овса 300 тысяч пудов, ржи 200 тысяч пудов, а все остальное составляла пшеница. Все это зерно закупалось в самом Шадринске, а подвозилось крестьянами из перечисленных выше волостей. Далее зерно отправлялось на переработку в муку и крупы. Надо сказать, что были и неурожайные годы, и тогда население района испытывало крайнюю нужду. С наступлением осени в Шадринском районе начиналась интенсивная заготовка мяса. Общее количество вывозимого из района мяса составляло от 350 до 400 тысяч пудов. Куриных яиц в различные районы страны, Москву, Петербург и за границу ежегодно отправлялось от 130 до 135 вагонов. В каждом вагоне по 112 ящиков, а в каждом ящике в среднем 1440 штук. Домашней птицы: кур, гусей, уток ежегодно на внутренние рынки и за границу отправлялось около 170 вагонов. Большим спросом на внутреннем рынке — в Казани, Москве и Петербурге, а также за границей — пользовалась так называемая «перовая» птица — тетерка, косач, глухарь, рябчик, серая и белая куропатки. Заготовка и отправка их производилась с ноября и до Рождества. Всего непосредственно из Шадринска отправлялось от 25–30 вагонов от станции Мишкино, так как железная дорога в этот период через Шадринск не проходила.

В крупных объемах велась заготовка сала на местных саловаренных производствах. Ежегодно отправлялось на местные мыловаренные заводы до 25–30 тысяч пудов в год. Всего сала-сырца из района вывозилось до 80 тысяч пудов.

Закупка сырых кож с последующим вывозом в Казань, Вятку, Нижний Новгород на ярмарку — один из давних промыслов Шадринска. Кожы также поступали на местные кожевенные заводы, которых в уезде насчитывалось 108, считая мелкие кустарные заведения. Ежегодно закупалось не менее 220–250 тысяч кож.

Производство и заготовка льна и кудели — тоже одна из старинных и важнейших отраслей жителей района. Всего в Шадринске ежегодно скапливалось до 400 тысяч пудов кудели (льняной начес, получаемый при ручной обработке волокна) и 150 тысяч пудов льна. Продукция шла на местные прядильно-ткацкие фабрики и через Нижегородскую ярмарку на прядильно-ткацкие фабрики Московско-Владимирского района. Товар также отправлялся за границу, главным образом в Лондон, через порты Балтийского моря.

В больших объемах осуществлялась заготовка шерсти для пимокатного производства. Практически вся Сибирь обеспечивалась валенками из Шадринска. В год производилось не менее 70 тысяч пар валяной обуви. Широко было развито овчинно-шубное производство. В 15 овчинно-шубных заведениях Шадринска перерабатывалось до 250 тысяч шкур. Продукция расходилась среди жителей Зауралья, горнозаводского Урала, и 2/3 вырабатываемого количества шуб, полушубков, тулупов шло в Сибирь через ярмарочную торговлю. Валяные и шубные изделия особенно ценились у жителей Сибири и позволяли хорошо переносить сибирские морозы. Деятельное население Шадринского уезда освоило производство шапок и картузов и производило в год до 700 тысяч этих головных уборов. Но и такое количество не удовлетворяло потребителей, поэтому шадринские шапочники дополнительно закупали шапки в Казанской и Московской губерниях в пределах 100 тысяч штук и тем самым удовлетворяли спрос местных и сибирских крестьян.

Таков далеко не полный перечень занятий шадринцев. Он говорит о том, что Шадринский уезд являлся крупнейшим производителем и поставщиком самой необходимой для Российского государства продукции. Он по праву считался житницей государства уже на рубеже XIX и XX веков и даже намного раньше.

Давайте вспомним, когда образовалась Курганская область, в состав которой вошел Шадринский район — начало февраля 1943 года. Какое это было время? 2 февраля 1943 года завершился разгром гитлеровцев под Сталинградом. Сопоставим эти близкие по времени даты. Что, Сталину нечего было делать, как заняться образованием какой-то области? В том-то и дело, что этим заняться нужно было крайне срочно. Наступило время освобождения захваченных фашистами территорий, возникла крайняя необходимость увеличить продовольственное снабжение армии и населения. Курганская область должна была решать вопросы обеспечения страны продуктами сельского хозяйства. До этого районы будущей области входили в состав Челябинской и Свердловской областей, перегруженных выпуском боевой техники. Они не могли полностью сосредоточиться на решении продовольственных задач. Таким образом, Шадринский район в составе вновь образованной области своим могучим сельскохозяйственным, экономическим потенциалом внес весомый вклад в победу над Германией.

Впервые в Курганскую область я попал в ноябре 1964 года, когда нужно было срочно сдать в эксплуатацию кабельную магистраль между Тюменью и Курганом для обеспечения выхода Тюмени на союзную магистральную сеть страны. В течение ноября-декабря поставленные перед моей бригадой задачи по измерениям и монтажным работам были выполнены. Бригада размещалась в вагончиках, расположенных в селе Белозерском. Питались мы в совхозной столовой исключительно дешево и обильно,

и мы сразу почувствовали, что находимся в богатом сельскохозяйственном крае.

В 1966 году по землям Курганской области была проложена кабельная магистраль, связывающая западные и восточные районы страны. Мне пришлось принять участие в строительстве этой магистрали. В городе Шадринске в Осееве был построен обслуживающий усилительный пункт. Кабельная магистраль проходила по Катайскому, Далматовскому, Шадринскому, Каргопольскому районам и далее на восток. Поскольку кабель прокладывался в земле, то, естественно, мы хорошо ознакомились с землями этих районов. Особенно поразили они меня в Шадринском районе — толстый слой чернозема, пшеница росла густо, как стена. Даже мне, в то время далекому от сельского хозяйства человеку, было видно, насколько богата и плодородна эта земля.

В районе было достаточно речек, впадающих в главную реку района Исеть, лесом район тоже не был обделен. Здесь я впервые увидел кустарники дикорастущей вишни и клубники. В районе большое количество озер, изобилующих рыбой. В то время плохо было с дорогами и ездить по трассе кабеля, особенно осенью, по чернозему было очень трудно. Но уже в 70-х годах между деревнями и селами были проложены асфальтовые дороги. Работая на линии, мы всегда питались в совхозных и колхозных столовых, где кормили вкусно и недорого. Продукты питания на рынке в Шадринске всегда были дешевле, чем в Свердловске.

Несмотря на то, что я неоднократно бывал в Шадринске, времени на ознакомление с достопримечательностями города не находилось. Мы знали, что в городе есть педагогический институт, военное училище. Далеко не каждый город-райцентр имеет педагогический институт. В городе имеются достаточно крупные заводы. На одном из них мне пришлось побывать — это так называемый телефонный завод, где я участвовал в приемке оборудования. Сейчас этот завод не работает.

Шадринцы отзывчивые и прекрасные в общении люди. И мне захотелось написать о Шадринске и шадринцах. Захотелось понять этих людей, понять, почему они такие. В их крови заложены гены замечательных поморов, пришедших сюда несколько столетий назад и создавших этот замечательный край, города и селения. Людей стойких, любознательных и талантливых. Авангард этих людей осваивал Сибирь. Это было бескровное завоевание пространств земли и приобщение народов под покровительство самодержавия. Люди, прибывшие в Зауралье, начали создавать экономическую базу этого великого проникновения. И в одно прекрасное время перед изумленным миром Русь превратилась в Великую Россию, объединяющую народы разных национальностей и вероисповедований. В Шадринске работает замечательная группа ученых-краеведов. Познакомившись с их трудами, я понял дух шадринцев. Они любят свой край и прилагают все силы, чтобы их малая родина была прекрасна, полезна и уважаема в России.

Одним из самых знатных шадринцев был, несомненно, Терентий Семенович Мальцев — прославленный полевод колхоза «Заветы Ильича», почетный академик, дважды Герой Социалистического Труда, разработавший и внедривший новую систему обработки почвы, позволившую значительно повысить урожайность полей. Терентий Семенович жил в селе недалеко от Шадринска. Село Мальцево находится в стороне от дороги, по которой мы обычно ездили, поэтому там не приходилось бывать. И все-таки один раз, возвращаясь из командировки, мы решились заехать в село — познакомиться с родиной Мальцева и посмотреть, хотя бы со стороны, на дом, где жил великий хлебороб.

Но в то же время, бывая в некоторых селениях этого края, видишь следы угасания некогда богатых и здоровых сел, и приходят на ум грустные и печальные мысли. Неужели наступило время заката и уже ничто не остановит процесс распада? Какой нужен толчок, чтобы всколыхнуть задремавшее пространство? Возможно, существующий уклад в сельской жизни исчерпал свои возможности и наступил закономерный спад в развитии края. По аналогии с природой, когда происходит массовый вылет бабочек, произошел массовый вылет молодых жителей. Бабочки снова возвращаются в родные места, если их что-то не ослепляет и не сбивает с толку, а вернутся ли молодые жители, привлеченные яркой и «легкой» жизнью городов и весей?

Но плодородная и благодатная земля не останется бесхозной, на эти земли придут другие люди и, возможно, с другими целями и задачами, как это уже бывало в истории. И тогда через много-много лет они будут вспоминать, что на этих землях жили какие-то чудаки, работали в колхозах и совхозах, выращивали пшеницу, гусей и другую живность, но почему-то покинули эти места. Иногда им будут попадаться не успевшие сгнить металлические детали каких-то сельскохозяйственных орудий, в бывших селах и деревнях будут проводиться раскопки с целью изучения предметов быта чудаков. И вполне возможно, что среди найденных предметов будут преобладать осколки пластмассовых и стеклянных бутылок... Но это пессимистический вариант.

Шадринск и окружающая его местность всегда славились предприимчивостью жителей. В результате их труда и усилий был создан мощный сельскохозяйственный район, который играл выдающуюся роль в экономической жизни страны. Продукция, производимая в районе во все времена и при всех властях, была востребована, в ней нуждалась страна. Поэтому нет никаких объективных причин для упадка сельскохозяйственного производства в этом благодатном крае. Настало время прихода новых Бутаковых и тех предпринимателей из среды истинных шадринцев, которые были бы способны возглавить экономическое возрождение края.

фото Владимира САДЫРИНА

Михаил ФОНОТОВ

Цинния, не помнящая родства.

Флора в глобализации

Цинния потерялась среди... цинний. Есть циннии в форме астры, георгина, хризантемы и даже кактуса. Махровые есть и мохнатые. Их венчики — красные, розовые, желтые, белые, сиреневые, лиловые, вишневые, коралловые, канареечные... А то и двух, трех цветов сразу.

Ту, первозданную циннию, которая триста лет назад в Америке привлекла внимание немецкого профессора Цинна, — где ее сейчас найти?... Миллионы лет у растений было два селекционера — насекомые и ветер, а с некоторых пор появился третий — человек. Он не только перемешал растения разных континентов, но в каждом из них расшатал наследственность, так и сяк перекрестил,

переопылил гены и создал сотни и тысячи новых видов. У той же циннии человек увеличил число лепестков, а тычинки и пестики сплел в ажурный цилиндр, выставив его над венчиком. Дикие растения умалены, культурные их виды — поощрены. Теперь в наших садах обитают американские канны, японские хризантемы, китайские астры, средиземноморские гладиолусы. А на огородах соседствуют огурцы из Индии, свекла из Ирана, помидоры и картофель из Центральной Америки, капуста из Средиземноморья. А такие овощи, как редис, репа, брюква, так далеко ушли (уведены) от своих диких родителей, что не помнят своего родства. Не помнят своего родства и соя, фасоль,

горох, бобы, подсолнечник, лук, чеснок, укроп...

Не сказать, что они созданы человеком заново. Вне культуры они если не погибнут, то одичают. А в культуре изменены так, что, как говорится, мама родная не узнает.

Дольше всего — пять, шесть тысяч лет — человек «изощрялся» над тремя «неказистыми» растениями и «на них» умудрился создать — выкормить — три цивилизации: европейскую — на пшенице, азиатскую — на рисе и американскую — на кукурузе (маисе).

Человек глобализуется сам и глобализует флору, фауну, природу, планету...

Старик-камень

Шунут-богатырь и другие

Гора Шунут (726 м) – самая высокая в окрестностях Екатеринбурга. Из столицы Среднего Урала до этой вершины лучше добираться по автомобильной дороге до города Ревды, а затем, повернув на юг, идти до селения Краснояр. И далее два часа ходьбы. Святое место Платонида расположено у юго-восточного подножия Шунута. Скала Старик-Камень (Голова Шунута) стоит на южном склоне горы и смотрит в сторону Платониды.

До нашего времени дошла такая вот легенда.

В одной башкирской семье родились братья-близнецы. Они быстро подрастали. И вот однажды в детской игре образовалась куча-мала. Одному из братьев повредили позвоночник, отчего вырос горб, и он остался небольшого роста. Зато другой брат дорос до облаков и стал защищать свой народ от врагов. Когда подступали большие племена завоевателей, большой брат превращался в огненное существо, похожее на человека, и посылал в чужеземцев сверкающие молнии. От страха недоброжелатели бежали без оглядки. Так и прозвали великана Шунут («шун» – существо, «ут» – огонь).

Легенду подтверждает и название речки Ик, бегущей с Шунута. Одно время в числе супротивников башкир были калмыки. Увидев Шунута, они кричали: «Ик идет! Спасайтесь!» В калмыцком, который является одним из монгольских языков, «ик» означает – большой, великий. Калмыки набирали воды из реки и пускались в обратный путь, не опасаясь огненных стрел Шунута.

Так речку и стали называть Ик, как место пребывания великана Шунута. Хотя сама речка Ик небольшая.

Так многие века Шунут охранял свой народ от недругов. Но все же великан был наказан за то, что от его сил гибли люди. Он лишился сна, маялся от сильной боли по всему телу. Одна смерть могла победить его болезнь. А лишить его жизни могла только рука родственника. Но мать и отец давно умерли. Вся надежда оставалась на родного брата-карлика. Но тот очень любил Шунута и не соглашался на его убийство.

Великан долго уговаривал брата. В конце концов горбун решился исполнить просьбу Шунута, но с тем условием, что, переместившись в другое состояние, он по-прежнему будет помогать людям, станет забирать у людей их болезни. Великан лег на землю, и меньший брат отсек мечом голову Шунута. Когда взойдешь на Шунут, то появляется ощущение, что поднимешь руку и дотянешься до облаков.

А у подножия Шунута забил целебный радоновый источник. Вода родника со склона через несколько метров попадает в речку Ик. Многие стали ощущать себя бодрее, искупавшись в этом источнике. За всеми событиями, происходящими у минерального источника, зорко следит голова Шунута.

Со временем и камни стареют. Голова великана стала похожа на лицо старика, поэтому кто как называет скалу: то Старик-Камень (на географических картах), то Голова Шунута.

Местность вокруг Шунута удивительно красивая, благодатная. В недалекие времена облюбовали эти места староверы. Здесь располагались их скиты. А еще место у целительного родника называют Платонида — по иноческому имени женщины старой веры, похороненной вблизи источника.

Как-то в середине 1970-х годов сплавлялись мы с друзьями в начале сентября по Чусовой. Заинтересовались названием речки и деревни Кашка. На географической карте Семена Ульяновича Ремезова приток Чусовой назван — Каш, а в архивах Герарда Фридриха Миллера — Каш-я. Позднее появилась Кашка, где «ка» — русского происхождения. Ранее у местных жителей — вогулов (манси) коша, каша означало — «длинный», я — «река», т.е. «Длинная река». Хотя относительно чего «длинная»? Есть у Чусовой притоки намного полноводнее и длиннее, чем Кашка.

В архиве мне встретились документы, где название этой реки и деревни в начале XVIII века — Ашка. В 1730 году Строгановым разрешили строить на речке Билимбаихе металлургический завод. Постройка началась в 1732 году, и предприятие вступило в эксплуатацию 17 июня 1734 года. Одна из причин задержки возведения Билимбаевского завода видится в нехватке рабочих рук. В 1732 г. Строгановы добиваются у Сибирского обер-бергамта разрешения сыскивать своих беглых крестьян в вотчинах дворянина Демидова. Также были проверены все населенные пункты на реке Чусовой. В этом-то документе и обнаружился топоним Ашка. На одном из диалектов «аш» означает «дыра», но ведь рядом находится знаменитый «боец» Дыроватый — культовое место вогулов. Камни на Чусовой еще называют «бойцами», потому что раньше, когда река была судоходной, о них иногда разбивались барки. Вот об этих камнях — Оленьем, Дождевом, Омутном, Дыроватом — и будет наш рассказ.

Проживал в середине 1970-х годов в Кашке один старичок, Иван Нифонтович. Он рассказывал истории, похожие на легенды, участником которых якобы был.

В том числе две — о «бойце» Оленьем.

Этот камень издавна Оленьим называется. Дело было еще при царе Косаре. Гнали охотники оленя по лесу. Красив, рассказывают, олень тот был, красив, могуч да быстроног. Долго и хитро петлял он по лесу, с одной горы взлетал на другую, как стрела. Охотники уже утомились, а олень — ничего, сила еще есть. Ушел бы он от охотников-то, да только сам не заметил, как оказался на камне. Взлетел он на камень и остановился: сзади охотники с рогатинами, впереди — Чусовая. Не захотел он даваться в руки людям, взметнулся в последний раз, пролетел, как птица, упал и разбился.

ГИБЕР Екатерина Матвеевна (псевд. Жибер), драматург.

Масанов.

ГИБЕРМАН-КАУФМАН Мария

Сотр. "Нед. Хр. Восхода" (1882. № 44) — К-ф-н-Г-б-н, Мария.

Масанов.

ГИЗЕТТИ Наталия Дмитриевна

(См. Барвенкова, Т.)

ГИКА Елена Михайловна

(См. Кольцова-Масальская Е.М.)

ГИЛЬБИХ Елизавета Федоровна (1865 — 1893), журналистка.

Сотр. в "Р. курьере", "Нов. дня.", "Р. лист." в 1880-90-х гг. — Г. В "Р. лист." (1890) также под крипт. Е.Г. В "Нов. дня" (1890) и в "Р. лист." подписывала свои статьи также псевд. Елизавета Г. и просто — Елизавета. В тех же изданиях, а также в "Р. курьере" подписывалась и псевдонимами Новая юмористка, Сестра и Эльга.

Масанов.

ГИЛЬДЕБРАНДТ-АРБЕНИНА Ольга Николаевна (сценич. и лит. псевд. Арбенина; 1897\98 — 1980), поэтесса, авт. воспоминаний и дневника.

Актриса и художница. Воспитывалась в театральной семье. Ее отец — Арбенин — был актером, театр. критиком и переводчиком. Окончила частную гимназию и Женские пед. курсы новых языков М.А. Лохвицкой-Скалон. Училась в Школе русской драмы — Императ. театральной училище. Была женой писателя и художника Ю.И. Юркуна, участвовала в группе художников «Тринадцать» (1929-1931). Адресат лирич. стихов Мандельштама, Гумилева, Кузмина, Б.Лившица и др. Сама писала стихи, на которые известны отзывы В. Брюсова, М. Кузмина. Из ответа на письмо В. Брюсова: «Я вряд ли перестану «писать»... Но я никогда больше не осмелюсь назвать мою чепуху — стихами». Выступала в составе труппы Александринского театра. Авт. воспом. «М.А. Кузмин» («Лица», вып. 1. М.-СПб., 1992); «Н. Гумилев» («Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография». СПб., 1994), «О Мандельштаме» и др. Оставила воспоминания «Похороны Александра Блока» \ \ Русская мысль. 1991. 9 авг. «У нее хватило мужества не только творить, несмотря на отнюдь не просто сложившуюся судьбу, но и оставаться собой в окружении больших художников и великих поэтов» (Н. Плулунян). В серии «Близкое прошлое» вышла книга Гильдебрандт-Арбениной «Девочка, катящая серсо... Мемуарные записи. Дневники» М., 2007 (портр.). Здесь почти в полном объеме собрано лит. наследие Г. Упом. в кн. «Сто одна поэтесса серебряного века» (Арбенина).

«Лица»; РРЭВД. 4 (здесь г.р. 1899).

ГИЛЬЕВСКАЯ, переводчица.

В 1853 в СПб. была поставлена переведенная ею ком. «Седой волос».

Сл. рус. писательниц.

ГИЛЬЧЕНКО Варвара Артемьевна (урожд. Каменцова; псевд. Николенко, В.; 1862 — ?), беллетристка.

Сотр. в "Рус. бог." (1892. № 12; 1895. № 8); в "Рус. вед." (1894. №№ 124, 289) и в "Терск. вед." в 1890-х гг. В журн. «Заветы» (1913. № 1. С. 1-50) напечатаны ее «Воспоминания о Н.К. Михайловском» (1882-1902. Встречи с Михайловским в Петербурге и на Кавказе. Его семья. Юбилей Михайловского. Сотрудничество автора в «Русском богатстве»). В тексте — письма Михайловского). «У колеса счастья. (Памяти Марии Гавриловны Савиной). — «Ист. вестн.», 1916, т. 146, № 10. С. 201-211 — В.А. Николенко-Гильченко (1879-1915. Знакомство с Савиной на юбилее писателя С.В. Максимова. Встречи на вечере в пользу Бестужевских курсов и в Карлсбаде на панихиде по А.П. Чехову).

Масанов; Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.3. Ук. им.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 43

Останцы на вершине г. Шунут

А еще говорят, что настоящее название скалы не «Олений», а «Аленин». Такую фамилию носил Ермак. Взобрался на утес Тимофеевич, поглядел на восток — не видать ли за горами Кучумова царства. Три дня смотрел и три ночи думал, как быть. И пошел со своим войском по реке Серебряной (Серебрянке), которая протекает поблизости.

У камня Омутного, рассказывают, раньше яма была глубиной более 30 метров. Жил в омуте водяной черт. Когда барка разбивалась о скалу, так тот чертяка много сплавщиков к себе в водное царство утащил. Говорят, завалили тот омут разбившиеся коломенки железом и медью. В последний период судоходства по Чусовой у «бойца» Омутного были устроены из бревен заплавни. Они гасили силу удара, и барки не разбивались о скалу. Кто-то в нынешнее время измерял глубину омута, так намерял всего около четырех метров.

Места возле деревни Кашки мистические. Недалеко находится камень Дыроватый, о котором можно рассказывать долго. О нем существует много легенд и преданий. Особым почитанием у вогулов пользовалась 60-метровая скала, похожая на «лицо идола» со своеобразным «ртом»-пещерой. Этот каменный великан-идол был священным у вогулов. Археологи, исследуя камень Дыроватый, обнаружили более 15 тысяч наконечников стрел: каменных, костяных, бронзовых и железных. По-видимому, проплывая на лодке или же с другого берега Чусовой, в «рот» нужно было обязательно попасть стрелой, выпущенной из лука, тогда удача сопутствовала бы вогулу. Можно только догадываться, при каких обрядах выполнялась стрельба по идолу: перед военным походом, перед охотой или праздником

(жертвоприношением), свадьбой и т.д. Не все стрелы с зарубками долетали и попадали в пещеру, и большая их часть уносилась от скалы весенней водой.

У впадения речки Кашки, на другом берегу Чусовой располагается камень Дождевой. По рассказу Ивана Нифонтовича, свое название скала получила от вогульского шамана-вождя. Он мог вызывать дождь в сухую погоду, покарать врагов грозовыми молниями, завалить зимой окрестность снегом, одним словом, владел всем, что связано с влагой.

Шамана Дождевого убили предательски, выстрелив сзади. По обычаю тех времен, умертвили его жену, чтобы похоронить вместе. В захоронение положили одежду, обувь, посуду, пищу, лук со стрелами, чтобы они могли пользоваться всем этим в потустороннем мире.

Постепенно берега Чусовой стали заселяться русскими людьми. Стало меньше диких животных. Вогулы ушли на Северный Урал вслед за зверями.

В 1988 году нижнетагильские археологи обнаружили в гроте камня Дождевого погребение. Грот находится в затемненной расщелине на высоте 14 метров и с воды не виден. В гроте захоронены мужчина и женщина.

Захоронение женщины, частично разрушенное, было обнаружено у входа в грот. Погребенная находилась в вытянутом положении на спине и была обильно посыпана охрой. Анатомический порядок сохранили кости позвоночника, ребер и частично ног. Череп, тазовые, берцовые и длинные кости рук отсутствовали. Погребальный инвентарь представлен отщепами, скребком и фрагментами керамики. Одежда женщины была богато расшита зубами животных. Всего найдено 72 просверленных нижних клыка выдры, два просверленных зуба северного оленя, два резца лося и один нижний клык лисицы.

В глубине грота было погребение мужчины 40–45 лет, которое отлично сохранилось. Он лежал на спине в скорченном положении. Умершего сопровождал богатый погребальный инвентарь. Расположение находок позволяет достоверно реконструировать его костюм. На шапке был нашит верхний клык лисицы. Пояс украшен десятью резцами бобра. На сапогах и штанах нашиты костяные подвески: с внешней стороны — десять фигурок гусей, выполненных из таранных костей бобра, с внутренней — шесть каплевидных подвесок. На поясе находился костяной гарпун, на груди — шлифованный нож. С левого бока у мужчины была сумка с 15 отщепами и заготовками орудий.

В погребении найдены также обломок шлифовального оружия, сребок, расколотый надвое зуб лося и кости северного оленя. У локтя левой руки и у пояса обнаружено четыре костяных биконических наконечника стрелы, вероятно, они помещались в колчане. На теле погребенного рассыпью лежали одиннадцать каменных наконечников стрел. В погребении найдено семь фрагментов керамики от двух сосудов. Погребенный был убит выстрелом в спину: каменный наконечник стрелы найден между шейными позвонками. Предположительно это было захоронение шамана Дождевого и его жены.

Наталья ШАРНИНА,
фото автора

«Веленью божию, о муза, будь послушна»

Дождь весь день не только капал, но местами шел обильный и холодный. Но к памятнику Пушкина в Литературном квартале к одиннадцати часам пришло много поклонников поэта. Пушкин был вымыт не только дождем, но и потоком с листьев цветущих кудрявых рябин, окруживших памятник плотным полукругом.

Для нас, членов Пушкинского клуба города Екатеринбурга, в день 209-й годовщины Пушкин в бронзе был ближе, роднее, чем в предыдущие годы. Накануне, пятого июня, нас любезно принял в своей мастерской скульптор памятника Геворк Арутюнович Геворкян. Мы почувствовали себя как бы причастными к таинству романтического Пушкина – образу Поэзии. «Весь вдохновенье, с открытой душой».

Геворкян был членом первого жюри конкурса на проект памятника, объявленного к 200-летию Александра Сергеевича.

Но предлагаемые работы не отвечали представлению Геворкяна, к тому же были в лучшем случае бюстом – по причине отсутствия денег.

– Памятник Пушкину я сделаю бесплатно и в полный рост, – сказал и вышел из состава жюри.

Полного сходства с Пушкиным скульптор и не искал:

В мастерской Г. Геворкяна. Он – в центре

– Это должна быть сама Поэзия, Вдохновение, Муза!

Памятник трижды начинался с нуля: трещала глина, рушился гипс, не сходились швы в бронзе, скульптор сам сваривал металл.

По заключению ЮНЕСКО, памятник стоит на третьем месте среди семи сотен памятников Пушкину.

В благодарность скульптору глава города выделил Г.А. Геворкяну мастерскую, в которой проект изготавливался, в которой мы и «гостили». Хозяином мастер стал после пяти лет реоформления помещения в собственность.

Благородный, широчайшего кругозора, с мягким юмором – добрый образ скромного труженика надолго будет в нашей душе.

Мы обязательно придем на открытие памятников Уралу (будет установлен при въезде в город), Н.В. Гоголю – Геворкян выиграл конкурс к 200-летию великого писателя. Памятник Николаю II будет стоять у Горной академии, указ об открытии которой подписывал последний российский царь в 1914 году.

Наталья Викторовна Шарнина родилась в 1936 году в г. Дегтярске Свердловской области. В 1959 г. окончила Уральский Политехнический институт, по специальности инженер-электрик. Тридцать пять лет работала на Первоуральском новотрубном заводе. Ветеран труда. Почетный новотрубник. Автор поэтических сборников и детских книг. Призер конкурса «Мой Пушкин», объявленного журналом «Советская женщина», в 1989 г. Победитель телевикторины «Ай, да Пушкин», 1999 г. Победитель областного конкурса «Пушкин и народы», 2007 г. Председатель Пушкинского клуба г. Екатеринбурга.

Пожелтевшая афиша

Музею города Ревды – «Демидов – центр» четыре года.

Директор, она же единственная штатная единица музея – Галина Николаевна Чухланцева, симпатичная живая блондинка лет сорока, очень эмоционально, даже страстно рассказывает об истории Ревдинского завода, о династиях ревинцев, о раскопках на

месте старого Демидовского завода.

Зал рабочих: углежогов, кузнецов; предметы быта, устройство жилья, условия работы...

Комната служителей завода – мастеров, приказчиков, владельцев магазинов, технической интеллигенции.

Нарядная узорная мебель черного дерева. В стеклянных витринах: книги, монокли; дамские аксессуары – кружева, броши, веера. Как в столичных музеях.

Пушкин! Собрание сочинений, юбилейное издание 1899 года, в отличном состоянии. Бывшая собственность Галины Макаровны Барановой, дочери инженера.

Мой взгляд падает на желтую от времени афишу.

*1899 Ревдинский заводъ
съ позволения начальства
въ чайной попечительства о народной трезвости
въ воскресенье 23 мая
любителями драматического искусства,
дань будет спектакль,
сборъ съ котораго употребленъ будет на выписку
пьесъ.*

*По случаю предстоящаго юбилея 26 –го мая н.г.
поэта Александра
Сергеевича Пушкина, поставлена будетъ въ
первый разъ
переделанная из его повести
СТАНЦИОННЫЙ
СМОТРИТЕЛЬ*

Драма въ 3-хъ действияхъ.

*В роли Самсона Вырина служащий завода
К.Г.Овчинкин, в роли Дуни М.Г. Кадникова
И т.д., весь список действующих лиц и исполни-
телей.*

Далее в афише указаны цены на билеты: первый ряд – 1 рубль; второй, третий ряд – 80 коп.; пятый, шестой и т.д. – 30 коп. галерея – 10 копеек.

Распорядитель – инженер-технолог Ф. Сосунов. Режиссер П. Варушкин.

Сколько же таких спектаклей было сыграно по всей России в юбилейный 1899 год?!

Роза Ивановна

Каждый пушкинист хоть раз да побывает в Пушкиногорье – в милом сердцу селе Михайловском.

Роза Ивановна Панкина, директор музея А.С. Пушкина в гимназии № 116 г. Екатеринбурга,

Музей Пушкина в школе № 116. Слева – Р.И. Панкина

была там восемнадцать раз, каждый год, одна и со школьниками. Она дружила с Семёном Гейченко, легендарным создателем и хранителем Пушкинского заповедника.

Прощалась с ним, уже прикованным к постели. Наклонилась, поцеловала в лоб.

– Ты чего меня в лоб целуешь? В губы, в губы.

Столетие Гейченко Пушкиногорье отмечало в 2003 году уже без него...

А Роза Ивановна посетила, по-моему, все места, связанные с именем любимого поэта, даже забайкальские музеи декабристов.

До пенсии она работала на благородном поприще – детский врач.

Сейчас оздоравливает души детей, и не только детей.

Знает и читает наизусть «всего» Пушкина. В гимназии по случаю пушкинских дат устраивает костюмированные балы, конкурсы и чтения...

Новоуткинские таланты

В 1871 году в посёлке Новая Утка, где был железоделательный завод Яковлева, открывалась новая школа. Учителем приехал из Санкт-Петербурга выпускник университета Константин Степанович Славнин. Детей обучал по научной методике. Был автором учебников по математике и правописанию. Не он ли стал предтечей талантливых людей в уральской глубинке.

Писательница Ольга Ивановна Маркова, 100-летие которой в поселке отметили в августе 2008 г., в своих романах и повестях описала события, свидетелем которых ей довелось быть: Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная.

Брат Ольги – Александр Марков – стал известным московским художником; его картины, портреты выставлены в музее.

На стенде, посвящённом семье Марковых – плакат с пушкинскими словами: «Я лиру посвятил народу своему».

Николай Акимович Каржавин окончил Новоуткинскую школу. Это знаменитый открыватель бокситовых месторождений в Североуральске – Красная Шапочка.

Бывая в посёлках старых «демитовских» заводов, я каждый раз удивляюсь, насколько глубоко в культуру уральской деревни проникло слово А.С. Пушкина.

Читаю воспоминания Зои Андреевны Михайловой о первых комсомольских ячейках: коллективизация, ликбез, самодеятельность: «Сами ставили «Русалку» Пушкина. Костюмы для постановки брали на прокат в свердловских театрах, а остальное – дело наших рук. В «Русалке» дно реки изобразили так: всю сцену занавесили крашеной марлей, для танца водорослей купили зеленые ленты; с берега пруда принесли большие камни, на нитках привязали игрушечных рыбок».

У дома О.И. Марковой

«Счастливым сын пиров»

Людмила Борисовна Всеволожская – потомок дворянского рода Всеволожских, действительный член Всероссийского дворянского собрания, мастер спорта по художественной гимнастике, преподаватель анатомии, физиологии и физического воспитания, автор книги «Род Всеволожских», в которой собрала все сведения о своих замечательных предках.

Людмила Борисовна воодушевила меня посетить село Всеволодо-Благодатское на Северном Урале. Всеволожские были в родстве с А.С. Пушкиным, а Никита и Александр, унаследовавшие от отца Всеволода Андреевича заводы и земли на Северном Урале, были «минутными друзьями минутной молодости» Пушкина.

В 1870 году В.А. Всеволожский купил рудники на Северном Урале и начинал золотодобычу. После

смерти отца в 1836 году Александр получил в наследство Александровский горный округ, а Никита – Никитинский, с центром в поселке Никито-Ивделе, преобразованном в 1943 году в город Ивдель.

Именно Никите Пушкин проиграл в карты тетрадь стихов, о чем говорится в его письме Н.В. Всеволожскому от июня 1824 года из Одессы: «Помнишь ли, что я тебе полу-продал, полу-проиграл рукопись моих стихотворений... Ныне решился я исправить свои погрешности... Продай мне назад мою рукопись за ту же цену 1000; даром же взять не захочу...» Рукопись, конечно, была возвращена. В 1826 г. стихи вышли с подзаголовком «Тетрадь Всеволожского».

Никите Пушкин посвятил стихотворение «Прости, счастливый сын пиров».

Дождаться своих

После каждого прыжка расстояние между «Синей птицей» и кораблями регуляров неуклонно сокращалось. На десятом часу преследования оно уменьшилось до критического. Теперь дистанция лишь в полтора раза превышала дальность прямого залпа из бортовых орудий, и Старый Эдди понял, что уйти не удастся.

— Ещё два прыжка, максимум три, — прохрипел он, — и нам, если не сдадимся, конец.

Пальцы старого пилота буквально плясали на клавиатуре панели управления. Костистое, обросшее неровной щетиной лицо с прищуренными недобрыми глазами побагровело. Скошенный назад широкий волчий лоб заблестел от пота. Старый Эдди мотнул головой, сбрасывая со лба длинную прядь пегих нечёсаных волос. Пальцы пробежали по кнопкам и клавишам, сноровисто переключили тумблеры. «Синяя птица» содрогнулась, завибрировали переборки. Через несколько мгновений маршевые двигатели набрали мощность, и на экипаж навалилась перегрузка — Старый Эдди бросил корабль в очередной маневр.

Сидящий в капитанском кресле Хват, вцепившись в подлокотники, не отрывал взгляда от экрана локатора. Очертания обоих преследователей на нём сместились к периферии и уменьшились в размерах. Однако не прошло и получаса, как эти размеры вновь начали увеличиваться, и контуры преследователей медленно поползли обратно к центру экрана. Пилоты истребителей регулярного флота повторили маневр «Синей птицы» и теперь вновь заходили с тыла, неумолимо подтягиваясь на расстояние залпа.

Хват, шумно выдохнув, повернул голову к пилоту. Старый Эдди криво ухмыльнулся ему и откинулся в кресле. Руки пилота упали с панели управления на колени.

— Всё, командир, — коротко хохотнув, сказал Эдди, — отлетались. Дальше играть в пятнашки нет

смысла, нас один хрен запятнают. Часом раньше, часом позже, без разницы.

— А я-то думал, что с тобой мы выкрутимся, — медленно, нарочито спокойно произнёс Хват. — С лучшим-то пилотом Галактики. Выходит, подвёл ты всех нас, старик.

— Выходит, так, — безучастно сказал Эдди и скрестил руки на груди. — Шустрые мальчики, — кивнул он головой на экран. — Шустрых мальчиков стали готовить в Академии регулярного флота. Способных.

Хват смотрел на старика в упор. Резкие черты острого, почти треугольного смуглого лица застыли. Тяжёлый взгляд слегка раскосых жёстких глаз как обычно ничего не выражал, но секунду спустя в нём появилась задумчивость. Старый Эдди замер в своём кресле, он летал с Хватом без малого десять лет и знал, что предвещает такой взгляд. Обычно так капитан смотрел на человека за минуту до того, как его убить, казалось, он раздумывает, как тот будет выглядеть, когда станет покойником.

— Д-давай, — запинаясь, сказал старик. — Лучше уж от т-твоей руки.

В кресле второго пилота шумно заворочался Полчерепа. Кресло с трудом вмещало его двухметровую тушу. Грубое асимметричное лицо с кривым, свёрнутым на сторону носом и молотообразным подбородком утратило выражение обычного простодушного уродства и стало свирепым. Метровые плечи распрямились, и казалось, сейчас разорвут пристяжные ремни. Гигант повернул массивную лобастую башку влево и преданно уставился на Хвата. Левая половина черепа была у него тщательно выбрита, правую, снесённую в драке залихватским ударом тесака, заменяла титановая пластина. За операцию Хват заплатил огромные деньги, фактически он вытащил Полчерепа с того света, и тот был предан ему слепо, без рассуждений и раздумий, по-собачьи.

Майк Гелприн родился 05.08.1961 в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), Россия. Окончил Ленинградский политехнический институт в 1984 г. по специальности инженер-гидротехник. В 1994 г. переехал на постоянное место жительства в Нью-Йорк, США. Сменил множество работ и профессий. Основная деятельность — профессиональный игрок в азартные игры (advanced gambler). Начал писать в июле 2006 года в жанрах фантастики и нереалистической прозы. Участвовал в различных сетевых литературных конкурсах, в нескольких победил или занял призовые места.

Хват вскинул руку в предупреждающем жесте, и Полчерепа застыл на месте. Лицо сбросило выражение свирепости, вновь превратившись в туповатую уродливую маску.

— Прости, — хрипло сказал Хват Старому Эдди. — Ты правильно подумал, я на секунду потерял голову и чуть было не поднял на тебя руку. Ладно, прости, — повторил он. — В общем, так. Мы отрываемся, готовься к прыжку.

— Ты хочешь сказать... — Старый Эдди резко подался вперёд и уставился на капитана.

— Я уже сказал. Давай, действуй, чёрт нас всех побереи. Уходим в спонтанный прыжок.

— Это верная смерть, Хват, ты это знаешь не хуже меня. Ни один из тех, кто ушёл в спонтанный прыжок, не вернулся. Мы можем сдаться. Нам троим наверняка гнить в тюрьме до конца жизни, но вот доктор, — Эдди кивнул в сторону последнего члена экипажа, — он, конечно, огребёт срок, но небольшой, и когда-нибудь выйдет.

— Хочешь сдаться, Лекарь? — Хват повернулся к совсем ещё молодому парню, занимавшему кресло в дальнем конце рубки. — Старик дело говорит: ты с нами недолго, можешь отделаться десяти-пятнадцатью годами. А там, глядишь, и выйдешь по амнистии. Ну, говори быстро, времени подтирать друг другу соплю у нас нет.

— Я как все, — после короткой паузы проговорил Лекарь. Стройный, почти сублинный, он казался в этой компании инородным элементом. Парня била дрожь, в растерянных близоруких глазах метался неприкрытый страх, казалось, он сейчас заплачет или разразится истерикой. — Как все, — повторил, почти прошептал, Лекарь.

— «Как все», — передразнил Хват. — Связался чёрт с младенцем, не хотел же я тебя брать, не место тебе среди таких, как мы. Делал бы тайком свои аборты. Ладно, чего уж тут. Ты готов, старик?

Эдди кивнул.

— Мне надо десять, от силы двенадцать минут. Подумай ещё раз, Хват — ведь это верная смерть. Если не воткнёмся во что-нибудь и не сдохнем от перегрузки, то очнёмся где-нибудь у чёрта в заднице. Возврата в обитаемую часть галактики оттуда не будет, там все и загнёмся, только загибаться придётся медленно. И, наверное, мучительно.

— Что ж, значит, помучаемся, — сказал Хват и внезапно расхохотался. Полчерепа, открыв от недоумения рот, уставился на него и вдруг захохотал сам или, скорее, захихикал с тонкими повизгиваниями и всхлипами.

— Помучаемся, — давясь, выговорил он. — Ёы-гы-гы, точняк, ребята, помучаемся, такая мать на хрен. Эй ты, красавчик, ты тоже не прочь помучиться, а? Покривляться в руках у костлявой. И ты тоже небось не прочь, старая падала, а? Нет, ну смешно, скажи, Хват, ведь смешно, правда, Хват?

Капитан резко оборвал смех, и в следующую секунду как по команде заткнулся Полчерепа.

— Давай, старина, — коротко бросил Хват.

Старый Эдди грохнул кулаками по панели, его пальцы вновь забегали по клавиатуре. И когда на мониторе появилась надпись «Введите координаты», Эдди вбил в панель клавишу с изображённой на ней горизонтальной восьмёркой. Монитор мигнул. «Подтвердите случайный выбор координат», — зажглась надпись на нём. Пилот выдохнул и повернул голову к капитану.

— Давай! — проревел Хват.

Эдди саданул кулаком по кнопке подтверждения. Корабль вздрогнул, потом задрожал всем корпусом, и в следующий момент на команду обрушилась начальная перегрузка. «Синяя птица» рванулась в пространство, перегрузка начала стремительно нарастать, вдавливая тела экипажа в кресла, вбивая им обратно в глотки рвущиеся из них хрипы и стоны. Когда она достигла десятикратной, Эдди потерял сознание. За ним один за другим перестали воспринимать действительность остальные.

Хват пришёл в себя первым. Несколько секунд ушло на попытки сфокусировать сознание. Когда это, наконец, удалось, первые радостные мысли о том, что он жив, немедленно сменились гораздо менее оптимистичными.

— Множественные повреждения корпуса, — бесстрастно вещал механический голос, сопровождаемый вспышками аварийного освещения и прерываемый пронзительными раскатами зуммера общей тревоги. — Разгерметизация секторов два, три, четы... Состояние маршевых двигателей — аварийное. Состояние отражателя — аварийное. Состояние систем регенерации и очистки — ава... Уровень радиации во внутренних помещениях впятеро превышает нор... Экипажу рекомендуется срочно покинуть корабль. Повторяю: экипажу реко...

Усилием воли Хват подтянулся на подлокотниках, расстегнул ремни и, преодолевая боль, встал. Искусственная гравитация, по крайней мере, работала, и, с трудом сдержав стон, Хват двинулся к Полчерепа. Струйка крови стекала у того изо рта на подбородок, но гигант явно был жив: он тяжело и натужно дышал, натягивая на вздохе пристяжные ремни бочкообразной грудью. Хват обернулся к пилоту. Эдди обмяк на ремнях, руки бессильно свисали вниз, голова безжизненно моталась на тощей стариковской шее. Позабыв о боли, Хват рванулся к нему, схватил за запястье и принялся нащупывать пульс.

«Только не Эдди, — лихорадочно думал он. — Кто угодно, только не Эдди. Со стариком у нас ещё есть шанс, а без него все мы всё равно что покойники».

— Где мы? — голос Лекаря сзади прозвучал жалобно и нелепо.

— У чёрта в жопе, — определил местонахождение команды Хват. В этот момент ему удалось нащупать у старика пульс, и он едва сдержал радостный вопль. — Вставай, — заорал он через плечо Лекарю. — Растолкай Пола. Эдди жив, пусть поможет привести его в

чувство. И вырубите уже долбаный матюгальник, будь он проклят.

Не прошло и часа, как столпившаяся за спиной у пилота команда выслушала приговор.

— Приборы не узнают звёздного неба, — устало сказал Старый Эдди. — Так что, похоже, это не наша галактика. В лучшем случае — какой-то богом забытый рукав нашей, но особой разницы нет. Обратно нам не вернуться, парни. Даже если бы лоханка была в порядке, а она, считайте — просто начинённое железом корыто. Двигателям хана. Резервный вроде в относительном порядке, но на нём далеко не уедешь. Да и недалеко тоже. Ну, а самое радостное, что мы практически замурованы в рубке. Вылезти из неё можно только через аварийный выход, наружу, на свежий вакуум. А выйдешь вовнутрь — огребёшь по самые бакенбарды рентгенов. Да и бессмысленно это — там всё покорёжено, сплюснуто, двери и шлюзы наверняка заклинены. До жратвы нам не добраться однозначно, до оружия тоже.

— Да кому оно теперь нужно, оружие, — истерически выкрикнул Лекарь. — Какое оружие к хренам? Друг с другом воевать, что ли, или застрелиться?

— Заткни его, Пол, — коротко бросил Хват, и Полчерепа без замаха ткнул парня кулаком в солнечное сплетение. Слабого по меркам гиганта удара хватило. Лекарь согнулся пополам и схватился за живот, судорожно пытаясь втянуть в себя воздух.

— Ещё одна истерика — грохну, — хладнокровно сказал Хват. — Так что с оружием, Эд?

— Что сказал — про оружие можно забыть. А жаль.

— Давай, не тяни комету за хвост. Зачем нам в этой ситуации оружие?

— Да затем, что мы в системе какой-то заваливающей звезды, и нас потихоньку к ней сносит. Сам с трудом в это верю, вероятность была меньше одного процента. Да какое, к чёрту, меньше — она была почти нулевая. Но, тем не менее, звезда — вот она. А у звёзд, как известно, бывают планеты.

— Ты что, нашёл планеты, старик? — встrepенулся Хват.

— Нашёл. Целый десяток планет, но не спешу радоваться. Садиться нам придётся наугад, и если окажется, что планета для человека непригодна, там мы и сдохнем, причём очень быстро — выйти обратно из атмосферы на одном резервном ни за что не удастся. Да и сесть вполне может не удалиться, маневренность у нас никакая. Можем просто грохнуться. А если и сядем, то никакой гарантии, что сумеем выйти наружу — там вполне может оказаться непригодная атмосфера.

— Так что ты предлагаешь? — встрял Полчерепа. — Заладил: грохнемся, сдохнем, непригодная... Здесь-то мы точно скоро сдохнем.

— И даже раньше, чем ты думаешь, — Старый Эдди ухмыльнулся и сплюнул на пол. — У нас пара часов, чтобы принять решение, не больше. В корыте утечка, а рубка хоть и герметична, но не идеально. Это во-первых. А во-вторых, что-то мне подсказывает, что утечка может довольно скоро превратиться в нечто

большее. Такое понятие, как критическая масса, вам, господа хорошие, ни о чём не говорит? Что-то слышали, да? Счастливчики. В общем, так, парни, подходящих планет две, обе, как говорили в старину, земного типа. Ну что, монетку бросим или карту кинем на красное-чёрное?

— Ни то, ни другое, — жёстко сказал Хват. — Попросто садимся на ту, что ближе.

— Легко сказать, — проворчал Эдди. — Да успокойте этого сопляка! — заорал он внезапно. — Достали его охи да стоны. Давайте, занимайте свои места, джентльмены, спускаемся к чёрту в гости.

Почти десять часов Хват гнал команду прочь от корабля, позволив за всё время лишь две короткие остановки, чтобы перевести дух. Редкий лес, посреди которого села «Синяя птица», сменился густым, а на исходе дня и вовсе превратился в труднопроходимую чащобу. Начинало смеркаться, и Хват, бросив взгляд на часы, крикнул «Стой». Через пару минут подтянулась команда. Полчерепа нёс выбившегося из сил Эдди на закорках. Лекарь, хотя и передвигался самостоятельно, заметно хромал.

— Сейчас ахнет, — сказал Хват. — Отлеталась наша птица удачи.

О взрыве предупредил центральный компьютер, тот самый голос, который Хват велел отключить, пренебрежительно обозвав матюгальником. На посадке, однако, Старый Эдди задействовал все оставшиеся в строю системы, и садилась «Синяя птица» под механический речитатив, обещающий взрыв центрального реактора при достижении критической массы урановой смеси в нём. Компьютер, казалось, издевался над командой. Аккомпанируя себе раздирающим барабанные перепонки зуммером общей тревоги, он бесстрастно перечислял неисправности и поломки, не забывая рекомендовать экипажу немедленно убратсья и грозя отвратительными перспективами в случае osлушания.

— Миль на тридцать отошли, — Лекарь опустился на землю и махнул рукой в сторону покинутого корабля. — Хорошо, ветер от нас, а то уже скоро помокли бы под радиоактивным дождиком. Как там старик, Пол?

— Очухивается. Старый пень ещё нас всех переживёт, — хохотнул Полчерепа и бережно положил Эдди на землю. — Чего делать будем, Хват? — повернулся он к капитану.

— Так, — Хват вздохнул и огляделся по сторонам. — Надо разжечь костёр, а то ночью вполне могут появиться местные зверушки. Хотя бывают такие, что никакой костёр не поможет. Ладно, Пол, займись хворостом, тут его навалом. Жрать нечего, но до завтра потерпим, а там что-нибудь сообразим. Ночью будем дежурить по очереди, и если кто заснёт, пусть лучше перед сном помолится.

«Синяя птица» взорвалась, когда костёр ещё только начал разгораться. Хват снял с пояса фляжку и пустил по кругу.

— Мне не было ещё двадцати, — задумчиво сказал он, — когда нам достался этот корабль. — В отблесках первых языков пламени узкое с резкими чертами лицо Хвата казалось особенно опасным и хищным. — Я только начинал тогда и летал с Ржавым Эриком...

Хват никогда не рассказывал о своём прошлом, и теперь, несмотря на то, что команду заботили вещи поважнее воспоминаний, все трое молча придвинулись и приготовились слушать.

— Тот ещё парень был этот Ржавый, — продолжил Хват. — Для него завалить человека было легче, чем помочиться. И парней он не ценил, не берёг людей. Вот и кончил плохо.

— Слышь, Хват, говорят, что... — Полчерепа осторожно посмотрел на капитана. — В общем, это...

— Ну, — усмехнулся Хват, — договаривай. Что, опасешься? Можешь не бояться, мы не в том положении, чтобы держать языки на привязи. Нам много чего предстоит друг другу сказать, парни, и не особо стесняться, если хотим выжить. Ладно, это я сделал Эрика, ты ведь это хотел спросить? Он к тому времени всех достал, и ребята давно примеривались, только духу никому не хватило. Вот я его и сделал. Ножом в спиняку, если это тебя интересует, исподтишка, под левую лопатку, он лишь раз дёрнулся и сразу отошёл. А знаете, почему?

— Что почему? Почему в спину или почему именно ты? — подал голос Лекарь.

— И то, и другое.

— Ну? Почему же?

— Я с детства знал, что люди бывают трёх сортов. Бывают лохи, и бывают крутые. А бывают между ними так, не определившиеся — прослойка. Лохов большинство, это овцы, жертвы, их доят, стригут и режут. Они лишь думают, что решают что-то в своей жизни, но это только иллюзия, а на самом деле за них всё уже решено крутыми. Но крутых очень мало, тех, за кого никто не решает, тех, кто решает сам за себя и за других. И для того, чтобы стать крутым, надо сделать две вещи — покинуть стадо лохов и пробиться через прослойку. И тогда, если ты справишься с этим, то наверняка окажешься один на один с другим крутым, тем, кто проделал те же самые вещи до тебя. И тут или ты его, и при этом все средства хороши. Или он тебя, а у него в зажиме средств побольше твоего, тех самых поганых навыков и приёмов, которые и сделали его крутым.

— Ты хочешь сказать... — еле слышно произнёс Лекарь. Он ошеломлённо глядел на Хвата. — Ты что же, хочешь сказать?..

— Я уже сказал. Надо быть крутым, понятно? И тогда ты будешь решать за своих лохов. Вот мы сейчас в глубокой заднице, мы потеряли крутость. И если не станем крутыми снова, то нам хана, мы все здесь подохнем. Но будьте уверены, я сделаю всё для того, чтобы этого не случилось. Мы будем идти, пока не найдём лохов. И тогда снова станем крутыми. Всем понятно?

— Понятно, — насмешливо протянул Старый Эдди. — Только я ведь не дойду, Хват. И придётся вам искать своих лохов без меня.

— Ты дойдёшь. Пол понесёт тебя, пока при силах.

— Да? Ещё пара дней без жратвы, и нести надо будет самого Пола. Что тогда?

— Тогда и будем решать. А пока что, господа бывшие крутые — выкладывайте, что у кого есть. Сейчас каждая булавка на счету и может решить, подышать нам здесь или нет.

Итоги осмотра личного имущества оптимизма команде не прибавили. Старомодный револьвер Эдди оружием мог считаться лишь условно. У остальных огнестрельного вовсе не оказалось.

— Скальпель есть, — смущённо сказал Лекарь. — Ну, и слабительное в аптечке, вот и весь мой арсенал.

— Ничего, — подвёл итоги Хват. — У нас пока что есть мы. Я не променял бы Пола и на сотню стрелялок. Всё, парни, спать. Первым буду дежурить я. Эдди, ты следующий, я разбужу тебя через три часа. Хотя кто знает, сколько длится здесь ночь. Хорошо, воя не слышать, возможно, в лесу зверюшек не так много, как могло оказаться.

Будить Эдди Хвату не пришлось. Не прошло и полчаса после начала ночного дежурства, как на горло ему упала верёвочная петля. В следующий момент верёвку рванули, петля затянулась, и Хвата поволокло по земле.

— Подъём! — сумел выкрикнуть он, но исполнить команду никто не успел. Через пару минут всех четверых уже посадили на землю спинами к угасающему костру, с верёвочными петлями на шеях и намертво связанными руками.

— Тебе не кажется, капитан, что наши лохи сами нас нашли? — язвительно спросил Старый Эдди.

Хват не ответил. Он заворожено смотрел на приближающихся к ним людей. Их было не меньше дюжины, и каждый держал в руке факел. Хват поймал себя на мысли, что ничего более нелепого в жизни не видел. Одеты люди были в звериные шкуры, вооружены дубинками и кольями, и в то же время на запястье переднего Хват разглядел часы, у следующего на груди болтался бинокль, а третий вообще отошёл в сторону и теперь деловито нацеливал на пленных громоздкую допотопную кинокамеру. Но самое удивительное было не в этом — каждый абориген носил на шее ожерелье, и в свете факелов камни на этих ожерельях отбрасывали пронзительные отблески, освещающие окрестности не хуже самих факелов.

— Бриллианты, — ошеломлённо прошептал Полчерепа. — Клянусь жизнью, это же брюлики, их ни с чем не спутаешь.

Абориген, шедший первым, поднял вверх руку. Остальные остановились, и он заговорил. После первых же слов Хват с удивлением понял, что понимает, о чём речь: одетый в шкуры абориген говорил на галакте.

— Сыны Каина, — сказал он, — можете не бояться, мы не причиним вам вреда, хотя признаюсь, у меня сильное искушение немедленно вас умертвить. Вас

отведут в Джонсвилль, и там старейшины будут говорить с вами. Они и решат дальнейшую вашу судьбу.

— Вы принимаете нас за кого-то другого, — быстро заговорил Хват. — Я не знаю никакого Каина. И сыновей его не знаю тоже, я и мои друзья не имеют к этим сыновьям никакого отношения. Мы мирные торговцы, попавшие в беду, наш корабль погиб, и у нас ничего не осталось. Мы не знаем ни названия вашей планеты, ни её координат. И мы надеялись на ваше гостеприимство, ведь законы гостеприимства — общечеловеческие. А вместо этого ты грозишься нас убить. Разве...

— Довольно, — резко оборвал абориген. — Сыны Каина коварны, и я не знаю, правду ли ты говоришь. Вставайте, мы выступаем немедленно и к утру будем в Джонсвилле. Там выяснят, кто вы такие на самом деле.

Джонсвиллем оказался посёлок, также нелепо сочетавший черты множества эпох от каменного века до современности, как и его обитатели. Дома в Джонсвилле сплошь были деревянными, приземистыми, одноэтажными, некоторые казались заброшенными. По узким кривым улочкам между домами бродили куры и свиньи. Население высыпало встречать процессию, и Хват в очередной раз подивился виду аборигенов. Среди мужчин попадались и замотанные в шкуры, и одетые в подержанные тряпки: выдавшие виды пиджаки, камзолы и балахоны. Немыслимых расцветок брюки, панталоны, рейтузы, шаровары и шорты прикрывали ноги. Девушки и женщины щеголяли в платьях, ещё более несуразных цветов и фасонов. А большинство детей не утруждали себя одеждой как таковой, лишь у некоторых низ живота прикрывала набедренная повязка. Однако все поголовно были обильно украшены камнями: алмазы носили на шеях, запястьях, щиколотках, на пальцах, в ушах и носках.

Всего по прикидкам Хвата Джонсвилль насчитывал около тысячи обитателей.

— Н-да, не хотел бы я жить в такой помойке, — пробормотал Лекарь.

— Скажи спасибо, если тебе позволят в ней жить, — осадил его Старый Эдди. — Подыхать в такой помойке — вот чего надо бояться. А вполне может статься, что...

— Да лучше уж сдохнуть, — пробрюзжал Лекарь. — Ну и вонища от этой развалюхи. Что там у них, скотный двор, что ли? Впрочем, тут каждый двор смахивает на скотный.

— Вот это да! — вырвалось у Хвата, и спорщики мгновенно затихли. Посёлок кончился, сразу за ним влево вдаль до самого горизонта уходили поля. На них тут и там пятнами чернели остовы сельскохозяйственных машин. Вдали пасся скот. Но Хвата поразило не это. По правую сторону и также к горизонту уходила ровная бетонированная площадка. И на её краю высился, отливая чёрным тонированным блеском, огромный параллелепипед — вполне современное здание, конгломерат искусно сопряжённых металлов, пластика, бетона и стекла.

— Что, сыны Каина, немного промахнулись мимо космодрома? — послышался язвительный голос сзади. Пленники разом обернулись, к ним приближалась процессия, даже издали казавшаяся внушительной. Возглавлял её седой старик с сухим плоским лицом, одетый в пиджачную пару, правда, изрядно поношенную, и при галстуке. За ним следовал ещё десяток стариков, неулыбчивых, суровых и одетых более-менее пристойно, по крайней мере, по сравнению с остальными аборигенами.

— Развяжите им руки, — велел плосколицый, подойдя ближе и взглядевшись в пленников. — Я вижу, что это не семья Каина, — добавил он устало. — Это птицы из другого гнезда и к нам залетели случайно. Кто вы, добрые люди? — спросил он, обращаясь к шагнувшему вперёд Хвату.

— Мы торговцы и сюда действительно попали случайно, — ответил Хват. — Меня зовут Ник, а это мои друзья: Пол, Ричард и Эдди.

— Я — Джоэл Джонс, мэр этого поселения, — представился старик. — За моей спиной совет старейшин, двенадцать человек вместе со мной. Позже они назовут свои имена. Но где же ваши товары, торговцы? Мы видели корабль, когда он пролетал над посёлком. Он не похож на торговые корабли, хотя, признаюсь, мы видели только те, что принадлежали сыновьям Каина. И что с вашим кораблём, кстати?

— Корабль взорвался, — сказал Хват. — У нас было и торговое судно, — соврал он, — но его захватили пираты. Нас они атаквали, и Эдди, — Хват кивнул головой в сторону старого пилота, — ушёл в спонтанный прыжок. И вот мы здесь.

— Эта планета называется Джонс, всё её население носит фамилию Джонс, и Джонсвилль — единственное поселение на ней, — так начал свою речь мэр Джоэл. — Наши предки высадились здесь двести местных лет назад. Это была семья Эзры Джонса, которого мы почитаем за патриарха. Семья насчитывала около ста человек — детей и внуков его четырнадцати сыновей и дочерей. Первые поселенцы стерилизовали планету — здесь нет ядовитых растений, вредителей-насекомых и хищных зверей. Но окрестности Джонсвилля — единственное место на Джонсе, пригодное для жизни. С севера, откуда вы пришли, поселение подпирает лес, он тянется до самого океана и обрывается на его берегу. С юга, востока и запада — бесконечные пустыни. Там, в пустынях, первые поселенцы и нашли алмазы. Фактически Джонс — это безграничные и неисчерпаемые алмазные копи, уникальное место, камни попросту лежат на песке, не надо даже копать шурфы. До сих пор вам всё понятно, господа?

— Кто такие сыны Каина? — подал голос Лекарь.

— Каином звали одного из сыновей Эзры. Точно, как в доисторической легенде, он оказался предателем. Правда, он не убивал своих братьев. Каин улетел на единственном космическом корабле, чтобы продать алмазы. Он должен был вернуться с купленными на вырученные деньги материалами, машинами

и с флотилией кораблей. Каин увозил десятки тысяч алмазов — всё собранное поселенцами за двадцать лет пребывания на планете. Но вернулся он лишь с оружием и бандой негодяев на борту — его многочисленным потомством. Они потребовали новой партии алмазов, а расплатились за неё ничего не стоящим барахлом. Они угрожали оружием и убивали непокорных, своих двоюродных братьев и сестёр. С тех пор так и повелось: сыновья Каина прилетают на Джонс раз в двадцать лет — со сменой очередного поколения. Они забирают алмазы, а взамен отдают негодные тряпки, дешёвые безделушки и примитивные машины, постоянно ломающиеся и разваливающиеся на ходу.

— И что, к машинам нет запчастей? — прервал Джоэла Старый Эдди.

— Есть — части от старых машин, тех, что сыновья Каина привозили в прошлые визиты. Вон тот бетонный ангар сплошь забит негодной техникой.

— Так в чём же дело?

— Среди нас нет механиков, нет людей, разбирающихся в технике. Сыны Каина боятся, что мы окажем сопротивление или просто сможем обойтись без них. Поэтому они тщательно заботятся о том, чтобы население Джонса в них нуждалось. За двести лет мы деградировали, среди нас почти нет грамотных, не говоря уже о ремесленниках — их тоже нет, умения потерялись и забылись с годами.

— Так чем же вы здесь занимаетесь? — угрюмо спросил Хват.

— Мы просто живём. Выживаем. Плодимся. Работаем на полях, пасём скот, разводим птицу. И ждём очередного прилёта мерзавцев, которые нас ограбят.

— И когда он ожидается, этот прилёт? — спросил Хват. Он почувствовал, как рядом напрягся Лекарь, прерывисто задышал Старый Эдди, сжал кулачищи Полчерепа.

— Вам не повезло, Ник, — насмешливо сказал Джоэл. — Может статься, не все из вас доживут до счастливого дня, когда смогут лицезреть сучьих детей. Они были здесь в прошлом году, так что ждать их надо лет через двадцать.

Их отвели в нежилой, с заколоченными окнами покосившийся дом, накормили и оставили одних.

— Так что же делать, Хват? — уныло спросил Полчерепа. Он, казалось, уменьшился в размерах и стал похож на большого обиженного ребёнка. — Мы нашли лохов, ты ведь так говорил. Но что нам с ними теперь делать?

Хват поднялся с ветхой скрипучей табуретки и уходил по комнате.

— Ничего не делать, — сжав зубы, сказал Хват. — Жить. И ждать наших.

— наших, — протянул Старый Эдди. — Я не дотяну. Да и вам будет столько, сколько мне сейчас, когда прилетят наши. И что — они захотят взять вас в долю? Как же, держите карманы пошире. — Эдди рассмеялся. — «Наши», — передразнил он Хвата, — нет, ну мы влипли, парни. Я с того света посмотрю, как обрадуются вам «наши».

— Заткнись, — коротко бросил Хват. — Джентльмены удачи всегда узнают друг друга. Узнают и нас, мы ещё побарахтаемся. Пригоршня этих камешков, и мы сможем провести остаток своих дней где-нибудь на берегу моря, среди пальм, кораллов и молодых девок.

— Да, как же, нужны тебе будут девки, — вздохнул Эдди. — Ладно, ты босс, тебе виднее. Идти нам всё равно некуда. Значит, придётся приспособливаться.

— Приспособимся, — угрюмо сказал Хват. — Ещё как приспособимся. И дождёмся. Двадцать лет — значит, двадцать. Да и кто сказал, что целых двадцать? Возможно, наши появятся здесь и раньше.

Первые дни из дома почти не выходили. Местные приносили еду, несколько раз заходили старейшины, осторожно спрашивали о планах. Хват отмалчивался, ссылаясь на то, что надо осмотреться.

На десятый день Хват вышел из дома затемно и отправился к космодрому осмотреть ангар. Внезапно путь ему преградили шестеро. Хват узнал двоих из тех, кто встречал команду в лесу.

— Чего надо? — спросил он небрежно. Страху не было, хотя то, что сейчас произойдёт, он знал наверняка.

— Нам ничего не надо, — сказал, отделившись от группы, высокий мускулистый парень. — Кроме одного — чтобы вы убрались отсюда. Нам здесь не нужны чужаки, сами еле живы и кормить лишние рты не собираемся. Тебе понятно?

— Понятно, — сказал Хват и, крутанувшись на месте, ударил парня ногой в живот.

Полчерепа как раз размышлял над тем, что надо бы пойти посмотреть, куда делся капитан, когда дверь дома распахнулась и внутрь ворвалась стройная смуглая девушка.

— Ты кто? — опешил Полчерепа. Девушка показала ему очень красивой.

— Я Эмми, но это неважно. Там, — девушка махнула рукой в сторону, куда ушёл Хват.

Полчерепа не надо было объяснять, что «там». Он выскочил из дома и гигантскими прыжками понёсся по направлению к космодрому.

На следующий день у Лекаря появилось семеро пациентов. Ходячим из них оказался лишь один Хват, который заставлял себя передвигаться, несмотря на боль в переломанных рёбрах.

Ещё через несколько дней в доме Чарли Джонса случился пожар. Команда чужаков подросла, когда дом уже вовсю горел. Люди подбегали, с размаху выплёскивали в огонь воду из ведер, но видно было, что пожар уже не остановить.

— Люди, в доме остались люди! — внезапно услышал Хват. Памела Джонс, жена Чарли, заламывая руки, металась среди толпы. — Там моя мама, она не может ходить. Да сделайте же что-нибудь, умоляю!

В экстренных случаях Хват привык действовать мгновенно, он не принимал решений, решения сами приходили к нему. Хват с ходу упал на колени.

— Лей! — заорал он, и Старый Эдди, вырвав ведро с водой из рук ближайшего человека, с размаху опрокинул его на Хвата. Ещё через секунду Хват вскочил и, вышибив с разбегу горящую входную дверь, ввалился вовнутрь.

— Лей! — взревел Полчерепа. Он упал на колени на то место, где только что стоял на коленях Хват. Одно за другим Эдди и Лекарь опрокинули на него три ведра воды, и Полчерепа исчез в дверях вслед за капитаном. Несколько мгновений спустя он появился опять, но лишь для того, чтобы сбросить на руки подбежавшему Лекарю заходящегося кашлем полузадохнувшегося в дыму Хвата. Затем Полчерепа вновь нырнул в огонь и через минуту вывалился наружу, вытащив на плечах потерявшую сознание старуху. На этот раз тремя ведрами не обошлось — на гиганта лили воду, пока от заменяющей правую половину черепа титановой пластины не перестал валить пар.

Ещё недавно, скажи кто-нибудь Хвату, что он способен нырнуть в огонь, чтобы вытащить оттуда неведомую старуху, Хват бы решил, что собеседник спятил. Сейчас же, едва придя в себя, он задумался. Ему и раньше приходилось принимать быстрые решения, и каждый раз позже выяснялось, что решения оказывались верными. Однако в правильности последнего он сомневался.

«Авторитет зарабатываю, — пришёл, наконец, к выводу Хват. — Только что-то дороговато выходит».

Авторитет чужаков, после драки и так значительный, после пожара действительно вырос ещё больше, а вскоре стал непрерываемым.

Хват познакомился с Салли, внучкой старейшины Сэмюэла Джонса, на празднике в честь новоприбывших. Девушка сидела по правую руку от него и то и дело как бы невзначай слегка касалась грудью предплечья. Празднество затеяли после того, как в дом мэра Джоэла, сыпля проклятиями и сквернословия, ввалился Старый Эдди и сунул опешившему мэру в руки провод с примотанной к его концу электрической лампочкой. До этого Эдди неделю не вылезал из ветхого сарая, где ржавел не работающий последние двести лет общественный генератор. Назвав на прощание Джонсвилль отхожим местом, Эдди пнул ногой входную дверь и убрался, оставив мэра стоять с открытым от изумления ртом. Закрывать его мэра и вовсе позабыл, потому что через минуту после исчезновения старого грубияна лампочка вдруг загорелась.

— Скажите, господин Ник, вы ведь побывали во многих местах? — спросила Салли и, покраснев, прыснула в кулак. — А как на других планетах ухаживают за девушками?

— Как ухаживают? — ошалело переспросил Хват, опыт которого по этой части ограничивался элитными борделями на Афродите и Эроте. — Ну, там, цветы дарят, цацки, то есть я хотел сказать — украшения. Стихи читают.

— А вы почитаете мне стихи?

— Стихи? М-м... Да вообще-то я... — Хвата спасло появления Полчерепа. Гигант сиял, рядом с ним, едва

доставая ему до плеча, шла девушка, которую любой бы назвал не просто красивой, а настоящей красавицей.

— Это Эмми, — представил спутницу Полчерепа, и его грубое лицо вдруг расплылось в улыбке. — У Эмми появилась идея, Хва... я хотел сказать — Ник. Она считает, что нам в самую пору пожениться. И я прикинул хрен к носу, почему бы и нет? Ты как думаешь, Ник, а?

— Вот же болван, — в сердцах выдохнул Хват, — ну и бестолочь, неужто об этом надо спрашивать меня?

— А кого же мне спрашивать? — удивился Полчерепа. — Не Эдди же, пня старого.

— Господин Ник, — послышался голос Салли справа. — Вы не находите, что у Эмми потрясающая идея?

— Да, — промямлил Хват, — я, некоторым образом, нахожу. — Он вдруг осознал, что краснеет. — Гадом буду, то есть, я хотел сказать...

— А у меня ещё лучшая, — прошептала ему на ухо Салли. — Я думаю, у нас с вами получатся прекрасные дети.

— Я, кажется, понял, как на Джонсе ухаживают за девушками, — оторопело сказал Хват, — Особенно за теми, которые лет на тридцать младше ухажёров.

Господин главный строитель Ник Джонс (не пожелав оказаться в Джонсвилле белой вороной, Хват решил взять фамилию жены) возвращался домой поздно вечером. Весь день он отбратчил, разрываясь между строительством водопровода и общественного свиарника. При появлении отца шесть девочек хором встали из-за стола. Кроме младшей, трёхмесячной Линды, которую Салли держала на руках.

— Ник, у Маргарет неприятности, — сказала Салли после того, как Хват, обойдя дочек и по очереди поцеловав каждую, уселся на своё место рядом с женой. — Этот задира и драчун Джек, он пристаёт к ней в школе, просто проходу не даёт.

— Что значит не даёт проходу? — Хват повернулся к старшей дочери, двенадцатилетней Маргарет. Та немедленно потупилась и опустила голову.

— Влюбился, — подсказала десятилетняя Вики. — Я слышала, как он хвастался Баду, старшему сыну дяди Ричарда, что женится на нашей Маргарет. Он, мол, уже говорил с отцом, тот не против.

— Это в каком смысле не против!? — грохнул кулаком по столу Хват. Верзила Джек в свои неполные тринадцать уже почти догнал ростом отца и помогал тому в кузнице после школы. Полчерепа души не чаял в первенце, как, впрочем, и в остальных четырёх сыновьях. У него, в отличие от Хвата, рождались только мальчики. — Он же ещё щенок, — бушевал Хват, — какая, к чертям, свадьба! Ничего, я завтра поговорю с Полом, не против он, видите ли. Ну да, он всегда был туповат.

— Ник, мне было всего четырнадцать, когда мы поженились, — робко напомнила Салли.

— Мы другое дело, — категорично отрезал Хват. — Надо же такое придумать. Маргарет ведь ещё ребёнок.

На следующее утро Хват поднялся затемно и отправился в кузницу. Полчерепа, впрочем, вставал с петухами и уже раздувал горн. Трое подмастерьев ему помогали.

— Совсем задрал старый пень, — приветствовал гостя Полчерепа, пожимая ему руку. — Торчит целый день у себя в мастерской, то ему одно подавай, то другое. Трактор у него, видите ли, сломался, можно подумать, в Джонсвилле это единственный трактор.

Старый Эдди действительно жил у себя в мастерской, огороженной части ангара на краю космодрома. Ходить он уже не мог и разъезжал в лично сконструированном кресле на колёсах, браня учеников и следя за тем, чтобы те не отлынивали. Стараниями Эдди в поселении появились работающие трактора, комбайны и сенокосилки. А год назад, рыча, пыхтя и чихая, на улицы Джонсвилля выполз страшный урод, собранный из частей вышедших из строя древних машин — первый в поселении десятитонный гусеничный тягач на солнечных батареях. С его помощью Хвату удалось, наконец, достроить школу, исполняющую одновременно функции больницы и поликлиники. В части, отведённой для занятий, зверствовал и школил учеников господин учитель Ричард Джонс, бывший криминальный медик по кличке Лекарь. После занятий он же врачевал население, сопровождаемый стайкой студентов из закончивших школу и не боящихся крови бывших его же учеников. С появлением Лекаря детская смертность в Джонсвилле упала почти до нуля. Сократилась и смертность среди взрослых, в основном, за счёт операций по удалению аппендицита, от воспаления которого до сих пор умирал едва ли не каждый третий. Лекарь женился на младшей сестре Салли год спустя после свадьбы Хвата. По количеству детей он давно обогнал свояка — миниатюрная задорная Дженни родила ему одного за другим десять отпрысков обоих полов и сейчас вновь ходила беременная.

— Ты вот что, Пол, — сказал главный строитель главному кузнецу. — До меня тут слухи дошли насчёт твоего парня. Якобы он...

— А что? — удивился Полчерепа. — Мы с Эмми только за, да и твоя Салли тоже. Эмми с ней уже говорила, ты не знаешь, что ли? Джеку почти тринадцать, он будет в самом расцвете, когда прилетят наши. Он...

- Слушай, тебе не надоело? — прервал Хват.
- Что не надоело?
- Называть это дерьмо нашими.

Свадьбу Вики и Бада, старшего сына Лекаря, пришлось отложить. Накануне, не дождавшись всего один день, скончался мэр Джонсвилля Старый Эдди, годом раньше сменивший на этом посту решившего уйти на покой Джоэла.

На могиле новый мэр поселения Ричард Джонс произнёс речь.

— Эд был верным другом и надёжным товарищем, — говорил Лекарь. Слезы текли по щекам его

благообразного лица, до сих пор сохранившего следы белой юношеской красоты.

— Он был добрым человеком, — сказал Джоэл Джонс. — Со времён первых поселенцев никто не сделал для людей больше, чем он.

Хват молчал. Он держал на руках годовалого Ника. Салли, наконец, родила ему сына после семерых дочерей. Рядом шумно дышал и шмыгал носом Полчерепа. Хват обернулся к гиганту и сразу же отвернул голову. Он мог поклясться, что видел в глазах Пола слёзы.

— Эдди был крутым, — хрипло сказал Хват. — Он всегда был крутым, может быть, самым крутым из нас.

Старый Николас Джонс, принявший на себя должность командира регулярной армии Джонсвилля и звание полковника, объявил военное положение за два года до предполагаемой даты прилёта сыновей Каина. Теперь всё время господин полковник проводил на учениях, беспощадно гоня солдат в затяжные кроссы и тренировочные сабельные атаки.

Начальник штаба регулярной армии майор Пол Джонс проявил приобретённый с годами скептицизм.

— Не получится у нас, Хват, — говорил господин майор господину полковнику. — Стопорами да саблями на бластеры и игломёты. Погубим парней и сами здесь поляжем.

— Сабельная атака — крайний случай, — задумчиво пояснил старый полковник. — Не будет атаки, Пол. Всё решится по-другому, мы или сумеем договориться с этими ублюдками и навязать им свои условия, или нет.

— А если нет? — Полчерепа смотрел на Хвата упор. — Что будет, если не договоримся, Ник, и условия наших не примут?

— Тогда окажется, что они круче нас. А раз так, то они нас будут доить и резать, а не мы их. Но этому не бывать. Я много думал последние годы, Пол, и понял одну вещь. Чтобы стать крутым, не обязательно быть преступником и злодеем. Настоящая крутость не в этом. Да, надо быть жёстким, не бояться крови и острых решений. Не дрожать за свою задницу и быть готовым сдохнуть в любой момент, но сдохнуть не за просто так.

— За что же тогда?

— За своих. За то, чтобы сюда прилетали наши с тобой дети, а не Каина. И везли с собой не старую рухлядь, а последние достижения цивилизации. Для других наших детей, которые будут их здесь дожидаться.

Пол Джонс кивнул. Он встал и, старчески кряхтя, расстелил на столе карту Джонсвилля и окрестностей. Штаб регулярной армии приступил к разработке операции по захвату заложников.

Как не жениться на принцессе

А король: «Возьмёшь принцессу — и точка!

А не то тебя — раз, два — и в тюрьму!

Это всё ж королевская дочка!»

А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!»

В. Высоцкий

Рианлин открыл глаза, и в них тут же хлынул свет — яркий, почти нестерпимый. Но лучник не отвернулся, не заслонился рукой: для него это сияние было подобно прохладной воде для умирающего от жажды. Слишком долго он блуждал по подземным коридорам, куда никогда не проникают лучи солнца, слишком тяжёл был его путь. Он помнил, как погас последний из факелов, запасённых могучим Хлодгаром, как истаяли один за другим люминаторы, давным-давно украденные пройдохой Нимблом у какого-то колдуна, как призрачный огонь, зажжённый молодой эльфийкой Т'эанн, угас вместе с её силами. И только его глаза — глаза лучшего лучника Кальдеры, победителя Имперского турнира — по-прежнему вглядывались в темноту. Он должен был найти дорогу, должен был вывести друзей из этого лабиринта, куда их привела его безумная мечта...

И он помнил, как в самом конце непроглядная мгла сгорела в багровом пламени...

Понемногу белое сияние перестало слепить Рианлина. Лучнику показалось, что он смотрит в ясное небо, озаряемое полуденным солнцем. Вот только он никак не мог понять одного: почему небо золотое, а солнце голубое, да ещё и двоится? Должно быть, он уже мёртв и находится на небесах... В самом деле, на земле не бывает такой красоты... такого покоя... такого счастья...

— С возвращением, любимый, — услышал он ласковый голос.

И только тогда Рианлин понял, что за небо он принял пушистые золотые волосы, обрамляющие нежное лицо, а за два лазурных солнца — глаза принцессы Дженнифер.

— Ваше Высочество! — ахнул он. — Вы...

— Не называй меня так, — с улыбкой сказала она. — Разве есть в этом необходимость теперь... после того, как ты спас наше королевство? После всего... что ты сделал для меня?

— Значит, Чёрный Змей... — прошептал Рианлин.

— Да, — кивнула принцесса. — Он мёртв. Хлодгар рассказал, как ты пустил свою последнюю стрелу прямо в облако пламени, которое Змей выпустил в тебя... и та, пролетев сквозь огонь, пронзила глотку чудовища, его единственное уязвимое место! Правда, Нимбл уверял, что ты сам бросился Змею в пасть, проскользнул ему в брюхо и уже оттуда выпустил по стреле во все его три сердца, а также в печень, селезёнку и... не помню точно, что Нимбл ещё называл... Но Т'эанн сказала мне по секрету, что Нимбл в это время валялся в обмороке и ничего не мог видеть, — хихикнула Дженнифер.

Рианлин резко сел: страшная боль обожгла грудь и плечо, и ему стоило большого труда не упасть снова на подушки.

— Хлодгар, Нимбл... Т'эанн... Они все живы? С ними всё в порядке?

— Тебе рассказать, — снова улыбнулась принцесса, — или показать?

Легко ступая по мягкому ковру, Дженнифер прошла через комнату и скрылась за дубовыми дверями. Через мгновение она вернулась в сопровождении весёлого бородатого великана, ухмыляющегося узкоглазого коротышки и изящной девушки с длинными чёрными волосами, заправленными за острые уши.

— Я хотела, чтобы вы встретились на нашей свадьбе, — дрожащим от счастья голосом сказала Дженни-

Ярослав Вольпов учится на шестом курсе филологического факультета Южного федерального университета. Выбрал профессию переводчика как прикрытия для писательской деятельности. На литературном поприще пробует себя с 14 лет. Имеет публикации в литературном альманахе «Литера» и сборнике «Ростовская Лира». Вдохновителями своего творчества называет М. Булгакова, Д.Р.Р. Толкиена и Н. Васильеву.

фер, — но потом решила, что не стоит беречь всю радость для одного дня... Да, любимый, мы поженимся, как только... что?

Кровать Рианлина была пуста. Подушки в беспорядке лежали на полу, а от одного из столбов, поддерживающих балдахин, к окну тянулась верёвка из связанных простыней...

— Нет, стоп, это ерунда какая-то, — вырвалось у меня. Я перечитал последний абзац и непонимающе протёр глаза, а потом внимательно осмотрел ручку. Ни то, ни другое не помогло. С тетрадного листа на меня смотрели строчки, которые я абсолютно не собирался писать.

— Глупости, — помотал я головой и извилистой линией зачеркнул непрошенный абзац. После непродолжительного размышления та же участь постигла ещё полстраницы.

— Всё это лишнее, — буркнул я себе под нос. — Нечего им сидеть, разговоры разговаривать. Сейчас вот быстренько закруглю эпизод, и пора свадьбу описывать. И так уже неделю над этим проклятым рассказом сижу.

После чего я с ожесточением зашуршал ручкой по бумаге.

— Ваше Высочество! — ахнул он. — Вы...

— Не называй меня так, — с улыбкой сказала она. — Разве есть в этом необходимость теперь... после того, как ты спас наше королевство? После всего... что ты сделал для меня?

— Что бы я ни сделал для тебя, — медленно произнёс Рианлин, понимая, что выбрать нужные слова сейчас было куда труднее, чем сразить Змея, — всего будет недостаточно... любимая...

И тогда он почувствовал, что больше не может бороться с потоком лазурного света, льющимся из глаз Дженифер. Превозмогая боль, он приподнялся на подушках — и два солнца погасли... Ведь когда женщина смотрит на любимого, лишь одно способно заставить её закрыть глаза — поцелуй...

— Отдыхай, — шепнула принцесса, когда его губы позволили ей это. — Как только ты наберешься сил, состоится наша свадьба — и я не хочу, чтобы ты заставлял меня ждать...

— Не беспокойся, — тихо сказал Рианлин, привлекая её к себе, — у меня найдутся силы.

И с этими словами он протянул руку вверх и, ухватившись за складку балдахина, резко рванул на себя. Дженифер, так и не открывшая глаза, не поняла, что произошло, когда на неё обрушилась плотная и тяжёлая ткань. Рианлин же с удивительным для раненого человека проворством закатал принцессу в балдахин, спихнул с кровати и с криком «Свадьбы не будет!» выскочил в окно.

— Всё, ну его к чёртовой матери! — рявкнул я. — Спать пора! А то пишется бред какой-то...

Я захлопнул тетрадь, швырнул её на стопку книг, которая от этого с шелестом рассыпалась, и вышел из комнаты, яростно хлопнув дверью.

— Вот объясни мне: тебе больше делать нечего? Сколько можно меня мучить?

— Что такое? Кто ты?

— Не узнал? А надо бы. Я же этот самый, Рина... Ринлин... Тьфу! Ты сам-то это имя дурацкое выговорить можешь? Почему у тебя что ни герой, так обязательно какой-нибудь эльфийский Клин-блин?

— погоди, не кричи так. Я сплю, между прочим! И кстати, что ты делаешь в моём сне?

— Поговорить пришёл. Ты ведь меня уже который месяц изводишь. То имена даёшь, на которых язык сломать можно, то в жёны суёшь каких-то принцесс приближных...

— Эй, что значит «который месяц»? Я рассказ этот неделю назад только начал. Ну, имя твоё придумал чуть раньше...

— Конечно! «Чуть раньше!» Ты меня год назад придумал, когда свою первую сказку сочинил! Так что не лучник я, не королевский страж и не принц в изгнании, а самый обыкновенный фермер! И зовут меня не Клин-блин, а просто Джек!

— Джек?... Да-да, я помню... Но как ты оказался в этом рассказе? Я давно закончил писать про тебя. С тех пор у меня появилось много других персонажей. Я создал новых героев...

— Ха! Держи карман! Думаешь, коли назвал человека не Джеком, а каким-то там Дзын-Дзоном или Трын-Брынем, так он уже сразу и новый герой? Кабы ты и впрямь создал кого-то нового, я бы спокойно тыквы растил у себя на ферме. Так нет же! Взят меня, нарядил в чужое тряпье, окрестил по-другому и погнал подвиги геройствовать! Драконов на мясо рубить, принцесс, будь они неладны, спасать — а в конце ещё и королевство получай. Или полкоролевства, если сильно повезёт...

— Ну так и что тебе не нравится? Ведь сказки всегда заканчиваются хорошо — иначе не стоит их и писать... Даже сейчас, если бы ты не мешал мне, то уже был бы женат на прекрасной золотоволосой деве...

— Вот. Об этом-то я с тобой потолковать и хотел. Послушай, добрый человек, не жени меня на этой кукле. Видеть я уже твоих золотоволосых не могу. У меня, между прочим, на ферме невеста осталась, ждёт! Домовитая,мышлёная,расторопная — не чета твоим принцессам, которые то в обмороке лежат, то на брачном, прости господи, ложе... И в глазах только небо — нет бы хоть одна мыслишка проскользнула...

— Ты... Да как ты смеешь? Кто ты такой, чтобы критиковать мой любимый образ? Когда я описываю её, то над каждым словом думаю больше, чем над всей твоей сюжетной линией! В ней я воплотил всю красоту, которая живёт в моей душе, всё самое доброе и прекрасное! Ты должен с ума сходить от радости, что

она станет твоей женой! А она станет, не сомневайся! И вы будете счастливы и умрёте в один день!

— Ну ладно, сказочник. Только сначала поймай меня. Я от тебя раз ушёл, другой ушёл, и сколько бы ты ни тужился — всё равно уйду...

— Глупец...

— Никакой я не глупец! Я обыкновенный сказочный дурак! И коли уж ты меня таким создал, то и не взыщи...

Проснувшись, я сразу бросился к столу. Серая тетрадь выглядывала из-под рассыпавшихся книг; наспех протерев глаза, я перелистал её от конца к началу. Путешествия и приключения, леса и горы, дворцы и подземелья... И откуда-то из глубины, из тени строк на меня всё время смотрели лазурные глаза...

Пока вдруг с первой страницы мне не улыбнулся весёлый парень с растрёпанным волосами, перевязанными бечёвкой.

Казалось, это было так давно... Мой первый опыт, проба пера, набросок... С тех пор я нашёл свой стиль, создал собственный мир, населил его героями и злодеями, драконами и рыцарями... И добро всегда побеждало зло, красота торжествовала над уродством, а золотоволосая принцесса выходила замуж за героя. И я не собирался менять законы этого мира в угоду своему неудачному творению...

— Нет уж. Я тебя породил — я тебя и женю.

Солнце клонилось к горизонту, но Рианлин без устали кричал:

— Меня зовут Джек!!!

— Да не мешай же мне писать! — я почувствовал, что выхожу из себя. — Ладно, будь Джеком, если так охота!

Солнце клонилось к горизонту, но Джек без устали нахлёстывал коня. Несчастный скакун уже ронял пену, но лучник не мог позволить ему замедлить бег. Граница королевства была уже совсем близко, а за ней Джека ждала свобода.

Впрочем, до этой свободы ещё нужно было доскакать. Принцессы — избалованный народ; они не привыкли к тому, чтобы их женихи сбегали прямо из-под венца. А Дженнифер не только не являлась исключением из правил — она была их идеальным примером. Поэтому Джек не сомневался, что за ним вышлют погоню. Но всё же, когда он наконец услышал топот копыт за спиной, ему стало немного неуютно.

А когда он обернулся и увидел своих преследователей, ему стало по-настоящему неуютно.

Три всадника были ещё далеко, но Джек без труда узнал их. После того, как они целый месяц мозолили ему глаза, лучник вряд ли смог бы с кем-то спутать

эту троицу. Огромный варвар, которому впору было скакать не на лошади, а на заморском звере единороге... щуплый человечек в сером плаще, с арбалетом за узкими плечами... черноволосая девушка, скачущая без седла и уздечки на белоснежном коне... Да, Дженнифер сделала правильный выбор.

Джек стегал коня, понукал его, перемежая мольбы проклятиями, но расстояние между ним и преследователями неуклонно сокращалось. Их лошади, казалось, только что выбежали из конюшни, и с каждым мигом их силы росли. Джек не верил своим глазам: такого просто не могло быть...

— Мы в сказке, друг мой, — ехидно пробормотал я, — поэтому как я захочу, так и будет. Сейчас у тебя ещё и конь споткнётся...

Конь Джека рухнул как подкошенный. Лучник вылетел из седла и покатился по земле; но счастливая звезда хранила его, и он тут же вскочил на ноги, целый и невредимый. Мир ещё не перестал крутиться перед его глазами, но Джек бросился бежать. Он не надеялся спастись и даже не оглядывался: ему оставалось лишь гадать, что настигнет его первым — аркан Хлодгара, дротик Нимбла или сонные чары Т'эанн...

На дороге впереди встало облако пыли. Из него вырвались сверкающие доспехами конные воины: их было полтора десятка, не меньше. Не задумываясь о том, друзья это или враги, Джек бросился к ним.

— Помогите! — кричал он, пытаясь заглушить топот и грохот. — Помогите! Женят!

Конники сомкнулись кольцом вокруг него. Задыхающийся Джек упал на колени, пытаясь скорее обрести дар речи и всё объяснить своим спасителям, но их внимание в тот момент было поглощено совсем другим.

Дрогнула земля под ногами Хлодгара, соскочившего на землю; в руках великана уже блестили боевые топоры. Нимбл, ставший совсем маленьким и незаметным, как-то застенчиво натягивал арбалетную тетиву. Т'эанн же вылетела вперёд и подняла своего белого скакуна на дыбы — и того мига, пока все вольно или невольно любовались ей, эльфийке хватило, чтобы завладеть ситуацией.

— Кто вы, незнакомцы? — гордо воскликнула она. — По какому праву препятствуете нам исполнить свой долг?

Навстречу ей выехал широкоплечий всадник с белым конским хвостом на шлеме.

— Если трое преследуют одного, — провозгласил он, — мы склонны предположить, что ими движет не долг, а месть или корысть! И пока вы не объясните нам причину сей погони, мы не сойдём с вашего пути! Что совершил этот несчастный и какой участи вы хотите его подвергнуть?

— Он убил Чёрного Змея из Логнеза, чудовище, много лет наводившее ужас на окрестные сёла, — произнесла Т'эанн, — и за это должен жениться на принцессе Дженнифер, повелительнице Кальдеры.

— Не слушайте её! — завопил Джек. — Я не убивал его! Я вообще не хотел туда идти: меня заставили вот эти трое сумасшедших! Они тащили меня по таким местам, куда я не сунулся бы и ногой, а по пути ещё свергали тиранов, освобождали города, расколдовывали спящих красавиц и валили всё на меня! А когда мы добрались до этого растреклятого Чёрного Змея, опять же всё сделали сами!

— Неправда! — пискнул Нимбл. — Я ему только крылья подрезал!

— А я только за хвост держал! — громыхнул Хлодгар.

— Не отрицай, Рианлин, — уверенно сказала Т'эанн, — именно твоя стрела сразила чудовище!

— Не моя! — в отчаянии выкрикнул он. — Её Хлодгар выковал! А Нимбл смазал ядовитой желчью! А ты заколдовала так, чтобы она летела точно в цель! Какая, спрашивается, во этом моя заслуга? Вы сами одолели Чёрного Змея — вот и езжайте к вашей Дженнифер и женитесь на ней все трое!

— Я не могу на ней жениться, — невозмутимо сказала Т'эанн, — она не эльфийка...

— Ладно, хватит языком чесать! — взревел Хлодгар. — Давай залезай на мою кобылу, и поехали во дворец! Принцесса сказала тебя привезти, вот мы и повезём: а в седле или поперёк седла — это уж тебе решать...

— У принцессы Дженнифер здесь нет власти, — надменно бросил всадник с конским хвостом на шлеме. — Вы только что пересекли границу наших земель...

Сердце Джека взмыло в небеса.

— ...Где правит Её Высочество принцесса Джайна!

...И камнем упало в пропасть.

— Этой ночью, — продолжал всадник, — ей приснился вещий сон: с севера должен прийти могучий герой, который примет королевство под свою руку и впредь будет защищать его от злодеев и чудовищ. Мы, воины личной гвардии принцессы, получили прямой приказ: отправиться к границе наших стран и первого, кого встретим на пути, доставить во дворец Её Высочества. Некоторые из нас взяли на себя смелость усомниться в справедливости подобного решения: но теперь, когда нам и вправду повстречался богатырь, чьи подвиги...

Его речь прервал дикий вопль. Джек свалился на землю и принялся биться об неё головой.

— Он не желает быть мужем вашей Джайны! — без тени сомнения в голосе сказала Т'эанн. — Ему суждено жениться на принцессе Дженнифер!

Всадник с хвостом вытащил из ножен меч. Его примеру последовали и остальные воины.

— Мы выполним приказ нашей повелительницы, — решительно сказал он, — чего бы это нам ни стоило... да и вам тоже.

В воздухе свистнул арбалетный болт, и всадник свалился под копыта своего коня. Нимбл уже торопливо перезаряжал оружие. Хлодгар, который явно был не в силах больше сдерживаться, с рёвом бросился на врагов, размахивая топорами, словно собирался

изрубить каждого из них на дюжину кусочков. С кончиков пальцев Т'эанн сорвался дождь синих молний; конское ржание смешалось с криками раненых и лязгом металла, а затем его снова прорезал звон тетивы.

В этом столпотворении никто не заметил, как Джек тихо, словно уж, отполз в сторону и скрылся в придорожных кустах.

* * *

— Опять убегаешь? Неужели ты надеешься спрятаться от меня в мире, где всё подвластно моей воле?

— Всё, кроме меня самого! Ты мне какие только козни не строишь — а у меня до сих пор ни короны на голове, ни кольца на пальце! Так и буду убегать — авось и до фермы своей добегу...

— Это тебе не поможет — ведь её тоже придумал я...

— А вот посмотрим! В родном доме и стены помогают! Мне там каждый камешек знаком, каждая травиночка! Ворота закрою, пудовый замок повешу, двери бревном подопру — пусть хоть всем королевством ко мне приходят, не выйду...

— Да, Джек, дураком я тебя создал, дураком ты и остался. Думаешь, на ферме ты будешь в безопасности? Многие сказочные герои и вовсе с печи не слезали, но не жениться на принцессе так и не смогли... Что ж, если хочешь — побарахтайся ещё немного. Моя сказка выйдет на пару страниц длиннее...

* * *

Ворота фермы были открыты. Над трубой поднималась тоненькая струйка дыма: изгибаясь на ветру, она словно бы манила Джека в дом, где его милая Джули уже наверняка готовилась накрывать на стол. Всё вокруг было настолько родным, что Джек был готов броситься вперёд с раскрытыми объятиями — туда, к собственноручно отстроенному дому, яблоневым деревьям, огороду, где только начали завязываться тыквы, сараю, колодцу с потемневшим от воды и ветра воротом...

И в этот момент он ощутил неожиданное, непреодолимое желание напиться ледяной воды из своего колодца.

— Хлебну водички с дороги, — бормотал Джек, крутя скрипящий ворот. — Да и умоюсь заодно... Смою пыль чужих стран, чтоб они сгорели все подчистую... То-то Джули удивится — в окно выглянет, а я здесь, румяный, красивый...

Вытащив ведро, он поставил его на край сруба и уже опустил лицо к тёмной воде, как вдруг заорал не своим голосом.

Вместо его собственного, прекрасно знакомого лица ему навстречу высунулась страховидная рожа — вытянутая, покрытая зелёной чешуёй и моргающая изумрудными глазами.

— Добрый человек, — прохрипела рожа, открыв зубастую пасть, — отпусти меня... кхе-кхе... обратно в

воду. Я тебе... кха... пригожусь. Желание любое выполню.

— Как... любое? — выдохнул Джек, опознав в чудовище, ворочающемся в ведре, огромную рыбу.

— Ну... не любое, — вздохнула она. — Вечную молодость не дам: кабы умела, сама бы пользовалась... кхе-кхе! Гору золота тоже не принесу, и не спрашивай, почему, — рыба вдруг помрачнела. — А вот если, скажем, принцессу в жёны... Ты только в колодец меня кинь поскорее, пока я тут не задохнулась...

— Ах, в колодец? — страшным шёпотом спросил Джек. — Я тебя, старая сводня, в котёл сейчас кину! С лучком да с картошечкой!

Ухватив рыбу за хвост, он раскрутил её в воздухе и от всего сердца шмякнул головой о сруб. Ведро с грохотом и плеском свалилось внутрь, но Джек, не обратив на это внимания, бросился с рыбой к сараю. Там он швырнул её на чурбак, на котором колот дрова, и, схватив лежащий рядом топор, разрубил зелёной бестии брюхо.

Из распоротого живота на гладкое дерево выкатилось золотое кольцо. Оно сверкнуло на солнце, на миг ослепив Джека; протирая глаза, он услышал звук, который последнее время нравился ему всё меньше и меньше.

Топот копыт.

В ворота фермы влетели всадники. Перепуганному Джеку показалось, что в их руках блестят обнажённые мечи: но при ближайшем рассмотрении это оказались медные трубы.

Что для него, если вдуматься, было гораздо опаснее.

— Будь благословен сей день! — под пение труб провозгласил один из всадников. — Наконец-то отыскалось кольцо короля Норберта, залог благополучия нашего государства! Возрадуйся, незнакомец! Тебе, без сомнения, известно, что нашедшему это сокровище обещана рука королевской дочери, прекрасной принцессы Джиневры...

— Нет! — взвизгнул Джек. — Это не я нашёл! Это... вот, рыба! Видите, ещё дышит? Это не рыба, а... заколдованный принц! Отвезите его своей принцессе, пусть она его поцелует, а там и свадьбу можно играть! А меня оставьте в покое!

— Скромность твоя под стать будущему королю, — поклонился всадник, — но увы, мы не можем оценить её по достоинству. Садись же скорее в седло, ибо принцесса слишком долго ждала славного часа, когда кольцо вернётся во дворец...

Джек метнулся вперёд, проскользнул под брюхом ближайшего коня и по лестнице, стоявшей у стены, взлетел на крышу дома. Пинком отшвырнув лестницу, он подбежал к трубе, из которой до сих пор поднимался дымок. Наверняка в печи жарко горел огонь...

— Лучше бы вы согласились на рыбу! — крикнул он остолбеневшим всадникам внизу. — А теперь плакало ваше кольцо вместе с будущим королём!

И с этими словами он швырнул кольцо в печь.

Из трубы вырвался столб пламени. Земля дрогнула; всадники взвыли и рассыпались в прах. Налетел ветер, взметнувший солому на крыше; облака над головой Джека разошлись, и оттуда спустились три птицы невиданных размеров. На спине самой огромной восседал белобородый старец в длинной развевающейся мантии.

— Радуйтесь, люди! — прокричал он неведомо кому. — Радуйтесь, ибо уничтожено Кольцо Злодейства и сгинул Чёрный Король! Слава герою, спасшему нас! Воздайте ему великую хвалу! Воздайте хвалу будущему супругу принцессы Джаризель!

Ноги Джека подкосились, и он без сил опустился на крышу.

— Твоя взяла. Больше не играю. Забирай меня в Кальдеру и жени на Дженнифер, пока я с ума не сошёл. Дураком быть я уже привык, а сумасшедшим жить неохота...

— Быстро же ты спёкся, — улыбнулся я. — Ко мне только начало приходить вдохновение. Ну, будь твою: вернёмся к началу нашей сказки...

Весело насвистывая, я вырвал три страницы из тетради, сложил из них самолётики и запустил их в форточку. Помахав вслед неудачным приключениям моего глупого героя, я бегло просмотрел то, что осталось в тетради и, вполне довольный результатом, снова принялся писать.

— Отдыхай, — шепнула принцесса, когда его губы позволили ей это. — Как только ты наберешься сил, состоится наша свадьба — и я не хочу, чтобы ты заставлял меня ждать...

— Не беспокойся, — тихо сказал Рианлин, привлекая её к себе, — у меня найдутся силы. Объяви народу, что наша свадьба состоится послезавтра.

— Послезавтра? — в шутовском расстройстве протянула Дженнифер. — Почему не завтра?

Промедлив долю секунды, Рианлин ответил:

— Дай мне один день. Я хочу полностью осознать своё счастье и подготовиться к новой жизни. Жизни с тобой, любимая...

— Подожди! Ты думаешь, я тебе поверю? Я-то не золотоволосая принцесса, я твои хитрости насквозь вижу! Думаешь, снова удастся меня провести? Не испытывай моё терпение, Джек, а то женю тебя на лягушке и живи, как хочешь...

— Ладно, сказочник, шутки в сторону. Давай заключим договор. Ты даёшь мне один день, только один — и ни в чём не мешаешь. Если я найду способ отвертеться от свадьбы — будешь придумывать своей сказке другой конец. Если у меня снова ничего не выйдет — так и быть, женюсь.

— Идёт! Но учти: даже если я отойду в сторону, против тебя станут работать все законы сказочного мира.

А эта сказка закончится хорошо, Джек, хочешь ты того или нет...

...Джек медленно брёл по мостовой, уныло глядя себе под ноги. Последний день его свободы близился к вечеру, и похоже, пора было признать своё поражение. Все хитрости, которые он сумел изобрести, обернулись полным провалом.

За время своих странствий Джек повидал многое. Он выходил победителем из битв с великанами, разгадывал загадки грифонов, а однажды умудрился побывать на том свете и вернуться. После всего пережитого даже законы сказочного мира казались ему лёгкой преградой; но он не ожидал, что столкнётся с женским упрямством. Против этого врага не было оружия.

За один день герольды Дженнифер успели разнести по всему королевству весть о предстоящей свадьбе принцессы. Само собой разумеется, весь народ стоял на ухах в ожидании радостного события, сулившего мир, благоденствие и бесплатную выпивку. Неудивительно, что Джеку так и не удалось найти ни единого человека, который бы согласился помочь ему испортить этот праздник.

В отчаянии он бросился к своим старым боевым товарищам. Хлодгар, Нимбл и Т'эанн прошли с ним бок о бок сотни дорог и не раз спасали от гибели; они не могли оставить его в этот час величайшей нужды...

Первым делом Джек навестил Нимбла. Старый мошенник слыл самым хитрым человеком в королевстве, и наверняка у него за пазухой хранились сотни способов избежать опасности — даже такой, как женитьба. Выслушав взволнованный рассказ Джека, вор прищурил маленькие глазки, почесал бородку и заявил, что за сто золотых готов продать ему редчайшее, сильнейшее, почти бесценное зелье. Выпивший его должен был вскоре уснуть сном, похожим на смерть; его члены охолодели, сердце затихало, а дыхание останавливалось — но по прошествии двенадцати часов он вставал, как ни в чём не бывало. Нимбл красочно расписал, как придворные вместе с безутешной принцессой отнесут Джека в королевский склеп, откуда он той же ночью выскользнет под покровом темноты. Не помня себя от радости, Джек выбежал из каморки вора с драгоценным пузырьком в кармане...

Он до сих пор не понимал, что заставило его заглянуть по дороге к знакомому алхимику. Тому хватило одного взгляда на зелье, чтобы опознать в нём сильнейшее слабительное.

Джек не стал возвращаться к Нимблу. Он и без того знал, чья тонкая рука вручила старому пройдохе проклятый пузырёк. Вместо этого он поспешил в королевский лес, на опушке которого стоял домик Т'эанн.

Эльфийка не умела лгать. Вместе с тем она безошибочно распознавала чужую ложь. Поэтому Джек не стал ходить вокруг да около и прямо спросил, есть ли у неё что-нибудь, что позволило бы ему не жениться на принцессе. Помедлив, Т'эанн неохотно ответила, что

может дать Джеку один древний свиток. Подобные свитки, по её словам, много лет разыскивались и уничтожались, так что теперь их осталось всего два. Слишком страшным и противоестественным было запечатлённое на них заклятие — Заговор Перемены Пола...

Эльфийка не умела лгать. Джек уже готов был прочитать багровые буквы на старом пергаменте, но она остановила его и призналась, что второй свиток несколько часов назад отдала принцессе...

Джек ушёл с пустыми руками. Его до смерти пугала мысль о том, что он может стать мужем Дженнифер — но мысль о том, что она сама станет его мужем, была ничуть не приятнее.

В отчаянии он поплёлся к дому Хлодгара. Простодушный варвар едва ли мог помочь ему измыслить какой-нибудь коварный план; но Джек слышал, что только вчера из далёкого северного Скайрима, родины Хлодгара, пришёл караван с вином. Хлодгар частенько хвастался, что после бутылки скайримского вина даже горный медведь свалится с ног и проспит по меньшей мере два дня. Загнанный в угол Джек был бы рад даже такой отсрочке...

Но, услышав храп, доносившийся из окна Хлодгара, Джек не стал даже заходить. И без того было ясно, какой печальный конец постиг знаменитое скайримское вино. Раскатистому басу вторили и другие, не столь мощные: наверняка рядом с варваром сейчас валялось не менее дюжины собутыльников. И вне всяких сомнений, на них были лилово-золотые плащи личной гвардии принцессы Дженнифер. Верные воины всегда готовы были по первому слову своей повелительницы пойти на любой риск...

Волоча ноги по гладким камням, Джек размышлял, куда пойти теперь. К портному, заказать подходящий костюм для свадьбы? К ювелиру, присмотреть кольцо? Или в канатную мастерскую — купить то, что вскоре действительно пригодится?

За всеми этими нелёгкими мыслями Джек даже не заметил, как перед ним выросла тёмная фигура. Он не сразу понял, что произошло, когда сильная рука ухватила его за шиворот и утащила в чёрный дверной проём.

— Что... — успел выдать он.

— Тихо! — прошипела фигура. — Ни звука, а то...

Конец фразы повис в воздухе. Темнота разверзлась, и их захлестнул сметающий с ног поток света, жара, треска и запаха горелого мяса. Слеплённым глазам Джека привиделись самые настоящие адские врата, на пороге которых стояло нечто необъятное, рогатое и орущее дурным голосом.

— Явился, шлёндра, забодай тебя минотавр! Где тебя на этот раз эльфы носили, мать твоя баньши? Я тебе, козероговому сыну, ясно сказала мусор вынести! А чем ты слушал, троллева задница? Я с ярмарки вернулась, а по кухне уже тараканы ползают с гремлином размером! Тебе-то всё равно, ты только дрыном своим железным махать горазд, а веник взять — руки отвалятся! А ну отвечай, кого в дом притащил? Опять забулды-

гу какого-нибудь из кабака? Чтоб тебе грифон печень выклевал, пьяница клятый, гоблинское отродье...

Джека снова схватили и поволокли куда-то прочь от пылающей двери и вопящего чудовища на её пороге — вглубь, во мрак, в неизвестность. Наконец за ними хлопнула ещё одна дверь, и жуткие крики превратились в приглушенный вой. В неожиданной тишине слышалось несколько слов, шёпотом произнесённых на неизвестном языке, и над головой Джека загорелась маленькая лампадка.

Только теперь он смог как следует рассмотреть незнакомца. Тот был высок и слегка сутул; под чёрным плащом угадывались могучие мускулы, но волосы в призрачном свете лампадки казались совершенно белыми. В запавших глазах легко было разглядеть острый ум, жизненный опыт... и скрытую боль.

— Кто ты такой? — нерешительно спросил Джек.

— Я — тот, кто желает тебе добра, — ответил беловолосый. — Я многое знаю о тебе, знаю, что тебя ожидает и чего ты любой ценой стремишься избежать. Ты испробовал многое, но в одиночку тебе не спастись. Законы этого мира действуют против тебя... и лишь я один способен помочь.

— Почему это? — непонимающе потряс головой Джек. — Ты что... не из этого мира?

— Из этого, — сквозь зубы ответил незнакомец. — Я тоже был вынужден повиноваться его правилам... поэтому и дошёл до такой жизни.

— Какой такой жизни? — у Джека больше не оставалось сил разгадывать загадки. — Что с тобой стряслось?

Его таинственный спаситель вздохнул и, помолчав пару мгновений, ответил:

— Когда-то я был великим героем. Я странствовал по земле, истреблял зло мечом и магией, сражался с чудовищами и нёс повсюду мир и справедливость. Однажды я спас торговца от стаи гарпий. Бедняга не помнил себя от счастья и пообещал мне любую награду, какую я только пожелаю. Поверь, я мог пожелать многое, даже, — тут он горько усмехнулся, — принцессу в жёны... Причём торговец наверняка добыл бы её для меня; не знаю, как, но добыл бы... Но на подобное предложение у героев моего склада есть только один ответ. Не успел я опомниться, как он уже слетел с моих губ...

Лицо незнакомца исказилось в яростной гримасе, и он прорычал:

— «Отдай мне то, что найдёшь дома, но о чём ещё не догадываешься».

Выплюнув эти слова, он опустил голову и затих.

— Ну? — поторопил его Джек, изо всех сил пытающийся вникнуть в смысл рассказа. — И что случилось потом? По закону, он должен был найти дома сына-богатыря, или дочь-красавицу, или...

Его слова заглушил безумный смех. Незнакомец хохотал, пока за стеной не раздался грохот и не послышались новые крики и проклятия.

— К-красавицу!.. — выдавил он. — Как же!.. Целых двух!.. Может быть, он их и нашёл бы, если бы тот иди-

от, который меня создал, не бросил писать свою сказку! Без его присмотра все герои тут же зажили собственной жизнью. Неудивительно, что торговец, вернувшись домой, обнаружил, что к нему в гости приехала тётка!..

Ужас понимания отразился в глазах Джека.

— Недолго думая, — продолжал беловолосый, — этот мерзавец запихнул её в мешок и привёз мне! И делать было нечего: пусть сказка и оборвалась, законы мира по-прежнему действовали. Как я ни жалел, что не оставил прохиндея-торговца на съедение гарпиям, пришлось принять сей... дар. С тех пор я живу с ней; мои подвиги остались в прошлом, из дома я могу выйти только в кабак, а моим верным щитом накрывают кадушку с капустой...

— Как же ты всё это терпишь? — с дрожью в голосе спросил Джек. — Ты же герой — сильный, смелый, драконов убивал, неужели не сладишь со старухой?

Огромный кулак с грохотом врезался в стену:

— Я бы сладил! Я бы её давно отправил плавать по синему морю в её собственной кадушке! Но, чёрт побери, что я могу сделать, если она — моё Предназначение?

Потрясённый Джек не нашёлся с ответом.

— Послушай, — проговорил бывший герой, подступая ближе. — Я не хочу, чтобы тебя постигла моя судьба. Последуй моим советам, и свадьбы не будет, а ты вернёшься к себе на ферму.

— А ты уверен, что получится? — подозрительно спросил Джек. — Я чего только не пробовал, чтобы у этой дурацкой сказки не было счастливого конца, но всякий раз находились те, кто своей помощью всё портил...

— Не беспокойся, — ухмыльнулся беловолосый. — Я тоже хочу тебе помочь — иначе бы меня здесь не оказалось. Вот только когда я закончу тебе помогать, жениться на принцессе будет уже поздно... У меня есть надёжное средство...

Внезапно Джека прошиб холодный пот.

— Нет! — вскричал он, прижимаясь к стене. — Нет, даже и не думай! Ты не сбagriшь мне тётку, не выйдет! Если уж выбирать между ней и Дженнифер, так принцесса хоть красивая и во дворце живёт, а эта карга...

— Ты дурак! — громыхнул незнакомец.

— Эй, полегче! — оскорбился Джек.

— Нет, ты не понимаешь! Ты по сути своей дурак! Поэтому я не сумел бы выдать за тебя тётку, как бы ни хотел: ты не можешь жениться ни на ком другом, кроме как на принцессе! Поэтому же тебе помогают все, кому не лень, красавицы бросаются к ногам, а волшебные рыбы ловятся прямо в колодце. И если хочешь обмануть судьбу и одолеть законы сказочного мира, у тебя есть только один путь...

Он прошептал ещё несколько непонятных слов, и у дальней стены зажглись два светильника. Их огонь выхватил из темноты огромный шкаф, битком набитый книгами, свитками, глиняными табличками и ещё бог-весть чем.

— Вот, — в наступившей гробовой тишине произнёс воин. — Ты должен из дурака стать умным. И моя библиотека — твоё единственное спасение.

— Но... — прошептал Джек, лихорадочно думая, чем ему так не угодила Дженнифер, — как?.. Моя свадьба намечена на завтра... Я не смогу прочитать все эти книги всего за одну ночь! Я не стану умным, я просто свихнусь! Я... просто не успею!

Беловолосый подтолкнул его вперед:

— Значит, лучше не трать времени попусту. Скажу тебе по секрету: твоему создателю этот подвиг удавался уже не раз...

* * *

Прошло несколько дней.

Дописав до точки, я откинулся в кресле и закрыл глаза, в которых давно плавали круги. Адски хотелось спать, но я боролся с собой: оставалось написать ещё двадцать страниц... Всего пара секунд, решил я, и нужно снова браться за ручку...

— Эй, сказочник! Сказочник! Ты там живой?

— Живой, — пробормотал я, хотя не был в этом полностью уверен.

— Я до тебя уже который день достучаться не могу! Как ни приду — а ты всё не спишь и не спишь... Совсем не ложишься последнее время, что ли?

— Более-менее...

— А я вот похвастаться пришёл. До чего же здорово всё вышло! После того, как я все эти книги прочитал, Дженнифер на меня и смотреть не захотела! Ну, правда, смотреть особо и не на что было — глаза красные, лицо зелёное, щёки ввалились... Ну да ничего страшного; я на ферму вернулся — тут свежий воздух, правильное питание, физический труд... Я ведь теперь столько полезного узнал — буду новый сорт тыкв выращивать! А ещё каналы оросительные проложу! В общем, работы уйма. Я теперь понимаю, почему только дураки на принцессах женятся — им больше делать просто нечего!

— Угу, — буркнул я, безуспешно пытаясь проснуться.

— Вот только, сказочник, я до сих пор одного не понимаю, сколько бы книг ни прочёл. Почему ты перестал про меня писать? Неужто сам поумнел?

— Не до тебя мне теперь, — с горечью ответил я, — и не до принцесс золотоволосых. Я другое пишу... Совсем другое...

— Да неужели? Значит, и героев новых создал, раз меня в покое оставил? Поздравляю, давно бы так! И что пишешь?

— Диплом, друг мой, — устало вздохнул я, — диплом.

ГИЛЯРОВСКАЯ-ЛОБАНОВА Надежда Владимировна (1886 — 1966), поэтесса, переводчица, историк литературы и театра.

Дочь писателя В.А.Гиляровского. Жена искусствоведа В.М.Лобанова. Слушательница Высших женских курсов на Девичьем поле. Знала многих друзей отца, посетителей его квартиры на Столешниковом переулке Москвы. Ее лечил А.П.Чехов; свой этюд подарил И.И.Левитан. (См. Лобанов В.М. Столешники дяди Гиляя. М., 1972 — портр). Авт. кн. "Стихи" (М., 1912); "Анго" (1920); "Театрально-декоративное искусство за 5 лет" (Казань, 1924) и др. Переводила И.-В.Гете ("Герман и Доротея". М., 1913), Р.Киплинга ("Джунгли". М., 1915) и др. Сотр. в БСЭ; "Исках" (1902) — Г-ая, Н.; "Голосе Москвы" (1913-14) — Г-ровская, Н., Н.Г.; "Красном смехе" (1915), "Илье Муромце" — Маугли, Гая, Н.

Масанов; Розанов; ЛЖР.

ГИНЗБУРГ Валентина, авт. воспоминаний.

«Тюмень, начало века» \ \ Новое русское слово. 1989. 22, 23 авг. (1900-е -1920-е гг. Жизнь в Тюмени в семье деда-часовщика).

РРЭВД. 4.

ГИНЗБУРГ Елена

Сотр. "Киевской мысли" (1909-1913) — Г-г, Е-а; Г-г, Елена. Масанов.

ГИНЗБУРГ-ГАЛЬПЕРИНА Елена Абрамовна

Авт. кн. "Мировая война и судьбы международного права" П., 1916. В Берлине в 1923 году вышел сб. статей Г.-г. 1909-1918 гг. «Под знаменем права» (Гальперин-Гинзбург Е.А.) с биогр. сведениями об авторе. Наверно она же сотр. и в «Киевской мысли».

Кн. рус. зарубежья.

ГИНЗБУРГ М.М., авт. воспоминаний.

Сестра С.М.Гинзбург (см.), деятельницы народнического движения. "К биографии С.М.Гинзбург" — "Каторга и ссылка", 1926. Кн. 3(24). С. 211-222. — М.Г.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 3197.

ГИНЗБУРГ Софья Михайловна (1863 — 1891), издательница.

Участница рев. движения. Происходила из мещан. Училась на СПб. акушерских курсах. Участвовала в рев. движении вместе с Н.Н.Слепцовой. С 1885 — за границей. Жила в Берне и Париже. Изучала медицину. Была знакома с П.Л.Лавровым. Трижды приезжала в Россию для связи с военными народолюбческими кружками в СПб. Член группы «молодых народолюбцев» в Цюрихе. Была одним из организаторов «Социалистического литературного фонда». Группой выпущены брошюры: «Введение к критике философии права Гегеля» К.Маркса, и «Экономическое учение К.Маркса» К.Каутского. Осенью 1888 вернулась в Россию и подготавливала покушение на жизнь Александра 111, но в мае 1889 была арестована. В 1890 осуждена на смертную казнь, замененную бессрочной каторгой. Наказание отбывала в Шлиссельбургской крепости, где покончила жизнь самоубийством. Из архива П.Б.Аксельрода. 1.

ГИНЦБУРГ Евгения Исидоровна, авт. воспоминаний.

Музыкант. Эмигранткой жила во Франции. Авт. кн. «Воспоминания юности». Париж, 1937 (1870-е — 1920-е гг. Детство и юность в Могилеве. Семейная жизнь в СПб. Музыкальные вечера в доме дяди, А.И.Зака, знакомство с виолончелистом К.Ю.Давидовым, композитором А.Г.Рубинштейном).

ЛЗР (здесь — Гинцберг); Алексеев А.Д.; РРЭВД. 3.

ГИНЦБУРГ-АРШОН Берта, авт. воспоминаний.

Педагог в Двинске. "Мое последнее свидание с В.В.Стасовым". — В кн. "Незабвенному В.В.Стасову". СПб., 1908. С.82-84.

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 5989.

Продолжение в следующем номере

Чистота — залог...

Если человеку не везет, то не везет по полной. Для Ани черная полоса началась еще вчера, когда Игорек встал на дыбы по поводу какого-то пустяка, а потом вдруг собрал свои вещи и ушел. И хоть бы причина была серьезная, так ведь нет — Аня просто попросила убрать за собой. Возможно, резковато попросила. Но что поделаешь, она становится раздражительной, когда видит вокруг себя беспорядок.

Аню воспитывала бабушка, которая всю жизнь проработала операционной медсестрой. Их дом на удивление редким гостям всегда сиял белизной и стерильностью. А самым лучшим ароматом бабушка считала запах хлорки. Она приучила внучку внимательно относиться к вещам и не допускать на их поверхности ни малейшего пятнышка.

— Посмотри, — говаривала тихим, ровным голосом бабушка, — ты вымыла чашку, а под ободком осталась желтая полоска. Там тотчас заведутся микробы. Они будут точить тебя и доведут до болезни. Помни: чистота — залог здоровья. Так даже древние говорили...

— Ты помешалась на своей чистоте, — сердито кинул Игорь и хлопнул дверью.

Проревев полночи, Аня, естественно, опоздала на работу и получила нагоняй от начальницы. А тут, как назло, подвернулась подружка Элька со своими вечно правильными взглядами на жизнь. Ну, Аня и послала ее получать удовольствия от этой самой жизни куда подальше. В довершение ко всему лихач-автомобильщик окатил придорожной грязью с ног до макушки.

Пришла домой чертовски злая. У самого порога стояли и загнутыми язычками дразнились пыльные ботинки Игоря, которые он забыл уложить в чемодан. Аня схватила несчастные башмаки, кинула их на лестницу — нечего оставлять, ушел, так ушел. В квартире царил полнейший хаос. Утром, собираясь впопыхах, Аня против обыкновения не успела убрать одежду в шкаф. Обреченно вздохнув, переделась в чистое, аккуратно загрузила испачканную одежду в стираль-

ную машину. Наконец, покончив с делами, села на диван и раздраженно щелкнула пультом телевизора.

—... это ваш единственный выход! — сообщил веселый женский голос, а на экране блеснула яркая упаковка омолаживающего крема.

Аня усмехнулась. Она вспомнила, как они с Игорем развлекались гаданием по телевизору. Игра состояла в том, чтоб, переключая каналы, услышать и состыковать обрывки фраз из различных телепередач, а потом как-то интерпретировать получившуюся абракадабру. Последний опыт, кстати, преподнес удивительно складное предложение: «Прощаюсь... в следующий раз... будьте одиноки».

Аня нажала следующую кнопку. На экране высветился неестественно лощеный молодой человек. Широко улыбаясь и указывая обеими ладонями на объект рекламы, он выкрикивал:

— Купите чудо-пылесос! Он избавит вас от грязи в доме, сделает ваше жилище идеальным. Но это еще не все! Наш пылесос освободит вас от всяческих бед, унесет навсегда пыль ваших невзгод. Спешите стать счастливыми! Только сегодня и только у нас небывалые скидки. Не упустите свой шанс превратиться в поистине совершенного человека!

Аня обвела взглядом комнатку и решила, что как раз пылесоса ей и не хватает. Старый был слишком громоздким и устаревшей модели. А рекламируемая блестящая игрушечка довольно изящна и явно много места не займет. Позвонила тут же по телефону из «бегущей строки». Мультиязычный голос поинтересовался адресом и скомандовал:

— Ждите!

Ждать пришлось недолго — каких-то полчаса. На дисплее домофона появилось улыбающееся лицо юноши с телеэкрана. «Клонировать их там, что ли?» — мелькнула забавная мысль. И вот зеркальная машинка, освобожденная от пластиковой упаковки, уже заблестела посреди комнаты. Прочитав несложную инструкцию, Аня решила опробовать приобретение.

Пылесос на самом деле оказался чудом. Стоило всего лишь нажать мягкую, приятную на ощупь кла-

Надежда Васильевна Иволга живет в Екатеринбурге. Окончила филологический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В течение нескольких лет работала в школе. Сотрудничает с ТО «Маски» (Одесса) — пишет сценарии развивающих мультфильмов для детей из серии «Уроки тетушки Совы». Небольшие рассказы, миниатюры публиковались в российских и зарубежных газетах, в журнале «Дети Ра».

вишу, и за пять минут в доме чистота: и на полу, и на полках, и в самых потаенных уголках. Не нужно было ходить по квартире, направляя щетку пылесоса в нужные места. Машинка просто стояла в центре комнаты и размеренно вращала белую выдвижную трубку-граммофончик. Мало того, вся собираемая грязь перерабатывалась загадочным образом. Контейнера для пыли не существовало, а значит, не надо было выносить мусор или мыть прибор. О таком прекрасном помощнике можно было только мечтать.

Настроение заметно поднялось. «Ну, если он и неурядицы всякие будет так лихо засасывать, то почему бы и не стать счастливой?» — сказала Аня своему смеющемуся отражению в зеркале.

Вечер прошел тихо. Не топали над головой соседские дети, а по телевизору вместо обещанного программой скучного концерта показали забавный старомодный детектив. Аня заснула под мерное жужжание нового друга.

Да, продавцы не обманули — пылесос работал исправно! Исчезла напрочь пыль в доме. Испарялись одна за другой Анины неприятности. Ушла бессонница, которая мучила на протяжении последних месяцев. Сантехник за один вечер починил все краны в квартире. Удивительнее всего было найти под дверью потерянный с месяц назад кошелек, причем кредитные карточки оказались целехонькими. В конце концов, стало просто везти везде и во всем: автобус подходил к остановке одновременно с Аней; уволилась начальница-мегера; в булочной не переводились любимые слоеные пирожки. Поначалу Аня удивлялась всем этим приятностям, а потом привыкла и стала принимать подарки судьбы как должное.

И не было бы никаких сомнений, что жизнь, наконец-то, после всех перипетий повернулась своей самой светлой стороной, если бы не Элька. После ссоры они довольно быстро помирились, но подруга, хитро щуригла, без конца допытывалась:

— Что такое случилось? С чего это вдруг тебе, Аня, так стало везти?

Не выдержав напора, Аня поведала о своем приобретении. О том, как услышала рекламу по телевизору...

— И ты купилась?! — удивленно возмутилась Эля.

— Не купилась, а купила, — поправила Аня подругу.

— И не боишься?

— Чего?

Тут Элька округлила глаза и заговорщицки зашептала:

— Как чего? Неужели ты не понимаешь, что такие вещи просто так не делаются?

— Какие вещи, Эля? Я просто купила бытовой прибор, — отмахнулась Аня.

— Бытовой-то бытовой, да, видать, и не очень, — ехидно заметила Элька.

— Брось, ты элементарно мне завидуешь! — девушка попыталась пристыдить шарлатанку, но та не

унималась и принялась выведывать подробности сделки.

Элька со школьной скамьи увлекалась всякими эзотерическими штучками, поэтому на ее болтовню Аня не обратила особого внимания. Но товарный чек по требованию подруги нашла. Ничего особенного в этой бумажке не было, разве что в верхнем левом углу чернел странный значок, напоминающий электровилку.

Через какой-то месяц Анина жизнь совершенно наладилась. На работе предложили повышение и увеличили зарплату чуть ли не в два раза. Спешно уезжавший из страны сосед продал по дешевке почти новый автомобиль, и теперь можно было не зависеть от общественного транспорта. Завязались полезные знакомства. Вот только от Игоря не было никаких вестей. Впрочем, Аня практически не вспоминала о нем. Она приходила в свою стерильно чистую квартиру, упивалась тишиной и покоем. Со вкусом поужинав, включала сияющий зеркальными боками пылесос и наблюдала за плавными поворотами граммофончика. Было что-то медитативное в движении и тихом жужжании умного механизма. Нежась на мягком диване и наслаждаясь ласковым воркованием телевизора, Аня уже не могла представить кого-то рядом с собой. Она не понимала, почему другие страдают от одиночества, нынешнее состояние казалось ей самым естественным и прекрасным.

Иногда покойную идиллию нарушала Элька.

— Встретила сегодня в метро твоего Игоря, — вещала подруга. — Он такой несчастный, такой потерянный...

— Подумаешь, — откликнулась Аня. — Его никто не прогонял, сам ушел. Что хотел, то и получил.

— Он звонит тебе каждый день, а ты не берешь трубку, — не унималась Элька.

— Не помню. Может, и звонил, но у меня ни разу не опознал его номер, а с незнакомыми я не разговариваю. Ты же знаешь.

Эля смотрела на сильно изменившуюся за последнее время Аню и всем нутром чувствовала исходящий от нее ледяной холод. Попробовав разжалобить подружку, Элька расплакалась и сквозь слезы умоляюще произнесла:

— Позвони ему, пожалуйста... Ну, ради меня...

— Зачем? Я прекрасно себя чувствую одна. Даже значительно лучше, чем когда твой хваленый Игорь мельтешил перед глазами и разбрасывал где попало свои грязные носки. Хочешь, заведи его себе, раз уж так ты о нем беспокоишься, — с издевкой прозвучало в ответ.

Эля ушам своим не поверила. С минуту стояла с раскрытым ртом, а потом молча вышла из квартиры.

Аня с Игорем были симпатичной парой. Да, ссорились, но с кем не бывает. Зато как будто понимали друг друга с полуслова. А их милые перепалки больше походили на игру в буриме, чем на ссоры. Поэтому такая скоропалительная развязка отношений

казалась странной не только сердобольной Эльке. Многие знакомые, узнав о случившемся, сокрушенно качали головами.

Сам Игорь сильно переживал разрыв. Он тысячу раз проклинал себя за вспыльчивость. Но все его попытки встретиться с Аней, поговорить по душам пресекались таинственным образом, словно теперь молодые люди жили в каких-то параллельных мирах. Не помогли даже старания друзей, вроде Эльки, свести поссорившихся для примирения. В конце концов, потеряв надежду увидиться и объясниться с Аней, Игорь переехал в другой город, благо подвернулось крайне заманчивое предложение от партнерской фирмы.

Известие об этом совершенно не тронуло Аню. Спокойно взирая на окружающую упорядоченность, она без спешки, как будто автоматически продолжала выполнять свои обязанности. Круговорот дом-работа-дом вполне ее устраивал. Она методично следила, как пылесос творил ежедневное чудо очищения, и была крайне довольна. Девушка не понимала охающих и вздыхающих друзей, поскольку чувствовала себя здоровой и, вообще, жила с ощущением полной внутренней гармонии.

Время от времени кто-нибудь из неумных сослуживцев еще приставал:

— Анютка, да улыбнись же, наконец! Неужели тебе плохо?

— С чего вы взяли? — монотонно отвечала она — Мне хорошо. Даже очень. Только при чем здесь улыбки? От них морщины появляются, да будет вам известно. А мне стареть ни к чему.

Подобное высокомерное отношение к людям сделало свое дело. Отвернулись, перестали надоедать друзья и добрые знакомые. Исчезла и Элька. Быть может, как Игорь, переехала в другой город. Кто знает! Зато Аню по достоинству оценило начальство. Подкупали ее исполнительность и безупречность.

Однажды вызвал директор компании. Выслушав отчет о работе, он посмотрел на подчиненную в упор. Таких глубоких черных глаз Аня никогда в своей жизни не видела. Холодок пробежал по позвоночнику. Шеф на секунду отвел глаза и вновь взглянул. В его зрачках отразилось нечто, похожее на электровилку с торчащими вверх штырями.

— Мы с вами сработаемся, — твердо резюмировал начальник.

Аня благодарно, но с холодным достоинством склонила голову. Выходя из кабинета, взглянула на себя в зеркало. Подумалось: «Хороша. Чертовски хороша!» Особенно прекрасны были глаза с их бесподобным металлическим блеском.

Продолжаем конкурс учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области «ПРИРОДА ВОКРУГ НАС»

Организатором конкурса является Министерство образования и науки Челябинской области при участии **журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ**.

Участниками конкурса являются учителя географии и краеведения областных государственных и муниципальных образовательных учреждений.

Победители конкурса награждаются:

- грамотами Министерства образования и науки Челябинской области
- денежной премией в размере от 30 до 100 тысяч рублей
- Образовательное учреждение получает подписку на журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ на один год.

Для участия в конкурсе участник обязан предоставить организатору конкурса **заявку** на участие в конкурсе. К заявке прилагаются следующие конкурсные материалы:

- **конкурсная работа**, выполненная в форме web-сайта, содержащая описание природы того района, в котором находится учебное заведение (растительный и животный мир, описание места их обитания, иллюстрации: фотографии, карты, рисунки, схемы);
- **подписка на журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ** с любого месяца текущего года, но не менее чем на один год (копия подписного купона). Подписка может быть оформлена на образовательное учреждение.

Информация о проведении областного конкурса учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области размещена на портале журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ <http://uralstalker.su>.

Cote d'Azur¹

Вступление

— Мам, я боюсь, — прошептала я, когда мы дошли до полосы, по одну сторону которой находились терминалы, а по другую — залы ожидания.

У маменьки в глазах стояли слезы:

— Всё хорошо будет. Язык ты знаешь. Не пропадешь. Яна Эванс, которая вас курирует там, тебя встретит.

Но по ее тону было ясно, что ей и самой-то не очень верится в удачный исход этой авантюры.

Мы собирались лететь во Францию втроем, но поскольку мой контракт требовал переделки в посольстве, мне пришлось задержаться в России на пару недель, а близнецы Даша и Наташа уже вовсю работали в одном из отелей Лазурного берега.

— Что ж такое, — сокрушалась я, читая очередные sms от них, — девчонок уже выгнать собрались, а я еще так и не доехала!

Как в каком-то тумане я обняла маму, перешагнула «границу двух жизней» и протянула таможеннику паспорт. Туман в голове рассеялся только после того, как все контроли были пройдены, вещи сданы в багаж, а я сама устроилась на своем месте в самолете.

Весь полет я спала, даже от еды отказалась, что для меня вообще-то не характерно.

Несмотря на то, что рейс задержали из-за грозы, в Ницце меня встретили. Всю дорогу от аэропорта до деревни des Adrets Яна Эванс, куратор нашей стажировки, задавала мне вопросы, и каждый ответ сопровождала советом.

— Хозяйка очень тяжелый человек. Девочки уже умудрились навлечь на себя ее гнев и получили ис-

пытательный срок до 4-го августа. У тебя молодой человек есть?

— Есть, — почему-то соврала я и, как оказалась, совершенно правильно сделала.

— Отлично. Местные мальчики они такие... поиграются и бросят. Ветер в голове, одно слово. Кстати, как с французским дела?

Я не без удовольствия передала ей слова француза, с которым познакомилась в аэропорту, про хорошую базу и акцент.

— Хорошо. Язык усовершенствуешь, точно. А ты по характеру конфликтная? Нет? Ну и прекрасно. Кстати...

Вот так беседуя, мы и доехали до отеля. Места, которое должно было стать мне домом на ближайшие два месяца. Мне навстречу с радостными воплями неслись Дашка и Наташка. Казалось, я не видела их целую вечность. Мы обнялись и расцеловались, потом девчонки утащили мою сумку в свою комнату, а я пошла знакомиться с хозяйкой.

Молодая, высокая и худая женщина пожала мне руку и приветливо улыбнулась. За ее улыбкой я пыталась найти ту опасность, о которой мне красочно повествовали в письмах близняшки и предупреждала Яна. Не находила. Высокий светловолосый мужчина оказался хозяйкиным мужем, а молодой человек с девушкой, выскочившие мне навстречу знакомиться — двумя работниками сервиса. Через две минуты рядом со мной материализовались близняшки.

— А-а, вы уже здесь, — протянула хозяйка. В ее голосе послышалось легкое недовольство. Или мне показалось?..

— Да, — закивали девчонки.

— Хорошо, отведите Машу к себе в комнату. И вам наверняка нужно многое рассказать друг другу. Завтра вы начинаете в 10. Идите. А мне нужно поговорить с Яной.

¹ Лазурный берег (фр.)

Мария Юрьевна Шелепова родилась 4 ноября 1985 г. в Екатеринбурге. В 2002 г. закончила гуманитарный класс 9-й гимназии и поступила в УГТУ-УПИ на факультет экономики и управления, специальность «перевод и переводоведение», французский язык. Три летне-осенних сезона отработала во Франции. В течение учебы 5 раз становилась лауреатом литературного конкурса УГТУ-УПИ.

Я осторожно улыбнулась всем, вежливо попрощалась и отправилась вслед за близняшками в непроглядную темень французской ночи.

— Это наш дом, — гордо сказала Дашка, распахивая дверь, на которой отсутствовал замок. Моему взгляду предстала небольшая комната с тремя кроватями, расставленными по углам буквой П, узкий шкаф, маленький холодильник, тумбочка со стоящим магнитофоном, который Дашка с Наташкой любовно приволокли из России. Что характерно: из магнитофона неслись знакомые звуки «Фабрики звезд — 4».

— А за этой шторкой у нас ванная.

— А почему шторка?

— Барыня, — фыркнула Наташка, открывая бутылку вина, — мы когда приехали, тут вообще ничего не было. И шторка, и зеркало в ванной — исключительно по нашей просьбе.

— То есть как, просто проем в стене и ванная? Вообще без всего, что ли? Очень эстетично! Особенно учитывая то, что нас наконец-то трое.

— Иди мойся, потом поговорим, — напутствовала меня Дашка.

Когда я вылезла из душа, девчонки уже с радостным визгом потрошили привезенные мной подарочные сигареты. Мы взяли стаканы с вином и отправились на террасу, где я была посвящена в подноготную отеля «Эстирадо».

— Хозяйка — сволочь. Зовут ее АмандА, — начали девчонки свое повествование.

— Может, АмАнда?

— Нет, АмандА. Это не мы придумали. С виду добрая такая, все время улыбается, только знай, что улыбка эта механическая и ничего общего с ее настроением не имеет. Когда она орет на тебя, смотри ей в глаза и кивай головой.

— Лучше, если ты будешь говорить: «Да, конечно, я сделаю так как вы говорите», — поддержала Дашка сестру.

— Орет она постоянно. И искренне считает, что если человек с первого раза не понимает, как делать ту или иную сложную вещь, то после того как на него накричат, в его голове обязательно наступит просветление.

— Муж ее, Рене, тоже тот еще тип. С виду добрый такой, шутит всё время, не смешно правда, но это неважно, тут с юмором у всех плохо. Но как находит на него, всё... тушите свет. Вести себя с ним нужно так же, как с Амандой.

— А кто эти двое, которые из персонала тоже? Мальчика Иво, кажется, зовут, — я решила прервать поток негатива.

— Иво, да. Отвратительный тип. Подлый, двуличный. Закончил Эколь Отеллери и считает себя самым умным. Причем совершенно искренне. Он якобы начальник ресторации, то есть наш босс. Теоретически, конечно. А девочка — Соланж. Вот ее стоит опасаться.

— Опасаться? — поразила я. — Вы чего? Она ж нам по плечо ростом. Да и лет ей вроде как мало. Я не разглядела, но, по-моему, она младше.

Близняшки помолчали.

— Это из-за нее у нас тут испытательный срок намечался. А дело тут такое: Соланж страшная дура, каких мало. В свои 16 лет она думает только о сексе. Переспала со всеми мало-мальски симпатичными мальчиками в деревне. Мы тебе потом расскажем, как мы с ними однажды решили посидеть-попить. А еще она постоянно мешает работать, докапывается до всех. И вот однажды Дашка помогала мне мыть пол в баре.

— Я раньше заканчиваю работать, — пояснила Даша, — потому что мы на кухне десерт для последних клиентов сделали, все помыли, и свободны. А пока они его съедят, пока кофе да дигестив выпьют... после них бар надо убирать, столы готовить к завтраку. И чтоб Натка побыстрее освободилась, я ей помогаю. Помыла я пол, а Соланж взяла и специально прошла по чистому, следов наоставляла... она так часто делает. Ну я и кинула в нее тряпкой. А уж потом мы подрались...

— Подрались? — поразила я. — Ну даете! И что?

— Ничего, — ответила Ната за сестру, — ничего хорошего. Прибежали хозяева, растащили... обе ревут... на следующий день — разговор с Амандой. Яна приезжала. Ух и скандалище был! До сих пор как вспомню — не по себе делается.

— А что еще интересного? — поспешила я свернуть с неприятной темы.

Новости лились потоком. Нелогичные, наскикающие одна на другую. Казалось, мы не виделись тысячу лет. Я-то раньше думала, что это красивая метафора, придуманная поэтами! Кто бы мог подумать, что подобные чувства можно испытывать самой.

Я узнала, что в сервисе, где мне предстоит работать, кроме нас с Натой трудятся Соланж, Иво и сами хозяева. А на кухне, где батрачит Даша, обитают еще трое дятлов — Лорис (он тебе понравится, наверное), Жереми (да единственный нормальный из всех!!) и Фабрис (ты бы его видела... мм-м-м, какой дяденька... ему 30, но такой классный, настоящий *peche* !!)

Все байки заканчивались одинаково: «Ну вот завтра всё сама и увидишь!».

— А еще мы слоган придумали, — сообщила Дашка: «Гребаный отель! Гребаный Cote d'Azur!! Гребаная Франция!!!»

Я промолчала. Трудно говорить о том, чего ты никогда не видел.

К полуночи мы допили всё вино, и решили расходиться спать.

— Завтра вставать рано, — вздохнула Ната, — мы тут так не высыпаемся, ужас!

— Спокойной ночи, — пробубнила Дашка, обнимая любимого медведя.

— Ага... — сонно сказала я и не успела донести голову до подушки, как отключилась.

¹ Персик (фр.)

Автостоп, русская мафия и их возмож-

ности

Большинство данных, размещенных на сайте нашего отеля, на поверку оказались лишь рекламным трюком, направленным исключительно на привлечение клиентов.

Обещанные нам прелести в виде озера с форелью в паре километров, велосипедов, которыми можно беспрепятственно пользоваться, и 16 километров до Канн — всё это совпадало с реальностью примерно наполовину. Озеро оказалось в пятнадцати километрах, Канн в 25, а велосипед, который простаивал у нас под окнами, боялись трогать не только клиенты, но и сами хозяева. Слава Богу, хоть обещанные выходные оказались правдой.

В среду, уже перед самым уходом из бара, Рене, попрощавшийся с нами до четверга, поинтересовался, что мы собираемся делать в свой законный *congé*¹. Мы с присущим нам оптимизмом заявили, что собираемся пойти в Мандельё.

— Я не смогу вас отвезти, — тут же открестился Рене.

— *C'est pas grave*², — мы были настроены оптимистично, — пешком пойдем.

Рене выпучил глаза и еще вежливее попрощался с нами «до следующего четверга».

Мандельё — ближайший от нашей деревни населенный пункт, находящийся, как и озеро, и всё остальное, в 15 километрах. В другую сторону от него был Фрежюс, но до него было ровно столько же.

И хотя Лорис, Жереми, Иво и Соланж, хором убеждали нас, что идти-то тут всего ничего — 4 часа под горку и шесть в горку (и в какую горку!), мы с присущей нам упорностью вспомнили тему «путешествия» из курса разговорного языка и решили ехать автостопом. Только автостопом, и больше никак! Потому что автобусы до Мандельё не ходили в принципе и весь Лазурный берег передвигался исключительно на машинах, которых у нас, к сожалению, не было.

— Так, встать надо пораньше, часов в семь! Ну ладно, полвосьмого, — сказала Дашка, в 8 выйти, сколько-то пройти пешочком, чтобы выйти на трассу, а там...

— А там, — перебила ее Наташка, — есть одна -единственная дорога — на Мандельё. И все машины идут туда. Так что нас должны подобрать, жалко им, что ли? Не первая, так двадцатая, надо только не стесняться тормозить их!

Позже на совете племени было установлено, что первые две машины тормозит Даша, вторые Наташка, третьи — я. Далее мы наизусть заучили фразу, которую надлежало произносить с неизменной улыбкой во все 32, включая зубы мудрости: «*Bonjour, nous allons a Mandelieu, pouvez-vous nous amener?*»³

¹ Выходной.

² Не страшно.

³ Здравствуйте, мы идем в Мандельё, не могли бы вы нас

подбросить?

Полная радостных надежд и повторяя про себя волшебные слова, наша тройца улеглась спать.

Встав в полвосьмого, как и планировалось, мы увидели за окном такую грозу, что дружно решили, что Мандельё никуда не денется, а подождет до более солнечных времен, а вот здоровый сон — это прежде всего, и под раскаты грома и шум дождя благополучно продряхли до полудня.

— Что делать-то будем? — сладко потянулась я. — Дождь вроде кончился, завтрак всё равно проспали. Может, в Мандельё?

— И впрямь, — откликнулась Дашка, — не сидеть же дома весь день. Нат, ты как?

Наташка пожала плечами:

— Я как все. Вперед.

В полном молчании мы вышли на трассу и неспешно побрели вдоль нее. Никто не решался начать первым. Тут бы самое время появиться Юрию Гагарину с его криком «поехали!», но эту почетную миссию взяла нас себя Дашка. Первые две машины проехали мимо, не обратив на нас никакого внимания, и старательно голосующая Дашка разолилась:

— Теперь вы!

Поперепиравшись немного, мы с Наташкой вытянули руки, и тут же около нас притормозил раздолбанный темно-синий «Фолькс».

— Куда? — поинтересовался мужик на переднем сиденье.

— В Мандельё, — прозвучал нестройный ответ.

— Садитесь, — махнул он рукой.

«Странный акцент, — машинально отметила я про себя, — наверное, итальянец. Ну, не француз точно, потому что их любезность и разговорчивость переходят все границы, и по идее коренные жители Франции должны сначала повосхищаться нашей красотой, светлыми глазами, спросить о происхождении... и только потом поинтересоваться причинами, толкнувшими нас на трассу».

Кое-как утрамбовавшись на заднем сиденье, расправив все складки на юбке и одернув норвящий сползти купальник, я неожиданно сообразила, что в проигрывателе звучит... Меладзе.

— Это что, русские? — ляпнула я, не сдержав своего плещущего через край удивления.

— Русские, русские, — ответил мне мужик за рулем. Второй, приветствовавший нас вопросом «куда?», только молча улыбался.

— Я вообще-то из Молдавии, меня Андрей зовут, — радовался водитель, — а Ангел из Болгарии.

Я про себя отметила чрезвычайное сходство Ангела с Врубелевским Демоном, но радость от неожиданной встречи с почти русскими застилала глаза.

— А вы сами-то откуда, девчонки?

— А мы из Адре, работаем там. Двое официантками, одна на кухне.

— И как, хорошо вам?

— Нормально, — по привычке ответило наше трио, и вспомнив, что с земляками можно быть откровенными, распалось на сольные партии:

— У нас в комнате нет даже двери в туалет, ее заменяет шторка, повешенная нами лично.

— Хозяева запрещают нам разговаривать по-русски.

— И кормят нас два раза в день какой-то дрянью, каждый кусок считают.

Ангел и Андрей тоже выплеснули на нас поток своего негодования: живем, мол, в Марселе, город грязный, русских мало, а если и есть, то предпочитают скрывать свое истинное происхождение. И даже проститутки(!) если они русские и ты начинаешь разговаривать с ними на родном языке, предпочитают сбегать. Дальше последовал уже совсем странный вопрос:

— А вы здесь по визе?

— Да, а что?

— Нет, ничего, а телевизор у вас есть?

— Нет, мы оторваны от цивилизации.

— А хотите, мы вам его привезем?

— Хотим!!

— И вообще, я считаю, что это не случайно! — радовался Андрей. — В многомиллионной Франции встретить свои, родственные души, оставьте хоть номер, надо встретиться еще!

Тут мы доехали до Мандельё, обменялись телефонами и разошлись, как корабли в порту славного города Марселя.

— По-любому нелегалы, — сказала Наташка, — иначе бы про визу не стали спрашивать.

— Какая разница, — беспечно махнула Дашка рукой, — главное, что телевизор привезут.

— Интересно, как мы объясним его появление в нашей убогой комнате Аманде?

— Выиграли в лотерею!

— Купили на зарплату...

— Вариантов масса, как видишь!

Наша троица уже было наострила лыжи на пляж, но тут на нашем пути попался огромный супермаркет... то есть гипермаркет с соответствующим названием «Geant»¹, куда зашли мы, как водится, «посмотреть», а вышли с кучей полезных и бесполезных вещей. В числе полезных оказались рубашки по 4 евро, которые мы с Наткой прибрахлили себе для работы, и тапки для Даши, которая взяла моду, каждую поездку покупать себе новую обувь. К менее полезным вещам можно было отнести сумку, чтобы таскать на пляж вещи, и коробку круассанов, потому что хотелось есть.

Поступком, которым я горжусь до сих пор, стал отказ от кофточки с большим декольте по цене восемь евро.

Пляж мы искали долго и упорно. Потом плюнули на приличия и стали спрашивать у всех подряд. Покамест мы оббивали ноги о каменные плиты Мандельё, небо

сгустилось и пошел мелкий и противный дождь. Впрочем, мы, как всегда, сделали вид, что нам всё пофигу.

На пляже не было никого, не считая двух спасателей, сидящих под козырьком своей спасательной будки. Мы разделись и ринулись купаться, когда один из них подтянул свои красные трусы и, обдав нас фонтаном брызг, обогнал нас и, отплыв на некоторое расстояние, принялся изящно нырять «дельфинчиком».

Учитывая то, что французы не лезут в воду даже при малейшем намеке на дождик, становилось ясно, что правилами пренебрегли ради нас исключительно. Долгие и заинтересованные взгляды в нашу сторону подтверждали эту мысль, озарившую всех троих. Мы молча смотрели на представление голодными и недовольными глазами.

— Ну и что это, я дельфин, я дельфин? — пробурчала Наташка, поёживаясь.

— Скорее я — баран, я баран, — съязвила я, не в силах смотреть на выёживания Красных трусов.

Искупавшись, мы вылезли на берег и затряслись от холода. Выяснилось, что сухих трусов никто взять не догадался, а высохнуть под дождем, пусть даже и мелким, составляло некоторую сложность. Мы мрачно дожевывали остатки круассанов, когда Красные трусы всё-таки набрались смелости и подошли к нам познакомиться. Звали его Элиас, и он моментально очаровал нас своей непосредственностью, местами граничащей с болтливостью, причем на такой скорости, что понять что-либо было очень сложно. Впрочем, услышав фразу «Элиас, мы — русские и только вторую неделю живем здесь, так что говори помедленнее», он снизил темп речи, и дальнейшую беседу мы уже вели вполне спокойно. Обменялись телефонами и обещаниями обязательно встретиться и сходить куда-нибудь.

— Pêche! — озвучили близняшки свое восхищение на французском языке.

— Ну да, — не могла не согласиться с ними я, — милый, безусловно, но не в моем вкусе. Южный тип меня не привлекает. Черные волосы, карие глаза, густая растительность во всех местах... Мне нравятся славянские мужчины.

— Ускоряйтесь, — Дашка бодро шагала впереди, — нам еще и обратно ехать.

«Обратно» мы ехали с почестями и на двух машинах. Сначала нас подвезла милая девушка, сразу понявшая, что перед ней студентки нефранцузского происхождения. Путь до поворота к нашему отелю мы проделали в красном фургоне, вместе с голландской семьей, по ошибке принявшей нас за испанок. Мама, папа, страшная девочка и два симпатичных мальчика, особенно тот, который постарше, самый настоящий «Pêche!» Впрочем, это было лично моё мнение. К сожалению (а скорее всего, к счастью), наши вкусы с близняшками не совпадают.

— День прошел как нельзя лучше, — подвела итог Наташка, — и выспались, и в Мандельё сгоняли, и с Элиасом познакомились.

¹ Великан.

— Меня передергивает от мысли, что эти 17 км туда и обратно мы могли пройти пешком, как нам советовали Жереми, Лорис и Маленькая Дрянь, — пыхла я, преодолевая склон, на вершине которого располагался наш отель.

— Вранье это всё, — заявила Дашка, — пусть страшные люди, типа Соланж, которых никто не хочет садить в машину, ходят пешком, а русские красавицы будут ездить с почестями.

Самооценка, которая и на родине была очень высокой, во Франции, фанатеющей от светлых глаз и волос, просто зашкаливала. С мыслями об этом мы отправились на ужин.

За столом мы уплетали ненавистный салат из рыбы и дыни за обе щеки, и на такой скорости, что вполне можно было подумать, что мы действительно сгоняли в Манделье пешком. Однако хозяин всё-таки задал нам сакраментальный вопрос:

— А на чем вы ездите?

— Автостопом.

Все сидящие за столом переменялись в лице и отложили вилки:

— Что?!!

— Да, автостопом, — мы не теряли аппетита и бодрости духа.

— Это безумие, — прошептала Маленькая Дрянь.

— Это же очень опасно, — выдал Иво.

У меня в голове тут же всплыла фраза из старого анекдота: «А чего мне терять? Денег у меня нет, секс я люблю», и я тут же засунула себе в рот еще один кусок отвратительного, нежующегося мяса с кровью, и принялась изо всей силы работать челюстями, чтобы пригасить улыбку. Судя по близлежащим напряженно жующим лицам, их обуревали те же самые мысли.

Аманда тем временем просто из себя выходила:

— Нет, вы понимаете, что очень легко отделались, что вам просто повезло!!! Что я буду делать, если в один прекрасный день вы не вернетесь?! Где я буду вас искать?! Давайте договоримся так: вы просите меня, или Рене, или Фабриса, и мы отвозим вас куда нужно и во сколько нужно. Хорошо?

Мы согласно кивнули и снова принялись жевать, сосредоточившись исключительно на своих тарелках. Минут через пять чавкающую тишину разрядила уже всё слопавшая Даша:

— А еще, когда мы ехали автостопом, мы познакомилась с русскими!

Все присутствующие за столом снова выронили вилки и уставились на нас во все глаза.

— Вы... Вы познакомились с русской мафией? — Рене вытер ладонью вспотевший лоб. — В Каннах ее полным- полно.

Об этом мы уже были наслышаны от какого-то итальянца, который, узнав, что Натка — русская, полчаса втирал ей, что раньше итальянская мафия была номер один во Франции, а сейчас пришли русские и всем управляют они.

— Или это были хорошие русские? — кисло улыбнулась Аманда.

— Хорошие, — наперебой заверили ее мы, вспоминая бритую голову Андрея и тяжелый, мафиозный взгляд Ангела, — просто замечательные, сказали, кто обижать будет, звоните, приедем и разберемся. И вообще, они в Марселе живут...

Остаток ужина прошел в тягостном молчании. Выходя из-за стола, Рене наставительно сказал:

— Всё-таки не ездите больше автостопом... мало ли что...

— Ничего, — беспечно отозвалась я, — русская мафия сумеет нас защитить.

Услышав это, Аманда хлопнула дверью с такой силой, что штукатурка посыпалась. С этого дня все в отеле начали нас уважать и немножко побаиваться.

Вечером, докуривая последнюю пачку «Кента», мы задумались о возможностях русской мафии.

Однажды утром Аманда, Рене и все остальные проснутся от шума и криков. Они глянут в окно и увидят, как куча таджиков обустроивает наше убогое жилище, делая в нем евроремонт по последнему писку моды. К вечеру взору всех присутствующих предстанет мраморное крыльцо и три «мерседеса», черный, белый и красный, около него. А если кто-то захочет зайти, он увидит золотые унитазы в ванной, естественно, присутствующую туда дверь и три огромных кровати с балдахинами. Вечерами Даша будет приплачивать посетителям за то, чтобы они слушали ее пение, и чаевые в пепельницах будут оставлять не они для нас, а мы для них. А по окончании концертной программы над сценой будет открываться люк и оттуда будут сыпаться деньги. За три минуты до этого события мы будем предупреждать хозяина, отобравшего вчера у меня 20 центов:

— Рене! Внимание! Сейчас отсюда посыпятся деньги!!

О борьбе с хозяевами

Бороться с хозяевами можно только радикальными методами. Как когда-то говаривал великий Карлсон: «Низводить и укрощать!». То есть в достижение своей зачастую низкой и пакостной цели нужно сначала попросить хозяев о чем-либо заведомо нереальном и невозможном, потом чуть-чуть припугнуть, и только когда они ужаснутся, излагать свою первоначальную (и одновременно конечную) цель.

В один далеко не прекрасный день кто-то стянул у нас зажигалку, которую пару недель назад мы сами стянули у кого-то. Поток жалоб обрушился на голову Рене.

— Рене, кто-то украл наш огонь, — пожаловались близняшки.

— Быть может, пора бросать курить? — вопросительно поднял бровь хозяин.

— Быть может, пора начать пить? — внесла конструктивное предложение я и выразительно щелкнула пальцами по подбородку.

Через десять минут мы были обладательницами новенькой розовой зажигалки.

Точно так же вышло и с нашими поездками в выходные дни. Не хотите нас возить? Пожалуйста! Мы доедем сами! Автостопом! С русской мафией! Больше у нас не было проблем с поездками в Манделье и Канны. Правда, иногда нам было просто в облом идти к хозяевам и договариваться о местах и времени, и мы сбегали автостопом, дабы лишний раз потешить самолюбие и убедиться в собственной неотразимости, заставляющей самых разных людей останавливаться на обочине. Смелость, как говорится, города берет, а красота тормозит тачки на трассе.

О народных мудростях

Как гласит народная мудрость, радости, как и беды, имеют обыкновение ходить кучно. И если вчера на тебя пятьсот раз наорала хозяйка, хозяин, увидев, что ты неправильно положила на стол вилку клиенту, не преминул ехидно заметить, что «парадоксальным образом девушка, читающая умные книжки, не может выполнить простейшую операцию», а Иво и Соланж просто доводили тебя весь вечер дебильными шуточками, то сегодня утром светит солнышко, море зовет, волна поет и на горизонте рисуется русская мафия, грозящая отвезти нас в Мандельё ЗА ПРОСТО ТАК!

Воровато оглядываясь, чтоб ненароком не попасться на глаза хозяйке, мы вышли к автобусной остановке и позвонили Андрею и Ангелу, но трубку брать никто не торопился.

— Нас обманули! — я была настроена очень пессимистично.

— Надо дойти до поворота на Фрежюс, может быть, они заблудились, — Натка была полна энтузиазма.

По пути к заветному повороту, месту, где началась наша полная свобода, около нас затормозила полицейская машина и пожилой дяденька принялся что-то выяснять у нас на о-о-чень быстром французском. Мы растерянно молчали.

— Вы не говорите по-французски?

— Как это не говорим?! — возмутилась я. — Очень даже говорим!!!

— Вы занимаетесь кемпингом?

— Нет, мы идем в Мандельё.

Полицейский был ошарашен:

— Так это ж далеко?

— Ну и что?

— А где вы живете?

— В отеле «Эстирадо».

— А-а, — дверца захолопнулась.

— Мог бы и подвезти!! — заметила Дашка.

— А ведь всегда говорил «бонжур», когда встречал нас в деревне, около почты, — вспомнила Наташка, — а тут... не признал, что ли?

Дойдя до заветного поворота на Фрежюс, и потусовавшись там еще минут десять, мы решили в самый-самый последний раз позвонить русской мафии.

— Мы тут по вашим горам лазаем! — сообщил Андрей. — Скоро будем.

Чертыхаясь, мы дотацились обратно до автобусной остановки, по пути опять встретив недавнего полицейского и проигнорировав его; уселись на поребрик и принялись ждать. Не прошло и полгода, как около нас припарковался знакомый «фолькс» и улыбающийся Ангел подвинул переднее сиденье, давая нам возможность пролезть назад. По пути в Мандельё мы мило беседовали, получив в итоге клятвенные заверения в том, что нам привезут-таки телевизор на следующей неделе, договорились поужинать в субботу. Закончилось всё предложением поехать как-нибудь в Сент-Рафаэль, где общий друг Андрея и Ангела купил квартиру. Мы согласно трясли головами, твердо зная, что ноги нашей в этой квартире не будет. Да и подвох в плотоядных взглядах, которые бросал Андрей в зеркало заднего вида, я всё-таки видела.

— Не связывайтесь с французами, — отеческим тоном предупредил Андрей, высаживая нас около пляжа. — До скорого.

— Пока-пока, — помахали мы ему, и отправились реализовывать программу, которая заключалась в том, что каждая из нас ОБЯЗАНА завести себе французского ПА-Ацыка.

Здесь надо сказать, что программа была придумана, еще когда мы были на родине, и не имела ничего общего с желанием сделать всё поперек сказанного нашими мафиози. Хотя...

Назагоравшись на пляже, решив, что «какой-то день сегодня незагорательный», и совершив длительную прогулку по Мандельё, мы закупились в «Geant'e» и приняли соломоново решение ехать домой.

Подвозить нас, как выяснилось, никто не собирался. Пройдя примерно километр, я впала в апатию и настроилась на долгий и неблизкий путь домой, когда около нас затормозил дребезжащий «рено». Незнакомый француз, не говоря ни слова, поднял сиденье, пропуская нас с Дашкой назад и устроил Натку впереди, и только рванув с места, поинтересовался о «пункте назначения».

— Нам в Адре, — пояснила Наташка.

— Э, нет, это далеко, — разочаровал нас водитель, которого звали Фабьеном, — я подвезу вас чуть-чуть, а дальше сами.

В машине орала музыка, и из болтовни парочки на передних сиденьях нам не было слышно ровным счетом ничего. Однако мы с Дашкой успели заметить, что машина Фабьена свернула в какие-то ворота, вместо того чтобы ехать прямо по трассе.

— Мы куда? — заволновалась я, глядя на то, как «рено» лихо преодолевает кочки и ухабы.

— Мы к нему домой! — пояснила Наташка.
— ЗАЧЕМ? — мы с Дашкой чуть глаза на пол не выронили от удивления.

— Заедем на минутку, посмотрим, как там и что. Зато потом он отвезет нас домой!

Доехав до крылечка шикарного трехэтажного дома, Фабьен крикнул какому-то дядьке (судя по всему — отцу), что скоро вернется, и снова вырuling на трассу.

События развивались стремительно, и мы с Дашкой могли лишь пассивно в них участвовать.

— Наташа, тебе понравился мой дом? — учтиво осведомился Фабьен.

— Очень, — искренне ответила Ната, очарованная не столько особняком, сколько бородкой и блестящим пирсингом в брови нового знакомого.

— Ты бы хотела выйти за меня замуж и жить здесь?

— Да, да, — закивала Наташка, видимо, уже ображая открывающиеся перед ней и всеми нами перспективы.

Спустя минуту она уже примеряла на свой пальчик массивное кольцо, явно не подходившее ей по размеру, снятое с руки новоявленного «мужа». Естественно, согласие на ужин с ним и его друзьями сегодня вечером было дано незамедлительно.

Фабьен уже вовсю названивал кому-то, с восторгом сообщая ему, что «тут три русские девушки...» «симпатичные...» «сегодня вечером...» «да, они три сестры...».

— Ты зачем ему ляпнула, что мы — сестры, — Наташка еле сдерживала смех.

— Ты что, против такой сестры? — оскорбилась я.

— Нет, что ты, просто интересно...

Я пожала плечами.

— Просто так ляпнула. Первое, что в голову пришло.

Не знаю почему, но я решила, что так будет легче. На всяких сборищах с фабьеноподобными французами, как мне казалось, мы будем иметь успех чисто как иностранки. Близняшек не разлучат, а вот меня вполне могут тянуть в отдельную комнату со словами, «да это же просто подружки, забей на них». В консервативной, по большому счету, России подобное случается сплошь и рядом, что уж говорить о продвинутой и раскомплексованной Франции. А так — буду на родственные узы напирать. Вроде бы они пока еще в цене.

До отеля мы добрались без особых проблем и, договорившись, что за нами заедут в девять, поспали было краситься и прихорашиваться, но Фабьен возмущенно проорал нам вслед, что мечтает получить оплату за свои услуги. В виде Наташкиного поцелуя. Стандартные отговорки, типа «давай в другой раз» на него никак не действовали. Мы с Дашкой украдкой наблюдали за парочкой, буравя обоих критически-встревоженными взглядами.

— Ну что ж... за всё же надо платить, — выдвинула я народную мудрость в качестве аргумента.

— Я, кажется, знаю, кто и как будет расплачиваться за всё, — пробурчала Дашка полушутя-полусерьезно, но подошедшая Натка, к счастью, ее не услышала.

Наша маленькая ванная со шторкой, выполняющей роль двери, была сегодня востребована больше, чем терраса или кровать, наши любимые места обитания.

Я мылась, Дашка красилась, Натка сидела на унитазах, вертя кольцо «мужа» в руках.

— Куда мы поедем? — перекрикивала я шум воды.

— В какой-то ресторанчик, кажется...

— Вы не бойтесь, что нас завезут куда-нибудь?

— Манюня, — Дашка заглянула ко мне за шторку, — когда мы в нашем городе садимся в машину, мы всегда гадаем: завезут — не завезут. Пока еще ни разу не завозили.

— Знаешь, я не пессимистка, но наш город и Лазурный берег — это две большие разницы.

— Да не похож он на маньяка, — вступила в беседу Наташка.

— Знаешь, если бы все маньяки были похожи на маньяков... — я была настроена очень скептически.

— Это да, — вынуждена была признать Натка, — но мы уже договорились, а отказываться неудобно. Давай, вылезай из душа, ты что, операцию «Утка» там проводишь?!!

В общем, я позволила себя убедить. А сама лишней раз поняла, что мы с близняшками стопроцентные авантюристки. И что русский принцип жить «как фишка ляжет» отлично применяется и к нашей французской ситуации.

Вопрос: ехать — не ехать отпал сам собой, и на смелую ему пришел другой — что надеть? Все развратные майки с большими декольте отпадали в полуфинале, потому что наводили на вполне определенные мысли. И если в России большинство девушек одеваются подобным образом и на это никто не обращает особого внимания, то во Франции, это могло спровоцировать лишние домогательства, отмазаться от которых было бы несоизмеримо сложнее, чем на просторах нашей дикой родины.

Поэтому из недр шкафа была выужена любимая юбка с лохмушками и скромная голубая футболочка с надписью «Канны», купленная исключительно из-за этой самой надписи. Близняшки тоже оделись очень тщательно, соблюдая тонкую грань между скромностью и закрепощенностью. Купленное накануне розовое вино оказалось невкусным, и наколдиряться перед свиданием «trois a trois»¹ нам не удалось. Мы докурили последние сигареты, накрасили губы, а когда вошли в комнату, на часах было ровно девять, на телефоне два неотвеченных звонка, а на паркинге — припараженный и нервно бегающий туда-сюда Фабьен.

¹ Трое на трое (фр)

Доехав до ресторанчика «Le bouche a l'oreille», название которого мы так и не смогли связно перевести на русский, машина остановилась, и девушки отправились знакомиться с горячими французскими мужчинами. Звали их Николя и Ромэн, и оба были вроде бы ничего, но когда при встрече они мило расцеловались с Фабьеном, я закрыла открывшийся от удивления рот и подумала о том, зачем ЭТИМ мы?

Впрочем, нас тоже сердечно расцеловали и окинули критическим взглядом с ног до головы. После этого мы снова расселись по машинам и поехали. Извилистая дорога, темное небо с мелкими звездами и отсутствие каких-либо признаков цивилизации кругом наводило на нехорошие мысли о том, что везти может только до поры до времени и нас всё-таки собираются «завезти» куда-нибудь.

Однако события развивались до неприличия прилично. Мы поехали в маленький ресторанчик, где Фабьен старательно окучивал Натю, а я и Даша дремали, периодически просыпаясь и включаясь в беседу, к вящей гордости, ведущуюся на французском языке.

Я вдохновенно соврала, что являюсь младшей сестрой близняшек, фамилия которых, кстати, Шелеповы. Конечно, мы живем вместе, как здесь, так и в России. Дальше начались нестыковки: у девчонок часто не бывает денег, и я хожу к ним в гости с подарками, пельменями и макаронами. Совсем непонятно было при таком раскладе, почему, если наша фамилия Шелеповы, Шелей называют меня одну. Потом, чтобы продемонстрировать близнячью схожесть до того, как Даша подстриглась, началась демонстрация айсиков, в которых в графе пот (имя) значилось «Vostokova»... В общем, проколов было много, но мальчики слушали с открытыми ртами. Видимо, никто и никогда не повествовал им ничего более интересного.

После мартини в качестве аперитива и графина розового вина с незабвенными солеными орешками, на которые мы с Натой уже не могли смотреть, потому что таскали их из хозяйского погреба каждый божий день, русские девочки разошлись и заказали себе... водки. Родной на первый взгляд «Смирнофф» оказался чистой дрянью. Всё-таки, простите за каламбур, французы – нерусские люди! Натолкать в водку льда, то есть фактически разбавить ее водой, это надо додуматься! Хотя в какой-то книжке я читала, что выпить за ужином немного водки со льдом считается очень благородным. Французы в недоумении смотрели на то, как три милейшие девочки заглатывают алкоголь: мартини, вино, теперь вот водку и нисколько не пьянеют. Весело было всем. Радостный настрой несколько сбил Николя.

– Вы знаете, во Франции есть такая поговорка, если девушка смеется, она уже наполовину в твоей постели?

Дашка в недоумении уставилась на меня:

– Я не ослышалась?

– Это намек на то, что мы слишком много улыбаемся? – разозлилась я, но парадоксальным образом, мне хотелось засмеяться.

– Во-о-от! – торжествующе протянул Ромэн. – Посмотри, Нико, они всё равно улыбаются.

– Я даже русского эквивалента не могу найти этой поговорке, – протянула Наташка.

– Вообще это интересная мысль, – задумчиво сказала я, – надо запомнить, мальчикам на родине рассказать про опыт их европейских коллег. Пусть посмеются. И к сведению примут.

Чтобы разрядить обстановку, Фабьен официально попросил Наташкиной руки у нас с Дашей как у ближайших родственниц. Сначала он услышал презрительное «фи», но после того как добавил к предложению кошелек с кредитками и дом на берегу озера st.Cassien, «фи» сменилось на многозначительное «ну... надо подумать». Домой мы ехали целой процессией – впереди Фабьен с Натой, сзади, на другой машине, мы с Дашкой, Ромэном и Николя. На паркинге нас встретил Рене, а прощались мы под пристальными взглядами Фабриса, сидящего на своей террасе с друзьями. Вечером Наташке уже позвонил новоявленный «муж», с известием о том, что я очень понравилась Ромэну. Тяжко вздохнув о том, что мне-то как раз приглянулся Николя, я отправилась спать.

Наш маленький выход «трое на трое» стал темой для всеобщего обсуждения на целый день. Особенно усердствовал видевший нас Фабрис. «Мандельё, Ля Напуль, у-ля-ля, я потеряла свою голову в Мандельё, о, Мандельё-о-о-о-о-о...» – заводил он, стоило мне или Наташке попасть в поле его зрения. Дашка, которая трудилась непосредственно на кухне, слушала эту волюнку целый день.

Решив перевести тему, я вернулась к проблеме, которая занимала меня уже целую неделю. Дело было том, что одну из знаменитых французских певиц зовут Шеля, а я, как назло, не слышала ни одной песни своей тетки.

– Фабрис, я не могу найти диск певицы Шели, – пожаловалась я, счищая остатки чьего-то ужина в мусорное ведро.

– Хочешь, я напою тебе? – дружелюбно предложил шеф.

– Да!!

– Мадельё, Мандельё-о-о-о, как же я люблю Мандельё!!! – заголосил Фабрис на всю кухню.

Я расхохоталась, потом горестно вздохнула и отправилась дальше по своим делам.

Две секунды смеха

По вечерам, когда у меня выходной, я начинаю отчаянно скучать. Сегодня, написав всем друзьям в Россию кучу sms и добившись того, что телефон заблокировали, я отправилась на кухню – помогать Наташке.

Кухня – место с особой пищевой атмосферой. Она вся просто пропитана мыслями о вкусной еде. Поэтому

уже через полчаса работы я обычно начинаю просить что-нибудь съедобное у ее сотрудников. Сердобольные Фабрис и Лорис всегда дают мне что-нибудь вкусненькое, а вот Жереми, который отвечает за десерты, жмотится, не желая переводить продукты на меня. Однако, если нытье вроде «Ну, Жереми... ну не будь жадным, помоги бедным голодающим русским...» не прекращается в течение часа, то нервы «Короля десертов» не выдерживают, и он, ворча, выдает мне что-нибудь, чем я непременно делюсь с девчонками.

В этот вечер нам с Натой до дрожи в коленках хотелось торт. И несмотря на то, что мольбы продолжались уже два часа, все работники кухни только отрицательно мотали головами.

«Наверное, надо сменить пластинку», — пронеслась мысль в голове, и я тут же озвучила ее!

— Нат, давай лучше дыню просить.

— Давай, — согласилась Ната, — только о чем?

... На том и порешили

Особую прелесть во Франции приобретает ночь перед выходным днем. Особенно если он полный и совпадает у всех троих. Мы ложимся спать чуть позднее, чем обычно, когда вроде и хочется баю-бай, но ты понимаешь, что завтра с чистой совестью можно дрыхнуть до обеда и никто не попортит тебе этого удовольствия.

— Если погода будет дрянная, никуда не пойдем! — решительно заявили близняшки.

Я промолчала, точно зная, что даже если усилившийся мистраль размечет «Эстирадо» по кирпичикам, любовь шататься по окрестностям пересилит всё.

Звать нас на завтрак явилась сама Аманда. В первый раз в жизни, наверное. Немного прифигела, увидев огромный беспорядок в комнате, но виду не подавала. Клятвенно заверив ее, что есть мы придем обязательно, мы принялись не спеша одеваться.

— Девочки, я становлюсь шизофреничкой, — пожаловалась я, пытаясь утрамбоваться в юбку.

Близняшки приостановили процесс одевания:

— Почему?

Я помялась немного, но потом всё-таки созналась:

— Сегодня проснулась посреди ночи и услышала, как незнакомый мужик вон в том углу разговаривает по-английски.

Дашка с Наташкой дружно посмотрели на самый темный угол, потом на меня:

— И о чем же он говорил?

— То есть то, что он вообще присутствовал в нашей комнате, вас не удивляет? — возмутилась я. — А насчет английского... я ж ничего почти не понимаю!

— Кто из нашего персонала говорит по-английски... — задумалась Наташка, — хозяин? Так зачем ему нас пугать?..

— Жереми! — я застегнула юбку и повернулась к зеркалу. — Но объективных причин я тоже не вижу.

— А может, он и не хотел напугать, — вдохновенно разгоняла Наташка, — он просто читал... монолог Гамлета, к примеру.

— Всё, — Дашка взмахом руки прекратила необоснованный приступ веселья, — пошли на завтрак.

Слопав по отвратительной пицце, мы начали прорабатывать детальный план действий на русском языке и на глазах у всех.

Поймав пристальный взгляд Аманды, я поспешила по-французски объяснить ей историю с мужиком и английским.

Все участники завтрака тут же переключили внимание на меня. Лорис и Жереми недвусмысленно дали мне понять, что я, наверное, обкурилась. Горничные Нелли и Карина вежливо улыбнулись и продолжили свою неспешную беседу, близняшки, всё еще верящие мне, посоветовали ответить в следующий раз: «Hello! I'm sleeping here!».

Аманда посмеялась, посмотрела на меня и решила крикнуть «Fuck off, I'm sleeping!!» Впрочем, посмеялись, и хватит.

— Что делать-то будем, — в сотый раз спрашивала я, плетясь к родному крыльцу, — с мужем твоим. Нат, не потусуемся, он ногу сломал, к нему сиделка сейчас придет, а нам как быть?..

— Спокойно, — пыталась урезонить меня Дашка, — сейчас пойдем покурим, да и порешим.

— Порешим? — заинтересовалась Наташка, шагающая сзади. — А кого?

— Вопрос, достойный твоего вчерашнего «давай попросим дыню» — хихикнула я, снова приходя в хорошее настроение, — кстати, вы заметили, как тихо сидел Жереми, когда я рассказывала про свои ночные видения?

— Ага, — поддержала Ната, — я тоже заметила: сидит, ручки сложил, глазки опустил и думает: «Хоть бы никто не догадался, что это я «Гамлета» читал, хоть бы...»

За сигареткой всё порешилось само собой. Автостоп, Манделье — Ля Напуль, у-ля-ля. И поскольку вся Франция сегодня отмечала день Наташ (не Натали, а именно Наташ!) и у Натки был праздник, мы решили вынуть остатки денег из сейфа и пойти по магазинам. Аманда безропотно открыла его, даже не спросив, куда мы собираемся. Наверное, побоялась услышать очередной ответ. А мы, нацепив купальники, отправились в заветному повороту. Шагали мы долго и упорно и только миновали «Auberge des Adrets», находившуюся в трех километрах от «Эстирадо», татуированный дяденька по имени Фред подобрал нас и проводил чуть ли не до самого пляжа. Шагая к морю, мы рассуждали о том, что такое идеальный автостоп.

— По-моему, это как сейчас: сели и едем, никто не докапывается, минус пара незначущих вопросов: кто такие, откуда и как оказались во Франции. И вот уже

Рис. А. Митрофановой

на месте без особых проблем, — выразила я свое мнение.

— Нее-ет, — возразили мои любимые «сестры», — идеальный — это как с милым мужем. Когда вы в конце дороги обмениваетесь телефонами, а потом ты ужинаешь за его счет!

— Одинокие женщины — все на дороги Франции!! — выдвинула я лозунг. — Выездное брачное

агентство «Три сестры» вам поможет за мизерную сумму 500 евро.

— Бери больше!

— Да чё там, в самый раз...

Вернулись домой с симпатичным парнем из нашей же деревни по имени Макс, который тут же позвал нас на какую-то намечающуюся в выходные супервечеринку к его другу в соседнюю деревню.

Кроме приятных эмоций мы привезли домой вещи более материальные. Например, полторалитровую бутылку розового вина, при покупке которой дяденька-консультант в «Geant'e» только одобрительно кивнул, а тетенька-кассир просто офигела.

Придя домой и поужинав, мы уселись на террасе и начали отмечать день всех Наташ, новые покупки и ломку стереотипов, которая у большинства людей происходит годам к тридцати, а у нас в 18 – 19. Переоценка ценностей процентов на девяносто заключалась в том, что если мы раньше видели красивого мальчика, мы говорили: «М-м, р shel!»¹, а теперь говорим: «М-м, борщ!». Исключительно потому что персики во Франции – завалились, а вот с супами здесь большие проблемы. Их едят только зимой, и исключительно протертые. Когда же Дашка, в приступах ностальгии по Родине, начинает делиться рецептом нашего любимого супа, все присутствующие начинают морщиться, искренне не понимая, как можно есть варево, в котором плавают куски овощей, мясо и еще много всего, включая обычную капусту, которую Фабрис и компания просто ненавидят, используя вместо нее брокколи.

Остальные 10% ломки стереотипов упали на то, что ехать домой нам не очень-то и хочется, и вариант «выйти в будущем замуж за француза» не оценивается как отрицательный, и что можно и без образования получать свою 1000 евро в месяц и жить спокойно. И еще что мы обязательно вернемся сюда. Только вот третий курс закончим...

Через полчаса Ната отправила родителям смс следующего содержания:

«vo Francii segodnya den Nataw, mi eto delo otme4aem, muzh – driw, kupili sebe dzinsy i wtani, u nas vse xorowo».

Когда в бутылке оставалось совсем немного, мы решили поступить в принципе стандартно и пойти пошататься по деревне, а потом догнаться в баре. По пути мы совершили еще один типично русский поступок – позвонили Наткиному мужу и пьяными голосами, мешая русские и французские слова принялись разговаривать с ним, причём все втроем одновременно.

На середине пути за нами увязалась симпатичная черная собачка, ласковая, как и все французские животные. В честь нашего нетрезвого состояния мы окрестили ее Бухичем. И пока Бухич, виляя хвостом, носился туда-сюда по пустой трассе, мы нестройным хором исполняли на всю деревню: «Вела-а-а-а меня от юга и до севера-а-а», по ролям исполняя соло Виагры. Я, исполняя давнюю мечту, голосила: «Одна река была как белый день», искренне уверенная в том, что дни простаивания на солнце сделали меня блондинкой. Близняшки, путая партии, нестройно допевали остальное.

В единственном в деревне баре «У Пьера», официант долго и испытующе смотрел на нас, пытаясь поймать наши взгляды, которые что-то не хотели фокусироваться.

– Значит, два martini и пиво, – протянул служащий и с тяжким вздохом отправился выполнять заказ.

Пока мы ударялись в воспоминания о наших первых Любовях, Бухич, до тех пор мирно лежавший у наших ног, нашел себе друга, огромную черную собачицу, которую мы, недолго думая, окрестили Большим Бухичем. Собачки принялись носиться по террасе бара, сшибая столы и стулья, посетители от души веселились, глядя на них.

– Убирайтесь!!! – как-то очень уж по-женски взвизгнул официант в тот момент, когда мы встали и направились к выходу. – Нет-нет, не вы, девочки!! Я собакам!

Весь бар чуть не умер от хохота. По дороге домой мы не заметили ненавистную горку. Вот уж воистину верно говорят: «Море по колено тому кто под градусом».

На склоне незамеченной горки мы встретили Лориса и бодрыми голосами принялись вываливать на него свои нехитрые новости: ходили в деревню, пили в баре и нашли собаку, которую зовут Бухич. Лорис, по жизни офигевающий от нас, опять вступил в фазу офигения:

– Это моя собака. И зовут ее Лейка.

– Не-е-ет, – мотали мы головами, – это наш Бухич. Бу-хич, понимаешь?

Конечно, он ничего не понимал. А нам от этого было только смешнее.

Итогом праздника стало то, что Даша с утра смогла съесть только полкуска мяса, чем вызвала немалое удивление у хозяина: «Даш, ты не заболела ли?», заявление Лориса о том, что он хочет жениться на русской девушке, и письмо близнячьих родителей по электронной почте со словами: «Здорово вы, видно, нагрузились в День Наташ. И что такое muzh – driw, муж – дрищ, что ли?»

За всё надо платить

Если я чего-то и не люблю в этой жизни, то есть в этой Франции, так это работать с 10 до 18 часов. Поэтому что первую половину дня ты не можешь открыть глаза по причине раннего подъема, потом три часа скучаешь, выполняя скучные и необходимые обязанности вроде подметания террасы, готовки орешков и оливок, расставления свечек, и когда в 18.00 весь персонал, бодрый, веселый и отдохнувший, рассаживается за столом, ты, кисло улыбаясь, ешь вместе со всеми, а потом одна идешь домой, где уже через полчаса начинаешь отчаянно скучать, не зная, чем бы таким себя занять. Впрочем, выход один – идти помогать своим работающим подругам, вгоняя в культурный шок хозяев, себя саму и всех остальных.

¹ Персик (фр)

Проскучав позавчера с трех до пяти, я отправилась делать круг около бассейна, донимая клиентов одним и тем же вопросом: «Не желаете ли выпить чего-нибудь?». Получив пару положительных ответов, я отправилась выполнять заказ, когда дяденька в семейных трусах неожиданно открыл по мне прицельный огонь из водяного пистолета. Я убежала от него зигзагами, как заяц; удивительно, как при таком раскладе пустые бокалы на подносе остались целыми.

— Ты описалась, — не упустил возможности пошутить свою любимую шутку Рене, оглядев мою мокрую спину, — фу, как нехорошо! Ай-яй-яй!

— Нет, — оправдывалась я, — это клиент так пошутил.

— А-а, мужчина из пятой комнаты, — безошибочно определил хозяин, — в следующий раз можешь вылить на него пиво.

Я искренне надеялась, что следующего раза не будет. Наивным надеждам не суждено было сбыться — потому что буквально через 10 минут в баре появился очередной клиент с просьбой принести ему кофе к бассейну. Я одернула фартук и смело отправилась «на мины». Дяденька из пятой комнаты плавал на надувном матрасике посреди бассейна, а его пятилетняя дочь Саломея протягивала мне тот самый пистолет.

— Она не знает, как он работает, — мерзко хихикнул мой мучитель (или мочитель?) в ответ на немой вопрос его жены и начал причаливать к берегу. Как же он был неправ! Водяной пистолет был моей любимой игрушкой детства, и я надеялась, что прогресс с тех пор не ушел далеко вперед. Струя воды ударила дяденьке прямо в лоб. Я с садистским удовольствием дала еще один залп по спине, чтобы ему стало холодно и неприятно, а чтобы закрепить пройденный успех, наклонилась и устроила в бассейне цунами с помощью рук. И отправилась восвояси, думая, что дурацкий день закончен, можно поужинать и смело отправляться скучать в свою комнату.

На пороге кухни мило беседовали Лорис и Жерми, чуть поодаль перешептывались близняшки. Я поприветствовала всех присутствующих и, конечно, не заметила, как подбежавший сзади дяденька со вновь заряженным пистолетом облил меня с ног до головы, радостно заржал и убежал восвояси.

Увидев картину «Мокрая Шеля хватается ртом за воздух, подбирая подходящие слова из русской нецензурной лексики, чтобы выразить свои эмоции», подошедший хозяин то ли разозлился, то ли расшалился, но во всеуслышание сообщил, что я могу взять на кухне ведро воды и делать с дяденькой всё что хочу.

Я подняла на него полные благодарности глаза:

— Правда? Можно?

Рене не ожидал такого поворота событий, видимо полагая, что я отделаюсь стандартным «Угу, мерси»; но отступать от своих слов ему тоже не хотелось:

— Да. Иди, попроси у Фабриса ведро.

— Фабрис! Фабри-и-и-и-ис!!!!!! — захайлала я. — Мне нужно самое большое ведро самой холодной воды!!!

Фабрис, называющий меня не иначе как «моя любовь», исполнил мою просьбу мгновенно.

Весь персонал, узнав о готовящейся атаке, высыпал кто на крыльцо, кто куда. Близняшки даже получили разрешение поглазеть на баталию в непосредственной близости от бассейна. Я взяла ведро, в качестве алиби прихватила швабру и решительно направила свои войска к бассейну. Дяденька мирно лежал в шезлонге и выглядел очень довольным. Поняв, что швабра — чистое алиби и ведро предназначено исключительно ему, он побежал... но не успел. Ледяной поток обрушился на него. Мне аплодировали все присутствующие. Я сделала изящный книксен и отправилась восвояси с чувством выполненного долга, выплеснув на мужика остатки воды из ведерка. Мужик поймал меня и выкинул в бассейн. Прямо так. В фартуке и в обуви. Я успела только коротко и пронзительно взвизгнуть. «Тихий полет — это легко», — вертелась в голове строчка от Юли Савичевой, пока я барахталась в теплой водичке. Посмотреть на тонущую официантку высыпал весь персонал, обитатели отеля аж на балконы повылезали. В общем, смехопанорама, да и только. Мужик, потрясая Алиби-Шваброй, праздновал победу. Я, выжав волосы, отправилась переодеваться к ужину, скинув маме sms, в котором живописала всю ситуацию, добавив в конце «за это меня депортируют на родину. Завтра я возвращаюсь домой». За ужином я сообщила хозяевам, что за анимацию нам надо приплачивать, потому что в последнюю неделю веселили мы всех регулярно.

В понедельник Даша уронила себе на голову дыню. Как можно это сделать, если дыня — низкорастущий плод? — спросите вы. Дело в том, что под разделочными столами на кухне расположены восемь маленьких холодильников. Вынув из одного из них дыню, Дашка водрузила ее на край стола, и снова нагнулась, чтобы достать еще что-то. В этот момент дыня спикировала вниз, прямоком на Дашину голову. Шутки по этому поводу не стихали весь день, вышеприведенной причине никто не верил. «Ты, наверное, жонглировала дынями! — на полном серьезе предположил Лорис, опередив Рене, который тоже хотел поупражняться в остроумии по этому поводу. — Ты видела, как я вчера ими жонглировал, и захотела так же!»

Над Дашей смеялись бы еще долго, если бы на следующий день я не боднула беседку, не вписавшись в поворот. Принеся мне резиновую перчатку со льдом, Аманда сообщила, что сегодня вечером все беседки обслуживаю я; хозяин вообще не принял во внимание эпопею с не увиденным столбиком и решил, что я, чтоб доказать Даше, что я ловчее ее, тоже подкидывала дыню вверх. И даже смеховые истерики Соланж, видевшей собственными глазами процесс «забодания», его не вразумили. Через три дня — полет в бассейн. В итоге хозяйка сказала, что я могу позволять

себе такие глупости только в конце рабочего дня. И не очень часто. А не то...

В пять утра мой сотовый начал истошно трезвонить. Судя по мелодии, Пятой Симфонии Бетховена, моей мамочке не терпелось сообщить мне какую-то важную вещь.

— Алё... — я плохо соображала и говорила очень неразборчиво, — это кто? И чё надо?

— Маша, — рвался из трубки истеричный мамин голос, — как депортировали?!! Ты где? У тебя же нет русского паспорта! Мы не сможем встретить тебя в Москве!!!

— Мам, ты о чем? — спросонок я не могла ничего понять. — А-а, так ты что, я же пошутила. Да успокойся, никто меня депортировать не собирается. Мне тут нравится!!! И еще у меня 5 УТРА!!! МАМА, Я СПЛЮЮ!!! Всё, пока.

— Шутница фигова! — хором сказали близняшки, разбуженные мамиными криками.

Через 15 минут мне на сотовый пришло sms. Естественно, вставать было лень, поэтому я решила прочитать ее попозже. Но после того как кто-то настырный прислал еще две и, судя по всему, останавливаться не собирался, я решила поинтересоваться: что это за срочность такая.

А срочность такая исходила от моей подруги, которой пару дней назад я в шутку написала, что остаюсь тут на год с младшей близняшкой, добавив с легкой руки всё той же Наташки: «ну, Дашка приедет, всё расскажет». Разозленная и напуганная, подруга требовала ответа. Не выспавшиеся и недовольные близняшки потребовали немедленно выключить телефон.

А вот хозяевам шутка понравилась, оба очень смеялись.

О европейских шутках

Юмор всех европейцев, неважно, будь то Франция, Италия или Голландия, поражает своей тупостью, и последующим громким смехом после нее. Если ты в момент шутки находишься в хорошем настроении, то можно даже вежливо улыбнуться, но если в плохом, ты не можешь себя пересилить, чтоб выдать хоть какую-нибудь кривенькую улыбку.

Например, смешно ударить человека ложкой по голове? Вот и мне не смешно. А ведь это любимая шутка Соланж. А чтобы все поняли, что к чему, она всегда поясняет: «Je rigole»¹ и гадко смеется. А ты, потирая ушибленное место, отправляешься работать дальше, потому что хозяйка в большинстве случаев защищает ее, сообщая, что она еще маленькая и так вот шутит. Попало ей только один раз, когда она подкралась сзади и со всей дури съездила мне по голове тяжелым деревянным подносом. На мое счастье, эту

сцену увидел проходивший мимо Фабрис. Он достаточно жестким тоном сказал ей оставить меня и близняшек в покое и больше никогда не лезть к нам. Мне не было очень больно, но я старательно сопела и смотрела снизу вверх глазами побитой собаки. Страдальческий вид светлоглазой девушки, Фабрисового идеала, сделал своё дело. История дошла до хозяев, и в итоге Соланж больше не донимала нас своим юмором.

Любимая шутка Иво такова: поздним вечером, ты три раза за день выдраила кофемашину, приведение в порядок которой на нашем сленге называется «чистить зубы коню», потому что из пазов специальной щеточкой выскребаются все остатки кофепорошка, и создается такое ощущение, что ты чистишь верхнюю челюсть лошади в труднодоступном месте. Когда последние клиенты заказывают кофе, дьявольский агрегат можно смело мыть. Но случается так, что после помывки посетители заказывают еще одну чашечку, и работу приходится переделывать. Так вот. После того как ты в пятый раз за вечер вымыла кофемашину, Иво подходит к тебе и с самым серьезным лицом перечисляет: «Так... мне три эспрессо, пять капучино...» — и, видя гримасу ужаса на твоём лице, злорадно хихикает и уходит по своим делам.

Однажды за завтраком Соланж попросила у сидящей на краю стола Нелли передать ей хлеб, стоящий в центре, на что Нелли, шутящая каждое утро, сострила: «У меня что, на лбу «Бумер» написано?»

Но переплюнул всех, конечно, Рене. В какой-то из дней у Наташки болело горло, и добрая Аманда выдала ей пачку «стрепсилса».

— Помогла тебе таблетка? — заботливо спросила хозяйка у Наты.

— А то если не помогла, — встрял Рене, — у меня есть таблетки, которыми я чищу бассейн, продирает на 100%!!!

Впрочем, шутками над персоналом дело не ограничивалось. В один прекрасный вечер Рене и Аманда провожали очередных визитеров. Как известно, народ юга — бедный и жадный, по большей части двух евро чаевых от них не дождешься. Нынешние посетители как раз относились к этой категории, потому что их внезапно заинтересовала судьба вина, оставшегося на дне бутылки.

— Да вы не волнуйтесь, — утешил их Рене, — Аманда допьет.

Хозяйка позеленела и украдкой дала мужу тычка, но тот продолжал раскатисто ржать на всю округу.

В итоге Наташка даже предложила запускать гоготание хозяина по радио, в рубрике «минутка смеха».

¹ Я шучу (фр)

Евгения ШИПУЛИНА

НУГУШ

Анекдот похода: Погано... Но хорошо.

В конце концов, все сложилось не так уж плохо. И даже совсем неплохо. Погода, конечно, чудила. Но чего еще было ждать от неё в начале мая?

– Ребята, мы везунчики, – повторяла я весь поход. Действительно, это напоминало чудо. Дождь, непрерывно сопровождавший нас и днем и ночью, прекращался, как по мановению волшебной палочки, едва мы зачаливали на ночевку. Мы были лишены самого гнусного удовольствия: ставить и снимать лагерь под дождем. Хотя воды и снега с неба хватало. И с избытком.

В плохой погоде, безусловно, были виноваты ананасы. И завхоз, притащивший их на речку. То есть я.

Фото А. Склокина

За два месяца до похода, при первой нашей встрече, Чак (Леша Чарушников, руководитель нашего похода) с каким-то радост-

ным злорадством назначил меня завхозом (т.е. ответственным за питание). Я уже смирилась с этим роком. Всегда и везде по жизни я

Фото А. Склокина

то повар, то завхоз. И в этом есть свои плюсы. (Как и свои минусы).

Ладно, завхоз так завхоз.

Раскладку писали вместе с Чаком. Т.к. опыта серьезных водных походов у меня не было. И особенностей питания на таких маршрутах я не знала. Это была его идея, взять ежедневно по банке сгущенки на трех человек. Т.е. по пять на день. Как выяснилось на практике, такое количество сгущенки сожрать невозможно. (Я лишила людей удовольствия смаковать деликатес! Поскольку, когда деликатеса много, удовольствия от него ты не получаешь.) Каюсь, это был не единственный мой просчет. Что меня утешает, просчет был в том, что продуктов было взято с запасом (на всякий случай), больше, чем нужно, а не наоборот.

Часть продуктов закупили вместе с Чаком в Ашане. Часть я докупала сама, в последнюю неделю, таская каждый день домой тяжеленные авоськи.

За два дня до отъезда ко мне пришли девчонки, и мы раскидали продукты, запаковав их в мешки по дням. Чуть позже нарисовался Дима Плеханов и, увидев аккуратно запакованные мешки, возмутился: «А где же бардак? А если я чего-нибудь захочу из пятницы, это мне что же, пятницы ждать?»

Я была слегка в шоке. И постаралась объяснить ему ситуацию максимально доступно: я – начальник, ты – ...

– Понял, – спорить он почему-то не стал. Вместе мы упаковали мешки. Тут Дима не удержался и добавил, что, по его мнению, не хватает еще одного мешка.

- С чем? – удивилась я.
- С туалетной бумагой.

Такое резюме он подвел под всю мою работу.

Отъезжали мы 28 апреля, в субботу вечером. Лил проливной дождь. В последний час перед отъездом я металась, закупая хлеб 5-и и 7-и дневного хранения. Такого, чтобы не испортился до конца похода. Он продавался только в одном магазине, в центре. Я, отправив рюкзак на машине, ломанулась на метро в магазин. И к

Фото Е. Руквишиной

месту сбора тащила две авоськи с недельным запасом хлеба на всю группу.

Наконец все погрузились. Прощальный поцелуй, и автобус под проливным дождем двинулся на выезд из города.

Что я могу сказать об этой ночи в автобусе? Не дай Бог еще одну такую. Неудобный, жесткий, маленький, заваленный рюкзаками Пазик, прожевав нас всю ночь, утром выплюнул в Белорецке, у местной станции МЧС. Там мы перегрузились на две Газельки и продолжили продвижение к месту старта. Через сто километров, в Овзяне, пересели еще раз: на Газик «Буханку», который в два приема перевез нас в Бритяк, по совершенно непроезжей, раздолбанной вкривь и вкось дороге. Воздадим должное водителю-асу!

Позади себя мы оставили огромную толпу из Самары, количеством в 66 человек. Впрочем, через часа 4 они нас нагнали.

В точке старта была невероятная куча народа. Самара, Оренбург, Москва, Уфа, всех и не упомнишь. Все рассыпались по берегу, собирая каты под моросью, все торопились быстрее уйти.

Но в этот день стартовать нам не удалось. Хотя кое-кто даже надел гидрокостюмы. Катамараны были собраны только часам к шести вечера. Чак сказал, что куда-либо идти в это время смысла нет, и мы остались на ночевку. Для лагеря выбрали место повыше, подальше от общей толпы. Перетаскивали вещи, катамараны, поставили палатки, приготовили ужин.

Всю ночь ребята по очереди дежурили в лагере.

Фото Д. Плеханова

Фото О. Смирнова

30 апреля. Утром позавтракали и начали сворачивать лагерь, увязывать катамараны, спускать их на воду. Процесс это неспешный и вдумчивый. Готовы к выходу мы были только к часу дня (или к двум). Это был тот редкий случай, когда Чак ошибся. Он рассчитывал, что мы будем выходить часов в 12.

В это утро река опробовала меня на прочность первый раз. Но прежде чем я начну рассказывать об этом – небольшое лирическое отступление:

ГИДРА

Что такое гидра? Это не мифологический персонаж, с которым сражался Геракл. Гидра – это гидрокостюм. Вещь специфическая и крайне необходимая при сплаве весной на горных реках. Когда я узнала, что иметь её необходимо, то оказалась, мягко говоря, в затруднении. Тогда я начала обзванивать по очереди всех своих знакомых, имеющих какое-либо отношение к воде, с просьбой одолжить гидру. Безрезультатно. Тут я вспомнила об одном старинном знакомом, сотруднике МЧС и водолазе. Я дозвонилась до него и сказала, что он – моя последняя надежда. После непродолжительного молчания Леша поинтересовался моим размером. Да, гидры таких размеров – это редкость. Он такую нашел, но требовалась примерка. Еще недели две мы не могли состыковаться, Лешка постоянно был в разъездах. Дня за три до часа X мы созвонились, и он мне сказал, либо сегодня, либо никогда, потому что завтра он опять уезжал. И я поехала на базу МЧС на Шарташ, к черту на кулички. Минут сорок пешком от конечной остановки. Лешка торжественно вытащил мне какую-то супердорогую шведскую гидру. Бережно на меня её надел и с грустью констатировал, что ему самому она велика, а мне вот в самый раз. Хотя покупал он её для себя. Я в гидрах ничегошеньки не понимаю. Но Лешка обошел вокруг меня еще раз и сказал: «Кто понимает, тот оценит». (О, как эту гидру заценили наши мужи-

Фото Е. Шипулиной

ки! Они весь поход ходили вокруг меня кругами, пытаясь выспросить у меня то, чего я не знаю.) Леша проинструктировал меня, как обращаться с этой ценной вещью. Выдал к гидре фирменные тапочки, посоветовав привязывать их, чтобы не потерять. И строго поинтересовался, зарегистрировались мы или нет. Конечно, зарегистрировались, праведно возмутилась я. Мы еще немного потрепались, и я отправилась восвояси, гордая приобретением.

Вот эту самую гидру я и надела впервые в первый день сплава. Все вещи уже перетасили на самый краешек берега, где увязывали каты. Я решила помыть руки, встала на край, но он оказался подмыт сильным течением, и я как стояла, так и ушла под воду. Было неглубоко, и дно я доставала. Но течение было настолько мощным, что меня мгновенно сбilo с ног и потащи-

ло. Вода начала захлестывать голову, попадать в рот. Пытаюсь ухватиться за вроде бы близкий берег, но ничего не получается. У меня в руках остаются какие-то ветки, корни, и меня тащит дальше.

Пропаду... и запросто, – пронеслось в голове. На мое счастье, вода подтопила росшие по берегам деревья, и я успела уцепиться за ближайшее. И отнесло вроде бы недалеко от всех. Все случилось настолько быстро, что никто и не понял, что произошло.

Спасибо тебе, Ляхов, большое за гидру. Без неё наверняка хана была бы. Придется проставляться.

Увидела идущего Чака.

– Леш, помоги выбраться.

Он вытащил меня на берег.

– Надо же, – сказал, – только голову повернул, завхоза смыло.

Через несколько минут катамараны были готовы и спущены на воду. На спортивных катамара-

нах ноги закрепляются широкими ремнями в специальных приспособлениях. Это называется «встать в упоры». Когда я оседлала катамаран и сказала контрольную фразу: «в упорах», мне показалось, что я подписываю себе смертный приговор. Ноги настолько прочно были скреплены с катамараном, что казалось, если мы кильнемся (перевернемся), я так там и останусь «в упорах», навечно. Самый страшный момент был, пожалуй, не тогда, когда меня утщило течением, а когда наш катамаран оттолкнули от берега. Честно скажу, было жутковато.

Хочешь, не хочешь, страшно, не страшно, а в руках весло, так что вперед. Как только мы выгребли на середину реки, Чак тут же азартно направил катамаран на какие-то огромные валы (хотя кругом было места хоть отбавляй).

– Может, не надо, – жалобно попросила я

– Надо, – бодро ответил он, – надо же опробовать эту лайбу.

Ну, вот и смерть моя пришла, удрученно подумала я.

Нет, не пришла. Проплыла мимо. Я приободрилась. Отдам должное Чаку, весь этот день, давая мне (и себе) время привыкнуть, он вел катамаран тихими местами, не влезая в валы и бочки. Хотя и без этого неприятностей хватало. Ближе к берегам было полно «расчесок» (деревьев, низко наклонив-

Фото А. Ильиных

шихся над водой), и несколько раз за день мы пролетели под натянутыми над самой рекой тросами. Едва успевая пригибаться.

Наш катамаран, как командирский, шел всегда впереди. Это был катамаран двойка (т.е. с двумя гребцами). Как выяснилось много позже, меж остальными он носил название Чакушка. Еще три катамарана, входившие в нашу группу, были четверками (т.е. с четырьмя гребцами). Они тоже имели имена: Резвый, Ништяк и легендарный Лямзик. (О, Лямзик, труженик шивер и бочек, пою свою тебе хвалу! ... Гм... Простите, что-то навеяло.)

Наша двоечка, Ништяк и Резвый были спортивными судами. И двигались довольно ходко. Лямзик же был стар, неуклюж, но могуч. Он двигался по речке с резвостью асфальтового катка, так же, как он, равномерно закатывая под ноль все валы и бочки. Такая речка, как, Нугуш, была для него делом совершенно плевым, он двигался по ней по своему усмотрению, проходя все препятствия, как ему хочется. Где носом, где лагом, а где, вообще, кормой.

Первыми шли всегда наша двоечка и Резвый. Для Резвого это был первый «выход в свет». Он был сделан под парусную оснастку и как парусник имел хороший ход. Поэтому он шел вплотную за нами и даже имел наглость иногда выскакать «поперед батьки». Ништяк и Лямзик всегда отставали. И мы периодически останавливались, поджидая их.

Планировалось, что первый и последний катамараны пойдут с рациями. Для поддержания оперативной связи. Но на деле в первый же день выяснилось, что держать рации поверх гидры нельзя (можно выронить, намочить), а если предусмотрительно убрать под гидру, то достать их на воде невозможно. Гидра одевалась с утра, на целый день, наглухо изолируя тебя от внешнего мира, и снималась только вечером. И, например, такая простая вещь, как справить малую нужду, была в ней просто невозможна. (Если только внутрь гидры.) Что создавало не-

малые трудности. Да, чего-чего, а трудностей нам хватало.

Первая стоянка в этот день, первый перекус. Горячую еду на маршруте готовили только утром и вечером. Утром: какая-нибудь каша с мясом, вечером: густой супчик с бутербродами. А днем: перекус. На перекусы я брала хлеб, колбасу, сыр и сало. И, что-нибудь вкусенькое типа шоколада, шербета или козинаки. (На руках такого завхоза носить надо!) Чай на перекус набирали с утра в термосы и бутылки. У кого что было.

В этот день перекус я пропустила. В этот день я сидела на диетической кашке. И все досталось Чаку.

Мимо прошел катамаран со знакомыми самарскими лицами.

– У вас все в порядке?, – кричат с ката.

– Да, – кричим мы в ответ.

– А у нас байдарка кильнунулась, – сообщили самарцы, уносясь вниз.

Да. Вот так-то.

Тогда же на гидре Студента обнаружилась огромная дыра. На первом переходе он умудрился вырвать из гидры у колена целый клочок. (Из чужой гидры!) До конца похода он её так и не заклеил. Каждый день, утром, ему просто перематывали колесо скотчем, обеспечивая, таким образом, весьма условную герметичность.

Пока мы дожевывали, над головой что-то внушительно громынуло. И, как только мы встали на воду, началась гроза. Задул резкий холодный ветер, и полил дождь. Не просто дождь, а дождь с градом. Вообще-то при грозе по технике безопасности полагается быть на берегу. Но Чак сказал, все фигня, кругом горы, в нас не попадет. Идем дальше. Незабываемые ощущения. На реке, в грозу, под градом.

Обычно гроза кончается быстро, но нам попалась затяжная. Полдня над нами грохотало, сверкало и поливало. Мы проходили мимо зачалившихся групп. Особенно запомнилась одна. На довольно крутом склоне, под маленьким ярко-желтым тентом, размером примерно 1м на 1м, сгрудилась группа человек 8 и прыгала. Конечно, их можно было понять. Было холодно, и к концу дня мы все замерзали основательно. Но на воде есть только один способ согреться – махать веслом.

Поскольку всякого разного народа на реке было навалом, стоянку в первый день долго не могли найти. Ближе к шести вечера все подходящие места были уже кем-то заняты. Мы с Чаком как первые высматривали по берегам подходящие места, зачаливались,

Фото А. Ильных

смотрели. Наконец нашли более-менее подходящее место.

– Сыровато, – сказал Чак, осматривая поляну.

– А где ж ты сейчас сухое найдешь? – полюбопытствовала я.

– Сермяжная правда, – согласился Чак. И мы остались. Рядом тек ручей. Это было хорошо, потому что из реки брать воду для приготовления еды не хотелось. Она была грязной и мутной. Под питьевую воду везли 5-и литровые бутылки и набирали по ходу, в многочисленных ручьях и ручейках, впадавших в реку. Правда, этот ручеек тоже был мутным, но все же почище. Поставили лагерь. Приготовили ужин.

На ужин готовили суп-харчо. Густенький и остренький. На что Дима Плеханов тут же высказался, что: суп процентов на 20 острее, чем нужно, и, вообще, что это за рисовая каша. (Вот зануда!) Я ему ответила, что суп харчо должен быть острым по определению. А густой, потому что переварили его немного. (Я уже начала жалеть, что не последовала совету Чака и не включила в раскладку гороховый суп, который Плеханов на дух не переносит.)

Зато все остальные ели молча и быстро. Верный признак того, что супчик хорош. После ужина расчихлили гитару. Но засиживаться долго никто не стал. Вскоре все разбрелись по палаткам.

Палаток у нас было четыре. В одной спала компания: Герцог, Варя, Йорверт. Во второй связка: Юртаев – Оля – Макс. Третью занимала хохочущая еженощно непонятно над чем команда Резвого. В последней спали: я, Лена, Студент и Чак. Студент и Чак, как полагается, с краю. Мы с Ленкой посередине. Вообще, я мерзляка. Я взяла с собой два спальника, но и под двумя замерзала. Мы делали так: Лена в своем спальнике, я – в своем. Сверху укрывались моим вторым спальником и её вторым. Так было тепло. (Правда, Лена жаловалась, что я ночью постоянно стаскиваю с нее эти спальники.)

За день я намахалась веслом так, что вечером как-то неожидан-

Фото А. Ильиных

но разболелась рука. Я неосторожно пожаловалась на это Чаку. Он тут же обрадовано сказал: давай пересадим тебя на четверку. А то вот я Ингу обещал на двойку посадить. (Днем раньше он сказал, что и Студента он обещал обкатать на двойке. В общем, он пытался ссадить меня с ката каждый вечер. И чем же я ему так досадила?)

1 мая. Ура! С праздником, дорогие товарищи! С утра лил дождь. И Чак, посмотрев на небо, объявил дневку. В этот день каждый занимался чем хотел. Лена целый день отсыпалась. Инга затеяла мытье головы, заразив Юртаева. Он тоже начал мыться. Народ то тусовался у костра, периодически подбадривая себя первомайскими лозунгами, горячительными

напитками и песнями под гитару, то разбрелся по палаткам. Весь день, не переставая, лил дождь. То проливной, то моросящий. Было настолько мерзко, что Чак сказал, что такой погоды он еще не видел. Даже обеда в этот день готовить не стали. (Чего ж потом удивляться, что продукты остались.) Зато ужин был праздничный. Мы сварили глинтвейн, замесили походный тортик, и я попросила дежурных открыть припрятанную баночку ананасов. И так:

АНАНАСЫ

Кто не знает, что такое ананасы?

Тот, кто не был с нами на реке, тот не знает всей прелести. Еще в городе, собирая продукты, мне все

Фото А. Ильиных

уши прожужжали про прошлогодний поход. В котором тушенка и греча кончились раньше, чем ананасы. Более того, когда ананасы были съедены, выпало полметра снега. Я видела эту фотографию. Катамараны под шапкой снега. Мне бы и в голову не пришло та-

щить с собой лишнюю тяжесть на речку. Я еще в своем уме. Но, наслушавшись этих баек про ананасы, я не удержалась и буквально в последний момент взяла пять банок.

Пожалеть об этом пришлось всем.

После ужина мы с Йорвертом отправились шаманить. (Леша поразил меня тем, что просил прощения и разрешения у дерева сломать несколько веток, когда они нам понадобились. Очень уважительно и серьезно просил.)

Сначала Лешка предложил мне пошаманить, видимо в шутку, но все было очень серьезно. Мы забрались на гряды и торжественно попросили всех кого можно о благополучном завершении нашего мокрого мероприятия. Просили хорошей погоды. Просили за себя и за всех, кто на реке.

2 мая. Утром следующего дня мы проснулись оттого, что тент, оборвав веревки, упал на палатку. Чак, чертыхнувшись, полез наружу

привязывать его по новой. И никогда не забуду вопль, который я услышала:

– Мать твою, эти ананасы

На улице лежал слой снега... Вернувшись в палатку, Чак объявил слово «ананасы» запрещенным, а оставшиеся банки пообещал утопить в реке. Не то что бы я чувствовала себя виноватой. Но было как-то очень неуютно.

Но после завтрака неожиданно мы впервые за весь маршрут увидели голубое небо и солнце. Начало пригревать. Снег стал стремительно таять. К моменту спуска катамаранов на воду его уже не осталось совсем. Погода приобрела статус комфортной. Но Диму Плеханова все это не радовало. Он ходил и громко вопрошал окрестности: «А где же жопа? Так быть не может. Где-то должна быть жопа. Где она?»

Вскоре мы её получили по полной программе. Допросился.

Река испытала меня второй раз.

Фото А. Ильиных

Вышли как обычно то ли в час, то ли в два, вместо двенадцати. Мы с Чаком первые. За нами – Ништяки. Остальные подотстали. Это их и спасло.

Буквально через километр река разделилась на два рукава. Протоки на реке дело обычное. Тут важно определить, который рукав основной. Есть несколько правил. Следуя им, Чак повернул катамаран под высокий берег. Но на сей раз он ошибся. Мы увидели, что течение реки просто уходит в затопленный прибрежный лес. Надо было выбираться на чистую воду, в другой рукав. Я предложила Чаку повернуть обратно и выгрести против течения. Или хотя бы попытаться. Но он нравоучительно сказал:

– Мы здесь чтобы учиться. Значит, будем учиться. Пойдем через лес.

– Не пройдем, – возразила я. Но Чак твердой рукою уже вел катамаран поперек течения, напролом, через лес, к чистой воде. За нами следовал Ништяк. Отставшие катамараны, видя, что мы явно ушли не в ту протоку, повернули в нужном направлении. Они дошли до ближайших кустов, там зачалились и стали наблюдать происходящее. Было до них метров 200. Вначале все было благополучно. Мы потихоньку пробирались по кустам, и до воды оставался всего один решительный рывок. Не тут-то было. Внезапно поток обрел мощь.

– Вперед, – заорал Чак.

Я налегла на весло, но оно уперлось в дно, и рывка не вышло. Течение неумолимо несло нас на дерево, но это было еще полбеды. Мой баллон прямиком несло на острый сук, торчавший из воды. Сейчас пропорет баллон. Я заорала и попыталась веслом отпихнуться от дерева. Куда там. Катамаран намертво прижало течением к дереву.

– Это называется прижим, – прокомментировал Чак. – Не кильнулись. Это хорошо, будем думать, что делать дальше.

Выше по течению, метра на полтора, в такой же прижим попал Ништяк.

В это время баллон, на котором сидел Чак, под напором воды начал уходить под воду. Если его утащит струей еще глубже, мы перевернемся. Чак ругнулся и быстро перебрался на середину рамы, чтобы облегчить баллон. И ворчливо сказал, что надо было грести по команде. А ты не выгрела, потому и встряли. (Короче назначил меня крайней.)

– Если мы сейчас слезем отсюда, то застрянем на следующей коряге.

Действительно, хищно растопырившись, метра через два нас поджидала коряга.

Фото О. Смирнова

– А если проскочим эту, то автоматом попадаем на следующую.

Следом за первой торчала еще одна коряга. Миновать их было невозможно. На них нас по-любому сносило течением. А баллон Чака продолжал погружаться. Перед глазами нарисовалась грустная картинка, как я сижу на дереве, недельки этак две, и жду, когда же спадет вода. Веселенькая перспектива. Тут меня осенило. Я промерила глубину веслом. Оказалось не так глубоко, не больше метра. Это нас и спасло. Чак, приняв решение, слез с ката, взял чалку и, преодолевая напор воды, дошел до ближайшего дерева выше по течению. Благо до него было метра полтора. Как раз на этом дереве

сидел Ништяк. Потом, по веревке, к этому же дереву пробралась я. Вместе мы начали чалкой вытягивать катамаран из прижима. Насколько смогли, оттянули его от дерева. Я по веревке вернулась на катамаран. А Чак стал выручать Ништяка. Он, преодолевая напор воды, немного оттолкнул его от дерева. Этого оказалось достаточно. Ребята в четыре весла приналегли и проскочили на чистую воду. Через несколько минут, они присоединились к остальным.

Народ с Резвого и Лямзика, что-то кричал нам, жестикулировал. Но что, разобрать из-за шума воды было невозможно. Тем вре-

менем Чак сел на катамаран, и мы еще раз попытались выгрести. Безрезультатно. Нас снова прижало к тому же дереву. Но уже под другим углом. Нам повезло еще раз. Потихоньку течением катамаран начало разворачивать, и с прижима мы ушли. Но тем же течением нас понесло в самую гущу затопленного леса. И метров через 10 мы опять застряли у дерева. Течение здесь было послабее, и я, слезши с катамарана, стала его выводить.

– Ты так на меня смотришь. Куда ты завел меня, старая скотина, – сидя на катамаране и глядя на меня сверху вниз, посочувствовал мне Чак.

– Ну, не такая уж и старая, – отшутилась я, выводя катамаран из

зарослей. Через пару минут Чак тоже слез с ката и присоединился ко мне. (Наверно, совесть проснулась). Да, было бы хорошо вот так потихоньку вручную вывести кат из леса. Не получилось. Дно резко пошло вниз, течение снова усилилось, и мы еле успели вспрыгнуть на кат. Нас понесло на какие-то кусты (Господи, сейчас порвемся, пронеслось в голове), но наша двоечка, как танк, проломилась через них, и нас вынесло на чистую воду. Ура!

– Да, Чак, имя теперь твое будет – Сусанин, – подытожила я.

Группа снова была вместе, но на этом приключения дня не кончились. Сплав в этот день был экстремальным. Сутки ливший дождь и растаявший снег подняли уровень реки примерно на полметра. Такой напор воды был просто страшен. И я понимала, что любая ошибка обойдется дорого. Разбушевавшаяся стихия размажет любого. Даже азартный Чак, видимо, решив не испытывать судьбу, в этот день не лез лишней раз в бочки и шиверы.

Весь день с неба то моросил дождь, то шел мокрый снег. Погода нас не радовала.

– Господи, какое счастье, какое счастье, что я не взяла с собой детей, – повторяла я. Пожалуй, для меня это был единственный повод для радости.

В мокрых перчатках ужасно замерзали руки. Когда на остановках мы выходили на берег, всех колотило крупной дрожью от переохлаждения. Но зато все это с лихвой компенсировалось красотой берегов. Вокруг стояли зачарованные скалы, будто списанные из бажовских сказов. А по ним дробились водопады и водопадки. На северных склонах все еще лежал снег, который множеством ручьев сбегал в реку.

– Нугуш, – страна ручьев, – повторял Чак и, любуясь скалами, добавлял: – Чусовая отдыхает.

В этот день мы должны были пройти первую деревню: Гелиакберово. Кажется, так. Она находилась ровно на середине маршрута. И от того, когда мы её пройдем, зависел дальнейший график движе-

Фото А. Ильиных

ния. Говоря проще, будет у нас еще одна дневка или нет. Перед деревней был новый мост, которого Чак еще не видел, а потому опасался.

Его мы заметили ближе к пяти часам вечера. Чак решил проинструктировать экипажи перед проходом, и мы начали чалиться. Но по такой воде зачаливание оказалось делом непростым. Резвый, который шел последним, не успел вовремя выгрести, и его просто протащило мимо. В общем, мост он проскочил без инструктажа.

Пока мы ждали, когда соберутся экипажи, Лена решила сходить до ветру. И хотя она была не в гидре, а всего лишь в химзащите (АХЗ), дело это было непростым. Я отправилась с ней, помочь разоблачиться. Сначала был кропотливый процесс раздевания, потом обратный процесс – одевания. Когда последний подошел к концу,

Лена, дама давно и окончательно замужняя, задумчиво сказала: «Это сколько же надо сил, чтобы лишиться меня невинности!»

(Без комментариев.)

Команды собрались, все разобрались по катамаранам, и караван двинулся на штурм моста.

– Проходим между 2-й и 3-й опорой, – кричал Чак.

– 2-й и 3-й справа или слева? – кричала я.

– Справа...

Через минуту, когда стало понятно, что мы не впишемся:

– Слева...

Все мы прошли под мостом удачно. После моста к нам присоединился Резвый. За пару минут, увлекаемые бешеным течением, мы пролетели деревню, расположенную на живописных горках. И вскоре начали искать место для ночевки. Мы с Чаком тыкались то

в правый берег, то в левый берег, но ничего подходящего не могли найти. Наконец справа мелькнуло вчерашнее, еще дымящееся, костровище. Мы налегли на весла, зачалились и пошли осматривать поляну. (В этот поход странным образом все наши стоянки были по правому берегу.)

Поляна была большая, но большей частью залитая талой водой и заминированная конским пометом. Мы решили обосноваться в дальней её части, которая была повыше и посуше остальных. В этом был и минус, т.к. пришлось далеко таскать вещи, разгружая катамараны. Шлепая по лужам, мы начали переносить груз.

– Дождик, дождик, ты устал, целый день нас поливал. Спать тебе идти пора. Баю-баюшки, пока, – уговаривала я дождь. Капризно брызнув напоследок двухминутным ливнем, он действительно оставил нас в покое. Пока мы ставили лагерь, к нам в гости пожаловали лошади в количестве трех. Они полюбозыничали, чем мы заняты, и поскольку ничего вкусного им не перепало, удалились восвояси.

После разгрузки катамаранов Чак обычно куда-то исчезал, взяв в руки фотоаппарат. Предоставляя все хозяйственные заботы остальным. Я же обычно ходила, строила всех, и ворчала. Я не ожидала от себя столько ворчания. Я разда-

вала ценные указания дежурным, заставляла их разводиться для сушки отдельный костер, отгоняя всех лишних от кухонного костра. Следила, чтобы дежурные убирали продукты на ночь.

Однажды я даже поинтересовалась у Чака, а не слишком ли много я ворчу? На что он сказал, что все нормально и что нужен такой человек, который будет всех строить на берегу. А его, Чака, дело обеспечивать безопасность команды на воде. (Короче, опять назначил меня крайней.)

В этот вечер, сидя у костра, Варя пересказала подслушанный (конечно же, случайно) разговор. За её палаткой разговаривали двое.

– А давай меряться, у кого больше.

– А давай.

– А у меня больше, чем у тебя.

Пауза.

– Зато у меня толще!

– Мальчики, – осторожно поинтересовалась Варя из палатки, – а чем вы там меряетесь?

– Топорами, – последовал гордый ответ.

(Без комментариев.)

Ко мне подошел Чак, с участливым вопросом, а как моя рука.

– Нормально, – отвечаю, – а что?

– Да вот, – говорит, – все-таки хочу Ингу на двойку посадить.

(Блин, да что же это такое?)
Глядя на бешеную речку, отвечаю:

– НЕТ. Чак, а ты не боишься необкатанную девочку по такой воде на двойку сажать?

– Тогда я на водохранилище её посажу.

– На водохранилище – пожалуйста, – согласилась я.

После ужина самой первой в палатку, как обычно, удалилась команда Резвого. Эти ребята всегда отличалась дисциплиной и оперативностью. Всегда и везде они были в боевой готовности и первыми. Но ушли спать не значит спали. Сегодня палатка буйствовала особо. В конце концов, меня одолело любопытство, над чем они так громко ржут, и я довольно бесцеремонно влезла к ним в палатку. Меня тут же окрестили «полицией нравов», и веселье как-то поутихло. Видимо, веселиться у них получалось только своим коллективом. Пришлось уйти, чтобы не вносить диссонанс в компанию.

Этим вечером наш кат принимал дежурство. Дежурили мы катамаранами, каждый вечер передавая дежурство, как эстафетную палочку. Но все команды были по четыре человека, а нас-то было двое. Но отцы (и матери) командиры не ударили в грязь лицом.

(Продолжение следует)

фото В. Бандукова

Городской пруд

Полевской

На восточном склоне уральского хребта в верховьях реки Чусовой раскинулся город Полевской. Знакомство с этим городком, находящимся на перекрестье Европы и Азии, начинается с самого детства, со сказок Павла Петровича Бажова. «Колдун уральский бородатый», – сказал когда-то о Бажове поэт Демьян Бедный. Сказал, да не просто так, ведь фамилия Бажов происходит от слова «бажить», что значит ворожить, предвещать. Родился наш уральский сказатель 27 января 1879 года в семье рабочего Петра Бажова. Детство и отрочество писателя прошли в Сысерти и Полевском – старых заводских поселках, со временем выросших в города.

Город, а сколько тебе лет? Покачает седой главой, призадумается, да не сразу ответит. Ведь официально днем рождения Полевского считается 1718 год, но уже в самом начале XVIII века образовались здесь населенные пункты. В апреле 1702 года думный дьяк А.А. Винус приехал в деревню Полевою и взял эту землю в ведение казны, ведь земля оказалась медью и железом богатая. Медные да железные руды высокого качества привлекли внимание столицы, и в 1722 году Виллиму де Геннину был дан указ: «за Чусовой рекой, у Полевой речки, на старинной земле государевой построить медные заводы и крепость в пристойном месте для со-

держания и охранения тех заводов от башкирцов». Так, через год была основана крепость, а к 1727 году завершено строительство Полевского медеплавильного завода. Затем в семи верстах от Полевского был пущен Северский железоделательный завод.

Будучи убыточными при казенном правлении, заводы Сысертского округа, Северский и Полевской, вместе с Гумешевским медным рудником, в середине XVIII века, были проданы А.Ф. Турчанинову. «Нашу-то Полевою, сказывают, казна ставила... на Гумешках, видишь, в ту пору видимое богатство поверху лежало, – к нему и подбирались. Народу нагнали, завод установили, немцев каких-то навезли, а не пошло дело. Вот тогда наша Полевая и попала Турчанинову... до того он – этот Турчанинов – солью промышлял да торговал на строгановских землях и медным делом тоже маленько занимался... Как услышал, что у казны медный завод плохо идет, так и подъехал: нельзя ли такой завод получить? Мы, дескать, к медному делу привышны – у нас пойдет¹».

Вступая во владения, Турчанинов обязался по традиции содержать заводы «в добром произведении,

¹ П.П. Бажов. «Две ящерики»

всякой исправности, распространять и умножать сильной рукой...». И он сдержал данное обещание.

Во второй половине XVIII века Медная гора раскрыла свои богатства и Гумешевский рудник стал известен на весь мир. Причиной тому стал зеленого оттенка минерал с причудливыми узорами — малахит. Известный ученый и путешественник Петр Симон Паллас дал такое описание гумешевскому малахиту: «...в Гумешевском руднике есть твердый малахит, или твердая медяная зелень, которая бывает двоякого рода: первой видны по граненым кускам самые прекраснейшие цветные темно-зеленые полосы и воды, коих совершеннейшей красоте и доброте, одной только не достаёт твердости... Другой род ветвист или на подобие пуху изнутри к наруже лучист, цветом темен, тяжел, богаче первого, на поверхности как бархат, а в изломе как атлас...». Ввиду такой находки предприимчивый Турчанинов сразу же создал гранильную фабрику, собрал умелых мастеров и обеспечил широкую известность уральскому поделочному камню. Этим малахитом отделаны залы Зимнего дворца Эрмитажа, а подарком Александра I Наполеону стали стол, ваза и канделябр из малахита.

Самый лучший памятник этому удивительному камню — литературный. Сборник сказов «Малахитовая шкатулка» — это россыпь рассказов, легенд, народных преданий, собранных по камушкам в ожерелье уникальной красоты, ограненное мастером П.П. Бажовым.

В городе Полевском и его окрестностях мы можем изучить добрую часть богатой «кладовой» уральского фольклора.

Сюжеты для будущих сказов юный Павел начал «копить» еще с детства. Семья Бажовых проживала в Полевском с 1893 года, в течение трех лет, и малень-

кий Павел частенько бегал слушать сказки к дедушке Слышко. Василий Алексеевич Хмелинин, а для ребят — дедушка Слышко работал сторожем дровяных складов при заводе, и у его сторожки на Думной горе собирались ребяташки послушать интересные истории про девку Азовку, про Полоза, про всякие земельные богатства...

Да и сама гора о многом может нам поведать. Думная гора — это уникальный археологический объект, памятник медеплавильного производства, по которому можно проследить весь цикл процесса плавки металла в эпоху раннего железного века. В начале XX века на горе были собраны фрагменты медной руды, лепной керамики, подтверждено существование здесь древнего городища, по типу заводского.

А название свое гора получила во времена Пугачевских восстаний. Емельян Пугачев, стоя на вершине горы, где находились посты, думал, идти в наступление или отступать, увидав приближающиеся к городу царские войска. С тех пор и повелось Думной гору величать. Да и вообще многие значимые события обсуждались на городской горе.

Немало на городских улицах старинных зданий, памятников истории и культуры. Практически ровесником города является храм в честь святых апостолов Петра и Павла. Старинная церковная книжка ведаёт такую легенду о названии храма. Первые поселенцы в краях здешних были разбойного роду-племени, получили разрешение у татар на строительство жилища на теплой стороне Барабы-горы (Думной). Жили они в мире, делились умениями, мастерством своим друг с другом. Но однажды утром услышали ссору сильную, выбежали и увидали, что пришлые разбойники требовали что-то у трех старцев. Помогли они старцам, от разбойников

Музей Бажова

фото Т. Черемисиной

Мозаика

фото Т. Черемисиной

отбились. С тех пор так и гуляет легенда по устам, хоть все уж и позабыли, что требовали бандиты у немощных старцев – Петра, Павла и Ильи. Первые сорок лет церковь была деревянная, а затем с согласия Алексея Турчанинова, началось строительство каменного здания церкви. Во время перестройки здания церкви под автовокзал в 1965 году здесь нашли старинную могилу, в которой находилось множество серебряных вещей.

Традиционно зимой, в канун Рождества, во дворе храма возникает веселый рождественский городок, с большой елкой и рождественским вертепом из снега и льда.

В число городских построек прошлых веков входит господский дом-усадьба Турчаниновых, где также есть свои тайны. Во дворе раньше здесь был колодец, в котором на глубине четырех метров рекой бежала вода из пруда под завод. В подвале дома стоят две печки, одна из которых сделана для проплавки руд в небольших количествах, а вторая очень напоминает большую плавильную печь. Когда здесь нечаянно откололи отсыревший кирпич, оттуда вывалился миниатюрный безмен. Сейчас рассматривается вопрос о реставрации этого архитектурного памятника.

Близ горы Думной, спускаясь вниз по улице, мы видим историко-краеведческий музей города. В здании высшего образовательного мужского училища, построенного в 1916 году, в начале 20-х была открыта фабрично-заводская семилетка, при школе действовала кузница, столярная мастерская, приусадебное хозяйство. И только в 1980 году из старого жилого дома сюда переехал краеведческий музей, для которого были тщательно подобраны новые интерьеры. Постоянная экс-

позиция музея отражает две основные темы: «История края от древности до современности», «Семья Бажовых в Полевском заводе. Сказы Бажова». Особый колорит музею придают витражные окна во всех залах музея. Цветные витражи передают особенность каждой комнаты. В большом зале, где проводят лекции по истории родного края, показывают фильмы, на окнах стеклянной мозаикой выложены яркие пейзажи города. Здесь представлена часть «клада» с горы Азов – железные птицеобразные идолы и наконечники стрел, которым более двух тысяч лет. Под потолком находится сказочная картина, на ней фоном изображены горы удивительного цвета, а на переднем плане – длинноротый седовласый старец, уж очень похожий на колдуна. В комнате, посвященной Павлу Петровичу Бажову, представлены фотографии, первые выпуски сказов, макет сторожки, куда юный Павел бегал слушать сказки. На витражах этой комнаты мы видим Данилу-мастера и его невесту Катерину.

Вторая легендарная гора – Азов – находится в окрестностях Полевского. Гора является природным и археологическим и памятником, здесь находилось древнее поселение металлургов в IV – VI веках н.э. В середине XX века двое школьников играли на горе Азов и случайно нашли клад – бронзовых идолов птицевидной формы.

Существует несколько легенд о происхождении названия горы. Одна из них гласит о местном разбойнике Азове, который грабил только богатых купцов, везущих драгоценные камни. Часть награбленного он раздавал бедным, за что те его очень любили и всячески помогали.

Азов-гора

фото В. Байдукова

Также существует научный вариант названия горы. Форма здешних скал похожа на острый зубчатый гребень, что дает основание полагать что «Азов» – видоизмененное татарское слово «азау» – что в переводе значит – зуб.

Другая легенда повествует нам о чудском люде, скрывающемся под землей. И в глубокой пещере горы живет девка Азовка, что «красоты была невиданной: статная, пригожая, глаза большие темные да глубокие – как два колодца». Гора таит несчитанные богатства, которые и охраняет Азовка-краса. «И сидит она по сей день – ждет, когда придет возлюбленный, да назовет ее дорогое имечко – и раскроются клады»²...

У подножья горы расположился поселок Зюзельский. Начало поселку положило месторождение железной руды, открытое в 1902 году. А через год здесь обнаружили серно-медные колчеданы, и началась активная разработка – к 1917 году здесь было открыто уже восемь шахт. Так со временем Зюзелка росла и развивалась. А раньше места здесь глухие были, «тайга, кругом топи, ни дорог, ни тропинок. Отыщет старатель богатую жилу, заприметит местность, «знаки» какие надо оставит. Назавтра пришел – ни примет, ни знаков. Будто все в колодец провалилось. Так и звали эти богатые, но заколдованные места – Синюшкин колодец»³. Много золотоискателей земля эта перевидала, бывали и удачливые старатели, но в основном искатели богатств «голосом выли» да «голодом были». Потому что хозяйка этих болот, Синюшка, показывала места драгоценные людям не алчным, честным и смелым.

Поселок Зюзельский также славится своими мастерами – ткачами, скорняками, резчиками по дереву.

В десяти километрах от горы Думной находится село, Косой Брод. Удивительной красоты здесь природа. Высокие леса, состоящие из сосны, пихты, лиственницы, березки, рябины – словно драгоценная оправка вокруг села. Западный край села заканчивает река Чусовая, богатая разнообразной рыбой и раками. Это единственная в мире река, протекающая по двум частям света – из Азии в Европу. Наряду с другими существует такая интересная версия о возникновении слова «Чусовая»: слог «чу (чу)» – «река» на тибетском языке, «су» – «река» по-тюркски, «ва» – «река» на коми-пермятском языке, «я» – «река» на языке манси. И получается «чу-со-ва-я», или «река-река-река-река».

В 1723 году в Косом Броду началась разработка железной руды для Полевского и Сысертского заводов. В том же году генерал-майор де Геннин начал строительство небольшой деревянной крепости для охраны рудников и перевозчиков руды от башкирских нападений. Постепенно, утратив свои первоначальные задачи, крепость превратилась в поселение. Долгое время село Косой Брод считалось одним из центров добычи золота на Урале. В сказах «Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Жабреев ходок» отражаются поверья золотоискателей о Великом Полозе и его дочерях, которые охраняют и указывают людям золотые жилы.

«Это Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пройдет – туда оно и подбежит. А ходить он может и

по земле, и под землей, как ему надо, и места может окружить, сколько хочет». Но бывает, что Полоз и отводит жилку, «...не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял»⁴.

Знаменитый самородок – «Лосинное ухо», весом почти в четырнадцать килограмм, найден здесь в 1935 году. Самородок является третьим по величине, найденным в России, и хранится в Алмазном фонде в Кремле. Два его слепка хранятся в краеведческих музеях Екатеринбурга и Полевского. В последующие годы только уже отдельные старатели занимались поисками золота. Видать, отвел на время жилку Золотой Полоз.

Еще одно место, в котором Золотой Полоз оставил свой след – село Полдневая. Начало селу положила деревянная крепость, которая была предназначена для защиты Полевского и Северского заводов от набегов башкир. Дорога от Полевского до Полдневой шла сквозь дремучий лес, петляла среди гор. И чтобы путники не заблудились, им объясняли, что нужно выходить с восходом солнца и идти строго на юг, и ровно в полдень они придут на место, ведь в полдень солнце стоит над главной улицей села. От того и название пошло. Сельчане добывали железную руду и обжигали древесный уголь для заводов. Другие занимались работами на приисках. В начале прошлого века народ жег известь и занимался гончарным производством. В окрестностях села можно найти глину, которая пригодна для изготовления посуды, игрушек. В 1874 году на речке Бобровке было открыто полдневское месторождение редких самоцветов – демантоидов, известных как «уральские хризолиты». «Видал этот камешек? Он и зеленый, и золотистый. Веселый камешек. В сырце, и то любо подержать такой на руке. Так весной да солнышком от него и отдает. Мы эти камешки золотоцветняками зовем»⁵. Эти камушки в бажовском «Серебряном копытце» лесной козел раскидал по полям да лугам. «В каком месте топнет этим копытцем – там и появится дорогой камень. Раз топнет – один камень, два топнет – два камня, а где ножкой бить станет – там груда дорогих камней»⁶.

В восьми километрах от Полдневой находится поселок Кладовка, известный своим золотым прииском, от которого теперь только озеро и осталось. С поскакушкинским прииском связан сказ Бажова «Огневушка-Поскакушка», где рыжая девчушка в голубеньком сарафанчике виделась старателям. И где она покажется, там и золото прячется, по форме похожее на редьку. «Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдет...»⁷

¹ П.П. Бажов. «Две ящерицы»

² П.П. Бажов. «Дорогое имечко»

³ П.П. Бажов. «Синюшкин колодец»

⁴ П.П. Бажов. «Золотой Полоз»

⁵ П.П. Бажов. «Золотоцветень горы»

⁶ П.П. Бажов. «Серебряное копытце»

⁷ П.П. Бажов. «Огневушка-Поскакушка»

Татьяна ЛЫХИНА, Александр ЛЫХИН,
фото авторов

Зимний Гамаюн

Каникулы – это значит походы. В морозный день все вокруг как будто немного замирает. А у нас суета, несмотря на мороз, команда собирается в лыжный поход. И не куда-нибудь, а на Гамаюн, в гости к лесной поляне, на которой летом мы устраиваем палаточный лагерь. Интересно, как сейчас обстоят дела на поляне, которая летом радушно принимает нашу команду последние десять лет. Летом здесь мы загораем, купаемся, развлекаемся и соревнуемся на лодках, катамаранах и ходим по пруду под парусами...

Выйдя из электрички, надеваем лыжи. Наш путь лежит мимо лесного родника оброшенского

карьеря к замерзшей, заснеженной Исети. Путь недалог и знаком до последнего бугорка. Правда, болотце замерзло и спит мирно под снегом, поэтому идти можно прямо в нужном направлении и не бояться, что замочишь ноги. И комаров нет!

Река зимой - как заснеженное поле. Скатившись с горки, мы легко прошли к месту летней стоянки. Как просторно! Здесь все в снегу, но очертания до родного знакомы. Вот здесь летом мы играли в бадминтон, а здесь удили рыбу. Там стояли па-

латки, а здесь был костер. Все спит под снегом. Мы не стали мешать отдыху любимого места и двинулись в сторону города по Верх-Исетскому пруду.

Татьяна и Александр Лыхины – педагоги дополнительного образования, мастера спорта по спортивному туризму.

Как это происходит

В декабрьском номере журнала за 2008 г. мы рассказали об открытии новой трассы выведения космических аппаратов с космодрома Байконур, проходящей над Уралом, через Челябинскую, Свердловскую области, Пермский край. Главной целью было поместить как можно больше информации – уж очень скандальная ситуация: на нас падают отработанные части ракет-носителей, а территория наша (опорный край державы!!!!) и без того и загрязнена, и перенаселена, да и вообще обидно, почему именно здесь? Зачем кроме северного района падения еще и южный??? Но, похоже, получилось слишком уж сжато и кратко, или еще какая причина, но как-то сомнений у читателей не убавилось, да и самый главный вопрос как был, так и остался – безопасно ли все это на самом деле? И как результат – где только можно (а это сегодня различные интернет-сайты) стала появляться самая разнообразная информация, от падения «отработанных шатлов» до сочувствия жителям Шемахи, хотя и расположена она вне района падения ОЧ РН (отделяющихся частей ракеты-носителя). Оно и понятно: «...людей столько раз подставляли и

бросали, что они перестали доверять кому-либо, и представителям отечественной науки в том числе. Это когда-то слово «научный работник» вызывало трепет, сейчас люди защищают свои дома, своих детей, поэтому они консервативны. Единственная возможность – общаться с ними». Попробую. Очень хочется, чтобы удалось на этот раз.

Прежде всего, зачем? Зачем эти запуски, новые орбиты, не стоит ли оставить все как есть? Жили же преспокойно без точных метеопрогнозов (и до сих пор живем, кстати), без глобального мониторинга состояния природной среды (и так известно, что все леса вырубаются, реки мелеют и пр.), и карты составляли когда-то, шагая с приборами по земле – и какие карты!!! Контроль тактической обстановки? Национальная безопасность? Так и эти вопросы как-то решались, да и GPS ведь есть!!! **Вот только в страшные дни войны в Южной Осетии все спутники, обеспечивающие наши системы навигации, оказались**

отключены, а отечественная система ГЛОНАСС окончательно не введена, и введение ее как раз и является одной из задач выведения космических аппаратов на солнечно-синхронную орбиту, т.е. как раз по траектории выведения через Урал... Вот и выходит, как ни обидно, что прекрасные районы на границе Челябинской и Свердловской областей, на северной границе Свердловской и Пермского края будут 1 – 2 раза в год принимать фрагменты отделяющиеся части ракеты-носителя, но задачи-то, которые в этой программе решаются, немаленькие – безопасность страны, благосостояние страны, ее благополучие.

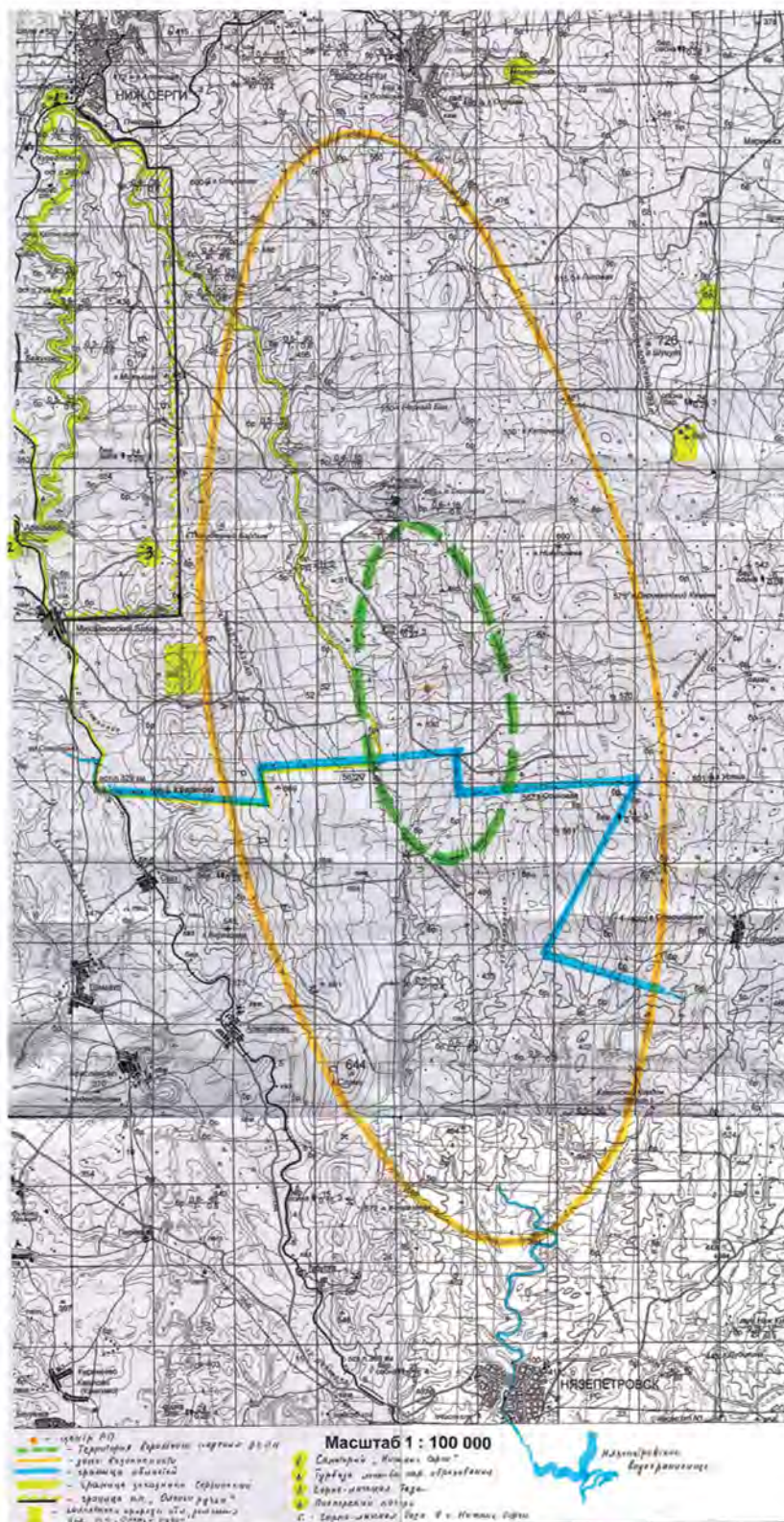
Второй вопрос, который вызывает бурное беспокойство: раз

уж есть один район падения, на севере, зачем же новый? «Зачем траекторию менять?» Да в том-то и дело, что траектория не меняется, по тому же направлению будут производиться пуски космических аппаратов, вот только ракеты-носители разные. В 2006 – 2007 годах это были «Союзы», при этом первая ступень падала в Казахстане, вторая - у нас, на Северном Урале, малые же космические аппараты предполагается выводить с помощью конверсионных, доработанных для выполнения мирных задач РС-18. Первая ступень этих более легких ракет-носителей по расчетам будет падать именно на границе Челябинской и Свердловской областей, вторая – на Северном Урале, в районе Кваркуша.

И все же – почему именно эта траектория запуска? Вроде бы других немало: падают обломки на Алтае, в Томской области, да мало ли еще где... Но увы! На солнечно-синхронную орбиту вывести аппараты можно только в этом направлении; баллистика, ничего не поделаешь.

И, наконец, самое главное – обеспечение безопасности. Территория района падения рассчитана таким образом, что он максимально удален от всех населенных пунктов и включает район расчетного падения фрагментов отделяющиеся части ракеты-носителя и зону безопасности, втрое превышающую территорию расчетного падения фрагментов. При этом граница зоны безопасности располагается на расстоянии 4 – 5 и более км от железной дороги, проходящей западнее района падения, и всех населенных пунктов как на территории Челябинской, так и Свердловской области. Непосредственно за безопасность при пусках отвечает оперативная группа, в которую входят представители Роскосмоса, местной администрации, МЧС, ГО ЧС, Службы спасения, специалисты, осуществляющие экологическое сопровождение. Заранее происходит оповещение жителей через все средства массовой информации о временном закрытии территории.

Карта с границами района падения 1 ступени ракеты (предоставлено Институтом экологии растений и животных Уральского отделения РАН)

Если на территории осуществляются те или иные работы - все они на день пуска прекращаются, люди вывозятся в ближайшие населенные пункты. На дорогах, ведущих в район падения, выставляются

посты. В день, предшествующий пуску, совершается облет территории, с целью эвакуации случайно находящихся там людей (охотники, туристы), оценки состояния природных комплексов, отбо-

ра проб почвы, растительности, воды. В последующие сутки после пуска - повторный облет: поиск упавших фрагментов, контроль состояния природных комплексов, повторный отбор проб для сравнительного анализа и оценки наличия или отсутствия загрязнения в результате падения отделяющихся частей ракеты-носителя. И если на территории северного района падения, при падении отделяющихся частей ракет-носителей, использующих в качестве топлива керосин, допускается то, что их фрагменты остаются найденными, то при эксплуатации территории на границе Челябинской и Свердловской областей Роскосмос берет на себя обязательство вести поисковые работы до ПОЛНОГО обнаружения и эвакуации ВСЕХ фрагментов отделяющихся частей ракеты-носителя, обеспечить локальную детоксикацию в случае необходимости.

Программа экологического сопровождения, помимо контроля непосредственно при пуске ракет, включает также и комплексный экологический мониторинг состояния природной среды района падения и прилегающих территорий. Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН наряду с иными направлениями традиционно занимается изучением общих закономерностей

Фото И. Кузнецовой

стей организации, функционирования, динамики и устойчивости живых систем надорганизменного уровня (популяций, сообществ, экосистем), разработкой теоретических основ охраны природы. В 1989 году доктором биологических наук ведущим научным сотрудником института В.С. Безелем, стоявшим у истоков становления экологической токсикологии в России, организована лаборатория популяционной экотоксикологии. Результаты работ в этом направлении опубликованы в ряде научных публикаций. В настоящее время сотрудниками института разработана специальная программа, в которой

академические, фундаментальные разработки нашли свое практическое применение для объективной оценки воздействия последствий ракетно-космической деятельности на природные комплексы, а опосредованно – и на человека.

Никто не спорит, открытие нового района падения в Нижнесергинском районе – дело непростое. Но прогресс не остановить, и чем дальше, тем ближе к человеку самые сложные новейшие технологии. Для того же, чтобы не подвергать опасности ни себя, ни окружающую нас природу, надо просто хорошо – просчитывая каждый шаг, отвечая за каждое свое действие – делать дело, всем и на каждом этапе: иметь полную и честную информацию, уметь пользоваться ею, вовремя проводить все необходимые меры обеспечения безопасности, причем – по полной программе, не пытаясь экономить, искать, кто сделает подешевле (сегодня это называется котировка, конкурс и аукцион). И тогда страшилка под названием ракетно-космическая деятельность перестанет быть страшной и закрытие доступа к определенному участку территории нашей области на несколько часов в год перестанет вызывать протест и бурю возмущений.

Фото И. Кузнецовой

Горный хрусталь – воплощение красоты природы

*Нам «...остается поговорить о камнях,
ведь в них величие природы в малом,
и ни одна её часть среди многих
не кажется более удивительной.
Камни так наделены многообразием
цветов, веществ и красоты...
Некоторые камни в отличие от
большинства других не имеют цены
мне в человеческих силах
определить их стоимость».*

Так писал Плиний Старший почти две тысячи лет назад, человек острого ума и невероятного прилежания. Сказанное относится полностью и к горному хрусталу, «самому скромному и самому элегантному из камней».

«Хрусталь есть прозрачный и очень твердый камень...фигуру имеет призматическую. В природе рождаются порознь или многие, к одному камню приросшие... Полупрозрачный нерегулярный хрусталь называется кварцем». Вопреки В. Севергину (1807) ныне мы рассматриваем горный хрусталь как благородную разновидность кварца. Название «горный хрусталь» ввел в употребление древнегреческий философ Теофраст – ученик Аристотеля. Рассуждал о происхождении камней Теофраст, а от него это перешло к Плинию Ст.

Совсем другая причина создает «горный хрусталь», ставший твердым от чрезмерного холода. Его, конечно, находят не иначе, как в таких местах, где зимний снег особенно сильно застывает и поэтому греки и дали такое имя «кристаллос – лед». Прекрасные кристаллы горного хрусталя в то время находили в Европе только высоко в альпийских горах, где всегда, холодно. Лишь спустя два тысячелетия, в XVII в., знаменитый английский физик и большой знаток драгоценных камней Роберт Бойль четко установил, что горный хрусталь – это минерал из семейства кварца. Сам же кварц – глава довольно обширного семейства – исключительно распространенный в природе минерал. Полагают, что в земной коре на его долю приходится около 12% её массы. Кварц геологически вечен.

Ещё во времена освоения Екатеринбурга генерал де Геннин, приближаясь с запада к крепости на р. Исеть был поражен открывшимся видом. По поводу чего он писал «... да от Екатеринбурга же в верстах 20 имеется гора, вся хрустальна, видом по натуре якобы молочна, и которой камения полировано, и в нем является при солнце красное, лазоревое, белое и желтое сияние».

Кварц – прежде всего неустанный труженик. С его помощью лют металл, производится специальное химически и термически стойкое кварцевое стекло, разнообразная керамика, фаянс и фарфор, работают химические аппараты. Потребность промышленности в кварце велика, и поэтому на месте горы Хрустальной, так поразившей де Геннина, сейчас находится большой карьер, из которого многие десятилетия добывают кварцевое сырье для нужд отечественной промышленности.

Ещё об одном практическом применении хрусталя пишет Плиний:

«У врачей я нашел, что если надо что-нибудь прижечь на теле, по их мнению, это делается не иначе, как расположить хрустальный шар прямо против солнечных лучей».

Пройдем по залам Уральского геологического музея.

В залах отдела минералогии в удобной для обозрения форме показаны земные богатства Урала. Едва ли какую-либо область Российской Федерации можно сравнить с Уралом по богатству и разнообразию ме-

Владимир Авдонин – с.н.с. Уральского геологического музея, кан. г.-м. н.

сторождений кварца и его благородного представителя – горного хрусталя.

В это время всегда на память приходят замечательные слова основоположника научной кристаллографии Р.Ж. Гаюи:

«С какой бы точки зрения и рассматривать природу, всегда поражает обилие и разнообразие её творений».

Экспозиция отдела минералогии открывается гигантским кристаллом горного хрусталя. Его вес 784 кг, а «рост» 170 см. Это самый крупный и самый красивый кристалл из имеющихся в музеях нашей страны.

Кристаллы – изумительные творения природы – всегда привлекали внимание людей своим внешним обликом в виде правильных многогранников с плоскими зеркально-гладкими гранями и прямыми ребрами.

«Образование кристалла есть неоспоримо самое привлекательное и удивительное действие природы».

Уже древние – наши далекие предки – знали и относили горный хрусталь к числу самых любимых камней.

Горный хрусталь, вероятно, один из рекорсменов минерального царства по упоминанию в церковной и светской литературе, в лапидариях и лечебниках, руководствах по химии и гадальных книгах.

Горный хрусталь (кварц) – прежде всего неутомимый труженик. Ни одно минеральное семейство не служит человечеству так долго, как минералы семейства кварца: от кремневого топора – первого орудия человека, до пьезокварцевой пластинки, без которой немыслима современная радиотехника – таков славный путь использования кварца в науке и технике.

Ни одно минеральное семейство не удосужилось столь длительного и неослабного интереса ученых. В 1667 г. знаменитый датский ученый Николай Стенон, работавший в это время в Италии, изучая кристаллы кварца, установил основной закон геометрической кристаллографии – закон постоянства двугранных углов, т.е. он нашел, что углы между одноименными гранями кристалла будут постоянны. Так было положено начало науке кристаллографии. До появления работы Стенона научной кристаллографии не существовало вовсе. Недоумения, вызываемые природными многогранниками, устранялись при помощи толкований мистического характера. Кристаллам приписывались сверхъестественные и чудодейственные свойства. Ученые того времени оставили ряд фантастических гипотез, якобы объясняющих происхождение и особенности кристаллических образований минерального мира. Знаменитый И. Кеплер (1571 – 1630) упоминая о кристаллических формах, ссылается на некую фантастическую «образующую силу, которая находится во внутренностях Земли и, подобно рождающей жене, производит пять правильных геометрических тел в формах драгоценных камней».

Много лет спустя после Стенона, в 1880 г., братья Жак и Пьер Кюри на кристаллах кварца открыли явление пьезоэлектричества, если отключиться от практиче-

ской и научной роли горного хрусталя, а исследований на эту тему великое множество...

Какие только суеверия не связывали народы разных стран с прозрачными и бесцветными кристаллами горного хрусталя. Греки, например, широко его использовали не только в предсказаниях, но и для зажи-

гания жертвенного огня. Обычай этот продолжался до XV века. И в наше время раз в четыре года в маленьком греческом городке Олимпия у алтаря Аполлона, что близ рощи священных оливок, жрица линзой из горного хрусталя зажигает священный огонь Олимпиады.

Мы не можем не отметить и замечательную способность горного хрусталя и особенно кварцевого стекла пропускать ультрафиолетовые лучи. Используя эти свойства, люди изобрели исключительные по своей простоте и силе действия ртутно-кварцевые лампы – генераторы ультразвуковых лучей, применяемые широко как дезинфицирующая медицинская установка.

Никакая самая совершенная химическая лаборатория не может воссоздать нам природный минеральный вид во всем его богатстве и со всею неповторимостью форм. И семейство кварца – яркий этому пример, в нем мы находим: горный хрусталь бесцветный, горный хрусталь дымчатый, горный хрусталь черный, просвечивающий только в тонких осколках – морион, цитрин – лимонно-желтого, аметист, розовый кварц, а также скрытокристаллические разновидности: халцедон, агат, сердолик, хризопраз... И наконец, разновидности с необыкновенными оптическими эффектами: тигровый кварц, кошачий глаз и др. И всем им природа придала индивидуальные, собственные особенности, которые заменяют им наши характеры с тем, чтобы их можно было легко и точно различать.

И трудно себе представить какое-либо минералогическое собрание без красивейших штуфов и друз горного хрусталя бесцветного или слегка дымчатого из месторождений Приполярного Урала (Додо, Пуйва, Пирамида, Неройка и др.) или Южного Урала. Из пегматитовых жил Мурзинки – морионы в ассоциации с черным турмалином, нежно-голубым топазом, аква-марином, гелиодором и в обрамлении гребенчатым альбитом – клевеландитом.

Украшают музеи всего мира и друзы горного хрусталя с кубами пирита и тетраэдрами блеклой руды из золотоносных жил Березовска – золотого гиганта России.

О размере кристаллов: есть минералы, способные образовывать кристаллы-гиганты, и есть минералы,

кристаллам которых суждено оставаться карликами. Кварц – один из тех, кристаллы которого могут быть сверхгигантами. На Урале кристаллы кварца в несколько килограммов весом не считаются редкими. Уральский рекордсмен имеет массу 3,5 тонны (Светлинское месторождение). В 1958 г. в урочище Актайляу в северо-западном Тарбагатае (Казахстан) в пегматитовой жиле вскрыта полость, в которой находился кристалл длиной 7,5 м, масса кристалла 70 т (по расчету). Это был абсолютный чемпион в мире кристаллов; он был переработан на кварцевое сырье. В Бразилии нашли гигант в 40 т, он имел длину 6 м, а ширина граней достигает 1,5 м.

Во все времена драгоценным и ювелирно-поделочным камням присваивались целебные, магические и другие свойства. Многие люди верят в магическую силу камней. Возьмем аметист, название которого происходит от греческого «а» – отрицание, «methistos» – быть пьяным. По этому поводу Плиний еще в 77 году сказал: «Пустая болтовня магов уверяет, что аметист противодействует опьянению. Целебные и прочие свойства, наверное, приписывали камням их торговцы, чтобы выгоднее их продать». Мы будем совершенно не правы, если станем полностью отрицать влияние камня на человека. Прислушаемся к мнению великого знатока камня А.Е. Ферсмана: «Камень в руках человека – прекрасный материал, с которым лучше и веселее жить. Это самоцвет, придающий красоту жизни!» Ибо когда человек смотрит на красивый камень – его глаз отдыхает, а душа радуется.

*В руки возьми ты кристалл,
несравненный, сияющий камень;
Отблеск небесных лучей заключен
в этом камне чудесном.*

*Радует сердце богов его неземная
прозрачность.*

*Если с кристаллом в руке
подойдешь ты к священному храму,
Просьбе смиренной твоей
никогда небеса не откажут.*

При поддержке:

- Министерства природных ресурсов Свердловской области
- Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области
- Союза охотников и рыболовов Свердловской области
- Федерации силового экстрима России
- Ассоциации экстремальных видов спорта Урала
- Российской ассоциации «Экология Незнания»
- Уральского координационного совета по аномальным явлениям

Генеральный спонсор: Екатеринбургский филиал ОАО ГСК «Югория»

АДРЕНАЛИН -action

17-19 марта

в программе:

II Международная научно-практическая конференция «Урал – часть мировой системы активного и экстремального туризма: проблемы и перспективы развития» Организатор: Институт физической культуры, социально-культурного сервиса и туризма (УГТУ-УПИ)

Международный форум «Территории природно-космических аномалий. Уральский феномен-2009г.» Организаторы: Российская ассоциация «Экология Незнания», Уральский координационный совет по аномальным явлениям.

Семинары, презентации, конкурсы, соревнования, show-actions.

ОХОТА, РЫБАЛКА V межрегиональная выставка

- Снаряжение, экипировка;
- Оружие, аксессуары;
- Приборы, оборудование;
- Техника, транспорт;
- Сырьё и оборудование для производства спец. товаров;
- Таксидермия, сувениры;
- Фото и видеоохота;
- Целевой туризм, отдых;
- Аудио, видео, печатная продукция.

EXTREME – СПОРТ, ТУРИЗМ

VII межрегиональная выставка

- Горный экстрим;
- Водный экстрим;
- Воздушный экстрим;
- Наземный экстрим;
- Городской экстрим;
- Силовой экстрим;
- Спортивные товары и оборудование;
- Другой: круизы, «корпоратив», экспедиции.

АНОМАЛИСТИКА спецпроект

- НЛО;
- Полтергейст;
- Необычные формы жизни;
- Пространственно-временные аномалии;
- Биоинформационный обмен в природе.

КОСК «Россия»

www.kosk.ru
620072, Екатеринбург,
ул.Высоцкого, 14,
expopsa@kosk.ru,
expoman@kosk.ru
(343) 347-48-08,
347-64-20, 222-63-73

11 межрегиональная специализированная выставка

24-27 марта ОБРАЗОВАНИЕ от А до Я КАРЬЕРА

Образовательные учреждения

- ☐ Учреждения общего, среднего и высшего профессионального образования
- ☐ Учреждения общего и дополнительного образования
- ☐ Центры обучения за рубежом
- ☐ Центры бизнес-образования

Карьера

- ☐ Центры повышения квалификации и профподготовки на предприятиях

Обеспечение учебного процесса

- ☐ Научно – методическое, правовое и кадровое обеспечение образования
- ☐ Информационные технологии в образовании
- ☐ Учебная, методическая, справочная, деловая литература, пособия
- ☐ Оргтехника, канцтовары
- ☐ Учебное оборудование, мебель
- ☐ Одежда для учащихся

При поддержке:

- Министерства общего и профессионального образования Свердловской области
- Министерства торговли, питания и услуг Свердловской области
- Управления образования Администрации г. Екатеринбурга
- Уральского отделения Российской академии образования
- Форума женщин УрФО

В программе выставки:
Конференции, семинары, консультации, мастер-классы, «круглые столы», презентации, проведение деловых встреч и переговоров, обмен опытом работы

Ярмарка вакансий для выпускников

620072, Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14
(343) 347-45-05, 348-25-55
jkovento@kosk.ru, www.kosk.ru

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

uralstalker.ru

**ОБЕСПЕЧИМ
БЕЗОПАСНОСТЬ
СТРАНЫ**

**ПО СЛЕДАМ
ДЕМИДОВСКИХ СТАРАТЕЛЕЙ
КАРТА ИВДЕЛЬЛАГА
ЧТО ТАКОЕ ГИДРА?**

февраль
2009

Андрей ПИЧУГИН,
фото автора

По следам демидовских старателей

Долины большинства уральских рек испещрены намывками после старательских работ. В XIX веке только в Нижнетагильском горнозаводском округе разрабатывалось около двух сотен приисков по добыче золота и платины. На старинных географических картах округа сохранились их названия: Авроринский, Сырковский, Павловский, Александровский, Суховисимский, Рублевский, Соловьевский, Мартьяновский, Березовский...

Минеролог В.М. Севергин в 1814 году утверждал: «нет платины в России». Но уже в 1824-м была открыта платиновая россыпь на реке Орулихе, вблизи Лайских заводов. В 1825-м найдены блестики белого цвета по реке Сухой Висим в Висимо-Шайтанской и Черноисточинской лесных дачах Нижнетагильского округа. Самым крупным хранителем платины была Соловьева гора. Платину промывали на вашгердах, где кроме мужчин работали и женщины, и подростки.

После 1919 года металл добывало объединение «Уралплатина». К XVII международному геологи-

ческому конгрессу, который проходил в 1937 году, уральские геологи подготовили и расчистили стенку дунитового обнажения с десятками включений платины.

В 1891 году Д.Н. Мамин-Сибиряк в Петербурге по материалам, привезенным с Урала, пишет очерк «Платина», в котором рассказывает о старателях Нижнетагильского заводского округа.

В 1896-м от Нижнетагильского до Висимо-Шайтанского завода через прииски проложили железную дорогу. В 2004-м пассажирское движение ликвидировали, по «железке» на НТМК возили дунит. Сейчас «паровозный» гудок уже не нарушает тишину. Регулярное движение «кукушки» ушло в прошлое.

Летом прошлого года я предпринял несколько путешествий по долинам рек, по следам бывших демидовских старателей. Рано утром на велосипеде приехал на станцию Чауж. Случайно познакомился с пенсионером Геннадием Николаевичем Кокориным. Он в 1940-е годы жил в Павловском – бывшем